

**ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ
И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК**

**БЛИЖНИЙ ВОСТОК:
ПРОБЛЕМЫ
РЕГИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ**

Москва 2000

ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

**БЛИЖНИЙ ВОСТОК:
ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
(сборник статей)**

Москва 2000

Лицензия ЛР № 030697 от 29.07.1996 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**БЛИЖНИЙ ВОСТОК:
ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**
(сборник статей)

Составитель сборника	академик РАЕН М.Р.Арунова
Ответственный редактор	чл.-корр. РАЕН Л.Н.Клепацкий
Технический редактор	В.В.Хуторская

Подписано в печать 07.08.2000 г.
Формат 60x90/16. Печать офсетная
Бумага офсетная №1 Объем 8,0 уч. изд. л.
Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 169

Типография ГНЦ РФ «НИОПИК»
103031 Москва, Нижний Кисельный пер. 5

научное издание

БЛИЖНИЙ ВОСТОК: ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
(сборник статей)
М., 2000. – 208 с.

Рукопись подготовлена	Секцией геополитики и безопасности РАЕН
Составитель сборника	академик РАЕН М.Р.Арунова
Ответственный редактор	чл.-корр. РАЕН Л.Н.Клепацкий
Технический редактор	В.В.Хуторская

ISBN 5-89394-040-7

ISBN 5-89394-040-7

© Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2000

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Международные отношения переживают очередную в своей истории фазу трансформации, источником которой стало окончание «холодной войны». Этот процесс совпал с прогрессирующей динамикой глобализации. Обе эти тенденции взаимопереплетаются, требуя своего анализа и определения на их основе новых координат развития мирового сообщества. Пожалуй, впервые в своей истории человечество имеет уникальную возможность сознательно выбрать пути своей дальнейшей эволюции.

В условиях глобализации и открывшейся перспективе многополярного мироустройства уже сегодня необходим поиск устойчивых «стабилизаторов» безопасности государств в ее национальном, региональном и международном измерениях. Важно учитывать все эти три измерения в одном, что называется, ключе, поскольку суверенитет государства сегодня не ограничивается национальными рамками. Глобализация, расширяя возможности самореализации нации – государства, в то же время повышает степень уязвимости в области национальной безопасности.

При этом важно исходить из того, что в условиях глобализации, которая все больше пронизывает многие сферы национальной жизни, в центре внимания всех концепций развития международных отношений должны находиться прежде всего национальные интересы и национальная безопасность государств. Их игнорирование, или умаление, непонимание специфики национального может стать новым или дополнительным источником межнациональных и межгосударственных трений, споров, конфликтов и столкновений.

Глобализация является естественным и историческим процессом. Не сегодня она родилась и не завтра она завершится. Научные исследования уже достаточно детально проанализировали эту тенденцию, ее источники и этапы развития. И поэтому сегодня необходимо не накопление фактов, ее подтверждающих, а осмысливание ее последствий, которые приобретают все более политический характер: какой будет конструкция миропорядка, которая, опираясь на глобализацию, должна обеспечить стабильное (относительное, ибо абсолютного достичь невозможно) и безопасное развитие национальных государств и международного сообщества в целом.

Решение этой задачи не будет легким и простым по ряду причин. Одна из них – неравномерное развитие человечества. Существует глубокая асимметрия: с одной стороны, группа государств с высоким и средним уровнем индустриальной цивилизации (к этой группе стран условно можно отнести государства, входящие в Организацию экономического сотрудничества и раз-

вития) и, с другой, большое число развивающихся стран, находящихся на начальных стадиях современного цивилизационного развития. Всего 20% населения земли (так называемый «золотой миллиард») имеет 83% мирового дохода. На другом полюсе – 75% населения бедных стран планеты. По оценкам специалистов, через несколько лет там будет проживать почти 85%*. Политические последствия этой асимметрии могут быть тяжелыми, и вряд ли современный миропорядок выдержит ее груз.

В условиях «слепой» (т.е. неуправляемой) глобализации эти диспропорции имеют тенденцию к усилению: соотношение между доходами 20% процентов богатых и 20% бедных среди мирового населения было в 1960 г. как 30:1, в 1994 – 78:1. Но при этом не надо забывать еще одну сторону этого неравенства, приобретающего глобальный характер: на долю развитых стран приходится до 70-80% эксплуатируемых ресурсов мира, сосредоточенных, кстати, главным образом на территории стран с низким уровнем доходов. И, следовательно, глобализация действует на разрыв мирового сообщества и несет в себе значительные объективные угрозы. Будут ли способны состоятельные сегодня страны выдержать эту асимметрию, не станет ли сам «золотой миллиард» заложником глобализации. Такого варианта исключить нельзя, а это могло бы обернуться глубокой дестабилизацией всей системы и структуры международных отношений.

Более перспективным является создание такого миропорядка, который, с одной стороны, обеспечивал бы доступ национальных государств к преимуществам глобализации, с другой, – содержал бы механизмы, защищающие или смягчающие риски и угрозы, сопровождающие глобализацию.

В этой связи нельзя не обратить внимания, что все более четко вырисовываются два основных подхода к обеспечению национальной безопасности государств. Один из них заключается в утверждении, что глобализация требует создания мировых организаций с передачей им государствами прав по вопросам безопасности, экономики, развития. В этом случае в указанных сферах государства утрачивают свой суверенитет (частично или полностью). При этом остается без ответа вопрос: а чьи интересы будут отражать так называемые «мировые организации»? Как они будут учитывать национальные интересы государств? И каковы гарантии, что деятельность «мировых организаций» обеспечит интересы государств в области безопасности?

Иными словами, идеи об ограничении (добровольном или принудительном) суверенитета государств в пользу анонимных на сегодня мировых организаций порождают массу вопросов, и, следовательно, их реализация в условиях отсутствия наших ответов далеко не гарантирует стабильной и прочной безопасности, независимо от ее содержательной части или уровня ее обеспечения – национального, регионального и глобального. Думается, что указанный – космополитический – подход ведет к искусственному конструированию системы безопасности, а создание мировых организаций будет сопровождаться бюрократизацией межгосударственных отношений.

* Программа действий: повестка дня на XXI век. – Женева, 1993 г.

Представляется, что наиболее плодотворным стал бы иной подход к обеспечению безопасности. Он базируется на сочетании и сложении усилий на национальном, региональном и глобальном уровнях. Собственно, сама логика развития международных отношений, особенно во второй половине XX века, подводит к выводу о том, что безопасность может быть обеспечена именно таким путем. Мировое сообщество располагает универсальным механизмом, каковым является Организация Объединенных Наций. В повестке дня – реформа, призванная повысить эффективность ее деятельности, адаптировать к реалиям современности. Сложилась и действуют региональные организации, которые играют все более весомую роль в обеспечении безопасности и развитии сотрудничества между государствами своего региона. В Европе – это ОБСЕ, в Азии наращивает свой потенциал АСЕАН, его региональный форум по безопасности (АРФ), имеются соответствующие организации в Африке, Латинской Америке. Важно, что налаживается их контакт с ООН, Советом Безопасности, который несет главную ответственность за поддержание мира. В условиях глобализации взаимодействие между ними становится еще более необходимым, поскольку позволяет объединить потенциал для противодействия угрозам в области безопасности, выработывая модели согласованного поведения.

Одно из последствий глобализации – возрастающая взаимозависимость. Наиболее полно зависимость национальных государств друг от друга наблюдается в экономической, финансовой, технологической сферах. Поэтому глобализация имеет прежде всего экономические параметры. Но в то же время усиливается ее политический компонент, а именно – сотрудничество национальных государств в этой области, их взаимодействие с международными и региональными финансовыми организациями и банками.

Обратной стороной нарастающей взаимозависимости в системе международных отношений выступает неделимость безопасности, причем в двух аспектах – содержательно-структурном и географическом (или пространственном). В первом случае речь идет о все более мощном переплетении политических, экономических, военных, экологических и иных содержательных сторон безопасности, в другом – о воздействии нестабильности, конфликта в одном географическом регионе на другие. Этот последний аспект после окончания «холодной войны», деления мира по политико-идеологическому критерию стал ощущаться слабее, но зато более зримо проявляется связь между стабильностью на национальном и региональном уровне.

Глобализация, усиливающая обоюдную зависимость национальных государств, должна иметь соответствующую политическую конструкцию, т.е. международные отношения, отвечающие требованиям и условиям современных процессов и обеспечивающие безопасность государств на национальном, региональном и глобальном уровнях.

Просматривается сегодня два варианта развития международных отношений в условиях глобализации. Один из них – использование ее возможностей в основном для индустриально развитых стран в целях обеспечения их стабильности, устойчивого экономического и социального развития и благо-

получия. Другой – объединение национальных усилий для решения проблем глобализации, создание механизмов регулирования ее процессов в интересах всех членов мирового сообщества.

Прогрессирующая глобализация поднимает целый пласт новых вопросов в области международных отношений и безопасности. И уже появились соответствующие интерпретации (типа новой версии «ограниченного суверенитета», «гуманитарного вмешательства», приоритета безопасности личности над безопасностью государства и т.п.). Глобализации придается самодевлеющее значение, создается своего рода ее миф. Политические лидеры и политологи, выступающие с подобного рода идеями, почему-то не сообщают, в какой мере их государства готовы «урезать» свой суверенитет в пользу глобализации. Получается, что у одних стран будет полноценный суверенитет, а у других – «ограниченный». Система, построенная на политической несправедливости, не может быть устойчивой.

Эгоистический расчет сторонников космополитической, а по сути, – гегемонистской системы международных отношений просматривается довольно отчетливо. Они хотели бы, чтобы основные дивиденды от глобализации получили главным образом индустриально развитые страны. Ведь именно они выступают носителями основных факторов глобализации.

Соотношение глобализации и национальных интересов, суверенитета государства относится к одной из кардинальных проблем современных международных отношений. Сейчас вновь в ходу утверждения, что глобализация де-факто нивелирует суверенитет. Появилась очередная версия доктрины «ограниченного суверенитета» национального государства. Какова ее целесообразность? Когда тридцать лет назад появилась «доктрина Брежнева», за этим стояла известная политическая целесообразность, и ее освистал весь демократический мир. Сейчас доказывается, что глобализация требует интернационализма, т.е. солидарности. Во имя кого и чего? Разве цели и задачи глобализации, ее последствия столь четко определены, что их достижение требует солидарности, отказа государств от своего суверенитета?

В мировой политической практике встречаются случаи добровольной или принудительной (последнее было чаще) передачи части государственно-го суверенитета другому государству, или взаимный, согласованный отказ от его реализации на национальном уровне и его осуществление на межгосударственном, наднациональном. Пожалуй, наиболее интересен опыт, накопленный в интеграционном развитии Европейского Союза. Государства, его образующие, передают часть своих суверенных прав наднациональным органам управления. Раньше это касалось экономических вопросов, теперь – валютно-финансовых, в перспективе – вопросов внешней политики и обороны. Следует обратить внимание на следующее. Наднациональные органы управления действуют строго в соответствии с мандатом, рамки которого определены национальными государствами. Далее, они реализуют общий интерес в указанных сферах согласованным демократическим путем. На этот счет имеются соответствующие процедуры и механизмы. Заметил бы, что лучше и

точнее говорить не об общем интересе Евросоюза, а о консолидированном интересе, складывающемся в результате порой очень сложного поиска, компромисса между национальными государствами.

В этом случае вроде бы ясно: кому, зачем, почему и для чего (результат) передается суверенитет. Но, тем не менее, нужно отметить, что нет здесь и отказа от национальных интересов. Их реализация передается подконтрольному органу, к тому же и само национальное государство, его представители участвуют в этом процессе. Здесь нет механического или автоматического ограничения суверенных прав или игнорирования национальных интересов. Это – не НАТО, где нередко срывает команда, а механизм демократического согласования нередко дает сбой (последний пример – нарушение целым рядом государств демократических процедур в связи с военной акцией на Балканах).

Поэтому когда звучит призыв преодолеть «кретинизм» государства, его суверенитет, поскольку этого требует глобализация, то политическое решение этой проблемы не может быть упрощенным. Недостаточна ссылка на то, что проблемы, возникающие в процессе глобализации, имеют масштабный характер, и национальное государство не в состоянии с ними справиться только потому, что не имеет необходимых финансовых и материальных ресурсов.

Игнорирование национального государства, его суверенитета и интересов (кстати, кто это предлагает, сами как-то не замечены в стремлении к отказу от суверенитета) – это ложный путь, ведущий к конфликтам. Государство в качестве представителя общества, реализатора его суверенной власти еще долго будет выступать в этой роли в системе международных отношений, участвовать в выработке их регуляторов на двустороннем, региональном и глобальном уровнях. Мировое сообщество пока не имеет и долго еще не будет располагать инструментарием по регулированию политической демократии, финансовой и экономических систем, обеспечению социальных и гражданских прав.

Уважение суверенитета государств, его национальных интересов должно оставаться главным непререкаемым принципом международной жизни. Перспектива XXI века – в обеспечении соблюдения этого принципа. Никакая глобальная система не станет жизнеспособной, если она не будет открыта национальным интересам, не будет построена на взаимодействии государств. Это сравнимо с тем, как если бы одновременно с провозглашением прав личности глушить волю человека к самореализации. Тем более что сам национальный интерес не выступает чем-то чужеродным глобальному, поскольку является синтезом внутренних и внешних факторов. Глобальной ответственности можно добиться, если она будет предполагать учет и реализацию национальных интересов. Только на этом пути может быть преодолена их «анархия». В целом глобализация и национальные интересы государств – не взаимоисключающие, а взаимодополняющие структурные элементы развивающегося мироустройства.

Укрепление государства как основного выразителя национального интереса в системе международных отношений – в интересах членов мирового сообщества. Государство было, есть и еще долго будет основным их субъектом. Даже в условиях высокоорганизованного гражданского общества оно остается необходимым. Тем более нет ему альтернативы и в международных отношениях.

Мировое сообщество проходит ответственный этап своего развития. Все государства, особенно причисляющие себя к передовой демократии, должны вести себя ответственно. Резкие движения способны вызвать пагубные последствия для международных отношений, перечеркнуть перспективу их реформирования. Именно поэтому негативно была воспринята военная акция НАТО против Югославии, осуществленная под предлогом недопущения «гуманитарной катастрофы».

Не одобрялась она даже теми, кто был согласен с необходимостью защиты прав албанцев в Косово, прекращения в отношении их геноцида. Суть проблемы заключается все же не в этом, а в намерении стран НАТО навязать международному сообществу свои «правила игры» в мировой политике, опирающиеся на фактор военной силы. Если сегодня существует право, регулирующее межгосударственные отношения, пусть и несовершенное, но выработанное на согласованной основе, то страны НАТО выдвигают «собственную версию» права со стороны всего лишь десятой части мирового сообщества национальных государств.

Как соблюдение норм и принципов демократии, прав человека и свобод на национальном уровне составляет одну из основ обеспечения и сохранения мира, так и уважение национального суверенитета, территориальной целостности государств также относится к устоям международной безопасности и стабильности. При этом мировое сообщество в состоянии сегодня выйти на согласованное понимание того, что и на национальном, и на глобальном уровне может возникать угроза безопасности обоим этим уровням. Авторы британской версии «Концепции международного сообщества» пытаются определить сферы национальной жизни, которые могут стать угрозой международному миру, и посему-де к ним неприменим принцип невмешательства во внутренние дела. Но логично также снять «табу» с невмешательства в некоторые «глобальные факторы», неконтрольность которых оборачивается дестабилизацией на национальном уровне. К примеру, – поведение транснационального капитала, способного из-за своих спекулятивных целей наносить значительный ущерб целым государствам, лишая их устойчивости в развитии и политической стабильности.

Не случайно поэтому так остра реакция международного сообщества на последний валютно-финансовый кризис, последствия которого до сих пор не преодолены. Генассамблея ООН приняла в этой связи специальную резолюцию. Примечательны исследования Всемирного банка, проведенные недавно: в них подчеркивается важность усиления роли государства, ибо оно формирует приоритеты экономической жизни, социальных задач и осуществляет взаимодействие с другими государствами. Это тем более важно учитывать,

что на рубеже столетий выявилось понимание, что практически все известные модели хозяйствования исчерпали или исчерпывают свой потенциал. Сегодня идет мучительный поиск их новых вариантов, совместимых с глобализацией.

АТЭС на встрече в Куала-Лумпуре высказывался за мониторинг движения спекулятивных краткосрочных капиталов и за соблюдение принципа добровольности в либерализации внешней торговли, что ясно указывает на важность учета национальной специфики в этом процессе. Возникает своего рода протест против игнорирования национальных интересов: «мобилизация против глобализации». И демонстрации в США в связи с сессией ВТО хорошо иллюстрируют это.

Разумеется, проблематика обеспечения национальной безопасности, ее основ в условиях глобализации имеет свою специфику, когда речь идет об определенных странах, конкретных регионах. В представленном читателям сборнике статей рассматривается подобная ситуация, ее различные аспекты на довольно обширном пространстве – от Афганистана до Алжира, от Персидского залива до Средиземноморья. В некоторой степени такой пространственный обзор получился случайно, знакомство с ним позволяет обратить внимание на одно важное обстоятельство: как огромна, оказывается, зона нестабильности, охватывающая регион восточной Азии, Среднего и Ближнего Востока, Средиземноморья. При этом нельзя не отметить следующее:

- высокую насыщенность конфликтами, имеющими различную природу: межгосударственную, внутригосударственную; межконфессиональную и внутриконфессиональную, этническую. Некоторые из этих конфликтов имеют многолетнюю историю и требуют особой терапии;

- экономическую отсталость. Лишь небольшая группа стран с малым населением и располагающих нефтью сумела обеспечить сравнимый с промышленно развитыми государствами неизменный стандарт. Та асимметрия, о которой говорилось выше в контексте глобального экономического развития, здесь особенно очевидна;

- высокую степень милитаризации. Некоторые страны являются своего рода рекордсменами по закупке вооружений.

И, пожалуй, стоит сказать еще об одном факторе: в последние годы именно на этом пространстве проявилась очень тревожная тенденция, а именно – радикализация ислама, приобретающая воинствующие и экстремистские формы, опасные как для самих государств, так и их соседей. Внутренний терроризм исламистов, как в Алжире, дополняется международным, с чем столкнулись Россия на Северном Кавказе, Киргизия – в Средней Азии. Мир ислама стоит сегодня перед вызовом, который имеет внутренний характер. Авторитет этого вероисповедания во многом будет зависеть от того, насколько ислам справится с этим вызовом.

Совершенно очевидно, что укрепление глобальной и региональной стабильности и безопасности невозможно без урегулирования имеющихся на указанном пространстве конфликтов, ряд которых приобрел затяжной многолетний характер. Вместе с тем приходится констатировать, что потенциал

недоверия, вражды, подозрительности чрезвычайно велик и создает огромные трудности в поиске путей по их преодолению. И тем не менее иного выхода нет.

Исторический опыт XX века утверждает: у силовой политики будущего нет. Это показывает, в частности, практика урегулирования ближневосточного конфликта. Международное сообщество готово оказывать помощь в решении этой проблемы, разумеется, если сами конфликтующие стороны в этом заинтересованы. В начале 2000 года вновь – после четырехлетнего перерыва – состоялась очередная встреча группы содействия многосторонним переговорам по Ближнему Востоку. Намечены дальнейшие шаги по развитию регионального сотрудничества, в частности, по водным ресурсам, региональному экономическому сотрудничеству, по проблемам беженцев, окружающей среды. Решение этих проблем стало бы вкладом в оздоровление политической обстановки в регионе.

Оценивая перспективы этого обширного пространства, нельзя не видеть их взаимосвязь с перспективами развития всего международного сообщества, нового – после окончания «холодной войны», – мироустройства. Стабильности в этом регионе можно достичь, если станут учитываться национальные интересы расположенных здесь государств, если они будут открыты для сотрудничества друг с другом. Необходимо набраться терпения и настраивать общественность стран региона на ведение политического диалога – диалога мира, взаимопонимания, поиска и нахождения взаимоприемлемых решений в области безопасности, создания условий для экономического сотрудничества, устойчивого развития региональной интеграции. Экономические цели должны стать приоритетными, открывая путь к обеспечению безопасности стран региона.

Инициативную роль в этом процессе надо взять на себя прежде всего самим странам региона. Внерегиональные государства могут оказывать содействие в решении актуальных проблем их сотрудничества. Более весомым ожидается вклад ООН в организацию политического взаимодействия государств Среднего и Ближнего Востока, Передней Азии. Глобальные усилия в сочетании с национальными и региональными следует нацелить на стабилизацию ситуации, формирование общеприемлемой платформы сотрудничества. Именно такое направление представляется перспективным. Большой ошибкой были бы действия с целью создания в регионе военно-политических блоков. Это был бы контрпродуктивный шаг, ведущий к обострению противоборства, усилению подозрительности и недоверия в отношениях между государствами региона.

Представленные в сборнике статьи, отражающие авторские суждения, затрагивают различные аспекты состояния дел на огромном пространстве. Они дают возможность полнее понять, с какими трудностями сталкивается здесь международное сообщество.

Л.Н.Клепацкий
член-корреспондент РАЕН

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ СИТУАЦИИ В АФГАНИСТАНЕ И ПОЗИЦИЯ ООН В ДЕЛЕ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА

Особенности нынешнего положения в стране, как представляется, во многом связаны с тем, каким образом свершились падение прежнего режима, установление власти моджахедов и приход талибов.

Вступление в силу советско-американской договоренности о прекращении поставок оружия враждующим афганским сторонам, развал СССР – главного, если не единственного союзника правительства Наджибуллы, – сделали его падение лишь вопросом времени. Впервые за годы гражданской войны достижение компромисса с вооруженной оппозицией стало для верхушки кабульского режима императивом¹. Это, естественно, вызвало растущее беспокойство в тех кругах партийно-государственного и военного руководства Афганистана, которые рассчитывали на физическое, а при определенных условиях и политическое выживание в случае установления власти моджахедов. Эти настроения крепили на фоне резкого обострения межэтнических противоречий в стране и руководстве, в условиях активизации политики США, Пакистана и Саудовской Аравии на афганском направлении.

Как известно, Афганистан населяют афганцы (пуштуны), таджики, а также хазарейцы, узбеки, туркмены, чараймаки и другие нацменьшинства. Напомним, что исторически основателями афганской государственности были пуштуны. Именно из них, как правило, традиционно формировалась правящая элита, высшее чиновничество и генералитет. Непуштуны довольно остро ощущали неравноправное положение. Как известно, пробуждение национального самосознания разных этносов проявлялось и до переворота 1978 г., в том числе в форме создания группировок, выступавших против пуштунской гегемонии².

В годы гражданской войны произошли естественные перемены в этнодемографическом и этнополитическом балансе страны³. Во-первых, к моменту падения правительства М.Наджибуллы, прихода к власти моджахедов и создания Исламского государства Афганистан пуштуны не составляли большинства населения, что непосредственно связано с их многомиллионной эмиграцией. Во-вторых, активное участие в многолетней военно-политической борьбе против кабульского режима позволило оправшимся на национальные меньшинства партиям и группировкам моджахедов укрепиться в политическом, организационном и военном отноше-

ниях. К тому же в государственных, особенно силовых, структурах кабульского режима непустуны заняли весьма видное место. Например, таджикский элемент устойчиво преобладал в аппарате и вооруженных формированиях Министерства госбезопасности, военной опорой правительства М.Наджибуллы на определенное время стали также не пуштуны, а узбекские военные части под командованием генерала А.Досума и т.п.

В непустунской среде в целом все более крепло убеждение в недопустимости возврата к прежнему доминированию пуштунов. Назревшие в недрах режима межэтнические противоречия перешли в весьма острую форму в тот момент, когда происходило стремительное размывание социально-политической опоры Наджибуллы, и неизбежность его скорого падения стала вполне очевидной.

По жесткой логике внутривнутриполитической борьбы разрыв с Наджибуллой объективно вел оппозиционеров внутри режима к блокированию с моджахедами. В условиях же обострения названных противоречий такое блокирование осуществлялось прежде всего на этнической основе.

Этнический фактор определил ориентацию антинаджибовской оппозиции, преимущественно непустунской по своему национальному составу, на крупную организацию моджахедов во главе с Б.Раббани «Исламское общество Афганистана», опиравшуюся на таджиков и ее ведущего полевого командира Ахмад-Шаха Масуда. Со своей стороны пуштунская часть истеблишмента Афганистана, насколько можно судить, активизировала контакты с пуштунским крылом оппозиции, прежде всего с «Исламской партией Афганистана» Г.Хекматъяра. Именно кризис в отношениях президента М.Наджибуллы с непустунскими влиятельными военными руководителями, которые укрепляли свои позиции на севере страны, населенном преимущественно таджиками и узбеками, стал непосредственной отправной точкой процесса, сыгравшего важную роль в политической борьбе и приведшего в конечном счете к падению власти. Именно тогда Наджибулла был вынужден согласиться на настоятельное предложение представителя Госсекретаря ООН Б.Севана и объявить о намерении уйти в отставку⁴.

С приходом к власти моджахедов в конце апреля 1992 г. и провозглашением Исламского Государства Афганистан (ИГА) у власти в Кабуле оказалась непрочная коалиция влиятельных лиц в составе большинства партий (танзимов) моджахедов, в которые входили представители разных этносов. Внутри коалиции, как в центре, так и на местах, тотчас же разгорелась борьба за власть. Силовой фактор оставался определяющим в политической жизни страны. Положение весьма осложнилось тем, что едва ли не за каждой из соперничающих партий, группировок и объединений полевых командиров стояли внешние силы, в частности, активно поддерживаемый США Пакистан, Иран, Саудовская Аравия, конкурирующие за влияние в новом Афганистане и в регионе в целом.

С ликвидацией прежнего режима перестала функционировать та, пусть весьма несовершенная и ограниченная, система централизованного

контроля за ходом дел на местах, которая существовала в предшествующие годы. Власть государственных органов ИГА в конечном счете отнюдь не распространялась на страну в целом.

Важно отметить, что за годы войны состав местных элит в Афганистане существенно изменился. Если прежде они состояли из знати племен и религиозных авторитетов, чье влияние основывалось на традиционных факторах и структурах, то в военные годы на первый план выдвинулась фигура полевого командира, опиравшегося прежде всего на военную силу и вовсе не обязательно принадлежавшего по своему происхождению к верхушке местного общества. Именно полевые командиры различных этносов, представлявшие разные военно-политические партии и группировки, стали играть ведущую роль в советах джихада различных уровней, выступая в качестве местных органов власти. При этом советы не были организованы в иерархическую структуру. Существовая параллельно и независимо друг от друга, они не были связаны отношениями управления – подчинения. Таким образом, местная власть была чрезвычайно фрагментирована и разобщена. Опираясь непосредственно на военную силу, она не являлась, по существу, гражданской администрацией.

При этом принципиальная особенность ситуации состояла также в том, что местные элиты стремились, и подчас небезуспешно, наладить прямые, минуя Кабул, внешние сношения.

В этой связи все большее значение приобретал вопрос о порядке предоставления Афганистану международной помощи на восстановление страны. Это в сложившейся ситуации практически грозило лишением центра и звеньев столичной бюрократии важных распределительных и координирующих функций в отношении этой помощи, фактически едва ли не единственного рычага воздействия на местные элиты, используя который можно было бы попытаться в значительной мере сдерживать развитие сепаратистских тенденций. В условиях, когда после образования ИГА не сложилось единой центральной власти и еще более разгорелась братоубийственная война, на политической арене появилось движение «Талибан».

Это произошло в связи с тем, что все более убеждаясь в бесплодности попыток объединить враждующие группировки борющихся за власть моджахедов и учитывая усиление межэтнических противоречий в Афганистане, при активнейшей поддержке США, Исламабад принял решение исподволь готовить создание новой военной силы. Видимо, предполагалось, что эта сила объединит всех пуштунов в борьбе за создание пуштунского государства. Не следует исключать, что при этом, возможно, имелись в виду и другие далеко идущие цели, в том числе и создание афгано-пакистанской конфедерации, тем более, что идеи такой конфедерации уже неоднократно обсуждались в 50-70-х гг. в высших эшелонах власти Вашингтона и Исламабада⁵. Напомним при этом, что на территории Пакистана проживает около 15 млн. пуштунов, а в Афганистане не более 8 млн.

Сформировав Афганское бюро, деятельность которого финансировалась США, а также Саудовской Аравией, влиятельные круги Пакистана (в частности, Межведомственная разведка – Объединенное разведуправление, МВД и праворадикальная исламская партия «Джама'ате ислами») приступили к созданию этой новой силы⁶. ЦРУ закупало в США, Англии, Египте, Израиле и других странах оружие, которое затем переправлялось в Пакистан, где в основном в местах расселения афганских беженцев, обучались отряды талибов. Эти отряды в самом начале формировались из молодежи, обучавшейся в религиозных учебных заведениях (медресе), отсюда и название: талиб – ищущий знаний, студент. Затем в отряды вошли пуштуны зоны пограничных племен Пакистана и, наконец, пакистанские военнослужащие⁷. Талибы оснащались современным стрелковым и тяжелым оружием, имели в своих частях самолеты и вертолеты. В конце 1994 г. вооруженные отряды талибов перешли границу и вскоре заняли ряд приграничных с Пакистаном афганских провинций, затем они направились к Кабулу, овладеть которым им удалось лишь в конце сентября 1996 г. Укрепив свои позиции в этом районе, талибы двинулись к областям, примыкающим к границам Ирана и среднеазиатских государств СНГ. На занятых территориях, выполняя вначале поставленные перед ними их «спонсорами» задачи (прежде всего, прекращение военных действий в местностях, где проходили главные торговые пути из Пакистана в Среднюю Азию, объявление запрета на торговлю наркотиками и организация заслона проникновению и распространению экстремистского фундаментализма), талибы приступили к разоружению и казням не успевших скрыться борющихся за власть и «запятнавших себя грабежами, насилиями и коррупцией» полевых командиров моджахедов, к ликвидации многих контрольных фискальных постов на дорогах, уничтожению посевов опийного мака, а также выпустили листовки с осуждением арабских фундаменталистов. Многие из перечисленного нашло позитивный отклик в стране и за рубежом⁸. Однако несмотря на это, а также на военные успехи талибов, взятие ими Кабула и других местностей и городов, нельзя не заметить, что они не смогли преодолеть сопротивление коалиции сил севера Афганистана, населенного, как отмечалось выше, в основном непуштунами. Во главе военных сил этой коалиции – Объединенного фронта (ОФ) стоит «панджширский лев» – упоминавшийся выше таджик Ахмад Шах Масуд. Позже к нему примкнули отряды узбекского генерала А.Достума и ряда полевых командиров разных этносов, в том числе и пуштунов.

Что касается формирования военных сил талибов, то после прихода в Афганистан в состав их отрядов вошли некоторые бывшие воинские части М.Наджибуллы, несколько довольно многочисленных формировавшихся полевых командиров, а затем военные подразделения из Пакистана. Вместе с тем талибов практически не признали пуштуны – сторонники хорошо известных в мусульманском мире влиятельных религиозных авторитетов и лидеров крупных партий моджахедов, таких как С.А.Гиляни, С.Моджаддеди и А.Сайяф, располагавших крупными по афганским мас-

штабам военными силами, а также члены военно-политической организации, в основном объединяющей пуштунов, «Исламской партии Афганистана» во главе с пуштуном Г.Хекматъяром. Да и учеников медресе, какими себя объявляют талибы, ныне в их рядах практически не так уж много. Нет в руководстве движения «Талибан» религиозных авторитетов, хоть сколько-нибудь влиятельных и известных как в мусульманском мире, так и среди пуштунов.

Лозунги, деятельность и заявления талибов, их пуштунский национализм и экстремизм, отход от прежних деклараций в отношении наркотиков и терроризма, последовавший вскоре после занятия ими более половины провинций страны, затронули многие этносы, а их в Афганистане не менее 20. Зверская расправа с находившимся в здании миссии ООН в Кабуле М.Наджибуллою, глумление над его трупом, акты геноцида в отношении шиитов-хазарейцев, расстрел иранских дипломатов в Мазари-Шерифе, другие противоправные действия, попрание гуманитарного международного права в целом, особенно в отношении афганских женщин, а также установление в быту и управлении жестких норм ислама в их собственной интерпретации и, что весьма важно, беспрецедентный рост производства и контрабанды наркотиков и многое другое вызвали резко негативную реакцию ряда стран и мирового сообщества в целом. Европарламент, Совет Европы, ОБСЕ, ГА ООН, Совет Безопасности ООН, ряд крупнейших международных правозащитных организаций приняли резолюции, осуждающие талибов. О многом из перечисленного мы найдем сведения в материалах годовых отчетов Генсекретаря ООН, других официальных документах, в частности, в публикациях слушаний по Афганистану в Сенате США и др.⁹. Реакция мирового сообщества не могла не оказать определенного влияния на зарубежных спонсоров талибов, прежде всего США и Пакистан, все более явно осознающих непредсказуемость своих протекже, не исключая и того, что они вообще могут выйти из-под контроля. Предоставление же талибами убежища участвовавшему в исламском джихаде саудовскому миллионеру У. бен Ладену, обвиненному во взрывах посольств США в Кении и Танзании, и практически их отказ выдать его американцам вызвали острую реакцию в США. Добиваясь его экстрадиции, Вашингтон принял конкретные и жесткие меры. Так, в августе 1998 г. США подвергли бомбардировке опорные пункты У. бен Ладена в Афганистане, а в начале июля 1999 г. ввели торгово-экономические санкции в отношении талибов.

Касаясь непосредственно политического урегулирования афганской проблемы, уместно особо отметить миротворческую деятельность посреднической специальной миссии ООН. Во многом благодаря ее усилиям и лично и.о. руководителя миссии А.Тесорье и при содействии Туркмении в феврале-марте 1999 г. в Ашхабаде произошла встреча представителей противоборствующих сторон. В результате 14 марта стороны подписали совместное заявление относительно принципов формирования органов исполнительной, законодательной и судебной власти в Афганистане, об

освобождении из заключения каждой стороной по 20 чел. при посредничестве Международной организации Красного Креста; о согласии продолжить в конце марта переговоры по проблемам практической реализации достигнутых договоренностей и для обсуждения других вопросов, представляющих взаимный интерес.

Для «северян», как заявил глава их делегации Мухаммад Юнус Кануни, было весьма важно «отстоять позицию, при которой превосходство талибов на контролируемой ими площади афганской территории не сказалось на идее равноправного представительства всех этносов в будущем руководстве страны». В свою очередь, руководитель делегации движения «Талибан» Ахмад Мутавакель в интервью корреспонденту «Независимой газеты» подчеркнул после окончания переговоров, что талибы руководствуются идеями «бесперспективности вооруженной конфронтации и готовы к продуктивному диалогу, основанному на взаимных компромиссах»¹⁰.

Однако дополнения, которые талибы представили к тексту совместного заявления, оказались неприемлемыми для «северян» и по существу сводили на нет достигнутые договоренности.

Важно и другое. Руководство талибов называет свое государство «Исламский Эмират Афганистан», где основным законом страны должен стать, как в теории, так и на практике, шариат в талибской интерпретации. Это не может быть принято шиитами-хазарейцами, другими нацменьшинствами, а также некоторыми афганскими племенами, особенно в горных местностях, где до сих пор весьма чтятся нормы обычного права (адата).

По всем этим и многим другим важным причинам соглашение «северян» с талибами с самого начала не представлялось долговечным. И действительно, вскоре стороны продолжили ожесточенную вооруженную борьбу.

Таким образом, становилось все более очевидным, что внутриафганский конфликт затягивается и ведет ко многим тысячам новых жертв, к дальнейшему разорению страны, а при определенном повороте событий чреват крупными геополитическими потрясениями. Не исключено, например, что реальный распад Афганистана на фактически самостоятельные образования может повлечь за собой цепную реакцию геополитических перемен, последствия которых трудно предсказать. В связи с этим по разным вариантам могут складываться отношения Севера страны с пограничными государствами СНГ. Формирование же «чисто пуштунского юга» потребует от талибов серьезных усилий, в том числе в некоторых местностях южных и юго-восточных провинций и, по всей вероятности, едва ли оставит равнодушным многомиллионное пуштунское население Пакистана, не исключая и возможное возрождение идеи Пуштунистана. В такой ситуации, при ее дальнейшем развитии, Исламабад может оказаться в довольно сложном положении, особенно если к тому же обострятся отношения между другими этносами, проживающими на пакистанской

территории. По всей видимости, возможные перемены не оставят безучастной и Индию. Как представляется, нельзя полностью исключать вероятных в такой ситуации в той или иной мере радикальных шагов Ирана с целью укрепления своих позиций в среде персоязычных этносов. Подобное (с вариантами) развитие событий, угрожая самому Афганистану, несомненно, может привести к эскалации напряженности в Центральном, Западном и Южном макрорегионе Азии.

Рассматривая существующие реалии в комплексе, включая ряд важных аспектов внутренней обстановки в Афганистане, проблемы распространения и контрабанды наркотиков, терроризма и экстремизма, особенности международного положения страны, ООН и «Группа друзей и соседей Афганистана» (6+2), действующая под ее эгидой, значительно активизировали свою деятельность. В этой связи напомним, что в январе 1993 г. по инициативе России и США была сформирована «Группа друзей Афганистана», в которую вошли Иран, Пакистан, Саудовская Аравия, Россия и США. Что касается непосредственно России, то, выдвигая идею создания Группы, в Москве считали необходимым выработать единые подходы к афганской проблеме и начать совместную работу с различными политическими силами, отдельными группировками и организациями в Афганистане с целью поиска путей к разблокированию конфликта. Со своей стороны мировое сообщество и лично Генеральный секретарь ООН выступили с заявлениями, призывающими противоборствующие стороны, не откладывая, решать проблему политическим путем.

В резолюции Совета безопасности ООН от 12 декабря 1997 г. были зафиксированы позиции его членов в пользу формирования в полной мере представительной власти, приемлемой для всего населения страны. Вскоре Генеральный секретарь ООН назначил своим специальным представителем по Афганистану алжирского дипломата Л.Брахими с целью усиления роли мирового сообщества в деле разблокирования афганского конфликта. В тесном контакте с Л.Брахими стала работать «Группа друзей Афганистана», в которую вошли, помимо названных выше стран, пограничные с Афганистаном государства – КНР, Туркмения, Узбекистан и Таджикистан. В связи с этим Группа стала именоваться «Группа друзей и соседей Афганистана» (6+2). Работая под эгидой ООН, страны-члены Группы на уровне министров иностранных дел во время очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН осенью 1998 г. обсудили ситуацию в стране и составили план работы Группы¹¹. Вскоре началась подготовка к совещанию и составлению совместного документа об основных принципах политического урегулирования конфликта. После провала Ашхабадских договоренностей были согласованы проект текста этого документа, определены дата и место проведения встречи: 19-20 июля 1999 г. в Ташкенте. В начале июля 1999 г. спецмиссия ООН и лично Л.Брахими предприняли усилия по организации встречи Б.Раббани с лидером Движения «Талибов» М.Омаром. Б.Раббани выразил готовность к контактам с М.Омаром, однако последний и его окружение заявили, что «не исключают возможно-

сти такой встречи в будущем при определенных обстоятельствах». После переговоров на встрече в Ташкенте, кроме стран-членов Группы на уровне зам.министров иностранных дел и Л.Брахими, были представлены и делегации противоборствующих сторон – «северяне» во главе с доктором Абдуллою, советником Ахмад Шаха Масуда и движение Талибан, его возглавил министр информации А.Муттаки.

На открывшемся 19 июля заседании были оглашены послания Генерального секретаря ООН, Президента Таджикистана и премьер-министра Пакистана, а также министра иностранных дел Японии, подтвердившего ее готовность продолжать работу с противоборствующими сторонами и организовать в Токио международную встречу по афганскому урегулированию.

Главной темой выступлений на встрече в Ташкенте было признание необходимости прекращения вооруженной борьбы и начала переговоров по урегулированию конфликта. Несмотря на различные подходы к проблеме, участники Группы и представители противоборствующих сторон обсудительный документ – «Декларации об основанных принципах политического урегулирования конфликта в Афганистане». В документе прежде всего выражалась глубокая обеспокоенность продолжающейся военной конфронтацией, создающей растущую серьезную угрозу региональному и международному миру и безопасности, а также подтверждалась приверженность мирному политическому решению проблемы в соответствии с положениями предшествовавших резолюций Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН. При этом подчеркивалось, что, являясь общепризнанным посредником, ООН должна и впредь играть центральную и беспристрастную роль в международных усилиях по решению афганской проблемы.

Будучи озабоченными развитием политической ситуации в Афганистане, члены Группы сочли необходимым включить в Декларацию специальный пункт, в котором была бы отражена их позиция в отношении будущего Афганистана и высказана твердая приверженность его суверенитету, независимости, территориальной целостности и национальному единству. Касаясь особенностей сложившейся в стране обстановки, участники встречи в названном документе подчеркнули свою глубокую обеспокоенность имеющими место в Афганистане нарушениями международного гуманитарного права, включая права этнических меньшинств, женщин и девочек, а также устойчивым ростом производства и контрабанды наркотиков и незаконной торговлей оружием¹².

В Декларации, принятой на Ташкентской встрече, нашла отражение тревога ее участников в связи с использованием афганской территории, особенно районов, контролируемых талибами, для укрывательства и обучения террористов, что имеет опасные последствия для соседних с Афганистаном стран и далеко за их пределами.

Еще раз подтверждая, что военного решения конфликта быть не может и что он должен быть урегулирован путем мирных переговоров через создание на широкой основе многоэтнического и полностью представи-

тельного правительства, члены «Группы 6+2» договорились не предоставлять военной поддержки ни одной из сторон и предотвращать использование их территорий для подобных целей, призвав при этом мировое сообщество принять идентичные меры для предотвращения поставок оружия в Афганистан из других стран. Одновременно была выражена готовность оказывать индивидуальную и коллективную поддержку политическим переговорам противоборствующих сторон под эгидой ООН в соответствии с резолюциями и решениями Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН, а также с принятой в Ташкенте Декларацией о мирном урегулировании.

В Декларации особо говорится о готовности оказания мировым сообществом чрезвычайной гуманитарной помощи и помощи в целях восстановления страны в свете призыва Генерального секретаря ООН на этот счет и наличия Чрезвычайного целевого фонда для Афганистана.

Страны, имеющие общую границу с Афганистаном, пришли к договоренности на двусторонней или многосторонней основе усилить действенные и скоординированные меры по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, подтвердив при этом поддержку важной роли международной программы ООН по контролю за наркотическими средствами. В Декларации подчеркивается, что участники встречи полны решимости предпринять усилия для того, чтобы побудить противоборствующие стороны уважать права человека и свободы всех афганцев в соответствии с основными нормами международного права. В отдельных пунктах Декларации высказываются призывы, обращенные к сторонам (особенно к движению «Талибан»), прекратить предоставление убежища международным террористам и их организациям, а также их обучение, и содействовать при этом усилиям по привлечению террористов к судебной ответственности.

Декларацию подписали представители всех стран-членов «Группы 6+2», кроме Туркмении, заранее объявившей об этом. Линия Туркмении объясняется тем, что ее руководство стремится продемонстрировать равноудаленность от противоборствующих сторон, избегать резкой критики талибов, даже в тех случаях, когда для этого есть основания, например, озабоченность, вызванная репрессиями талибов против представителей туркменских племен севера Афганистана, убийство духовного авторитета афганских туркмен Абдуллы Манана, усиление в связи с этим исхода туркменских беженцев в Пакистан, поскольку талибы перекрыли им пути бегства на север, контрабанда наркотиков из Афганистана и др. Несомненными причинами заинтересованности Ашхабада ни в коей мере не обостряют отношений с талибами являются не только наличие общей границы с Афганистаном и стремление сохранения стабильности в приграничных районах, а также, что очень важно, Туркмении необходимо обеспечить благоприятные условия для экспорта своего газа на международные рынки. Напомним, что по имеющемуся проекту прохождение газопровода из Туркмении по линии Тургунди-Герат-Кандагар-Кветта идет по территории, контролируемой талибами. С учетом этого Ашхабад, хотя пока

официально и не признал талибов, все же пошел на подписание с ними нескольких торгово-экономических соглашений на правительственном уровне (объем приграничной торговли составляет около 100 млн. долл. в год) и открытие консульских учреждений в Герате и Кандагаре. Все это следует иметь в виду при рассмотрении позиции Ашхабада.

Что касается представителей противоборствующих сторон, присутствовавших на встрече, то они, хотя и не без оговорок, все же заявили о готовности сотрудничать с Группой. Вместе с тем ими не были проявлены намерения к конкретным подвижкам в своих позициях по вопросам решения неотложной задачи – прекращения огня и начала конструктивных переговоров.

Следует учитывать, что у членов Группы, в том числе соседних с ИГА государств, есть свои экономические, политические и иные, не всегда совпадающие интересы в Афганистане и регионе, которые определяют особенности их подходов к развитию ситуации в этой стране. Однако при всем этом имеется ряд общих моментов, составляющих объективную основу для продолжения их сотрудничества в рамках данной Группы.

Анализируя ситуацию в стране и вокруг нее в комплексе, ООН продолжает держать афганский вопрос в центре своего внимания. Эта серьезная проблема многократно обсуждалась на заседаниях Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН. При этом СБ и ГА ООН выражали глубокую обеспокоенность по поводу нарушения в Афганистане, особенно на территориях, контролируемых талибами, общепризнанных норм международного права, прав человека. Кроме того, ссылаясь на соответствующие международные конвенции о борьбе с терроризмом и, в частности, на обязательства стран, подписавших эти конвенции, относительно выдачи и привлечения к ответственности террористов, Совет Безопасности решительно осудил использование афганской территории для укрывательства террористов и функционирования там их лагерей. 14 октября 1999 г. Совет безопасности в своей резолюции постановил, что если талибы не выполнят его требования об экстрадиции У. бен Ладена и прекращении предоставления территорий для лагерей подготовки террористов, то в течение месяца (т.е. с 15 ноября 1999 г.) в отношении талибов будут предприняты санкции – запрещение аэропортам стран мирового сообщества принимать самолеты и другие летательные аппараты, принадлежащие талибам или арендуемые ими, а также замораживание находящихся за рубежом средств и других финансовых ресурсов талибов.

С 15 ноября, когда талибы не приняли требования СБ ООН, эти санкции вступили в силу. В декабре 1999 г. Третий комитет 54-й сессии ГА ООН проголосовал за резолюцию «Ситуация с правами человека в Афганистане», осуждающую талибов.

Отмечая активность мирового сообщества в афганском вопросе, нельзя не упомянуть об участии представителей ООН в состоявшемся в Риме в конце ноября 1999 г., инициированном экс-королем Афганистана М.Захир-шахом совещании, в котором участвовало около 80 представите-

лей близких королю эмигрантских кругов, принявших решение созвать Лоя Джиргу с целью подготовки к мирным переговорам.

3 декабря 1999 г. на основе заключительного доклада Генсекретаря ООН Кофи Аннана Генеральной ассамблеей была принята резолюция «Положение в Афганистане и его последствия для международного мира», в которой осуждались укрывательство талибами У. Бен Ладена и создание опорных пунктов террористов, рост производства и распространения наркотиков, нарушения прав человека в отношении, прежде всего, нацменьшинств, женщин и девочек, которым запрещается появляться одним на улице, работать и учиться, поправки международного права, в том числе убийства иностранных (иранских) дипломатов, злоупотребления, убийства граждан без суда и следствия и многое другое, а также вмешательство извне в афганские дела. Вместе с тем мировое сообщество поддерживает усилия отдельных стран, организаций и лиц, выступающих за прекращение военных действий, братоубийственной войны, мирное политическое урегулирование проблемы, создание представительного многоэтнического правительства в суверенном, независимом и территориально целостном Афганистане.

Рассматривая положение в Афганистане и вокруг него и позицию ООН в данном вопросе, на наш взгляд, следует учитывать, что конфликтный потенциал и сложившаяся в стране ситуация связаны, кроме всего прочего, с глубинными, развивавшимися в течение многих лет этнополитическими процессами, а также вовлеченностью в афганские дела сил извне. Именно поэтому разрешение конфликта потребует от противоборствующих сторон не только адекватной оценки, готовности к компромиссам, политической воли и мудрости, но и серьезных и кропотливых усилий всех заинтересованных стран и мирового сообщества в целом.

¹ См. об этом подробнее: *Арунова М.Р.* Развитие ситуации в Афганистане и интересы России. // Восток и Россия на рубеже XXI в. – М., 1998. – С. 184-192.

² История Афганистана. – М., 1982. – С. 306 и след.; *Босин Ю.В.* Национальный состав Афганистана в 70-80 гг. // Афганистан: проблемы войны и мира. – М., 1996. – С. 85.

³ *Арунова М.Р.* Указ. соч., с. 186; *Босин Ю.В.* Указ. соч., с. 84-85; *Asian Survey*, 1995, vol. 35, № 7, с. 621-634.

⁴ *Арунова М.Р.*, там же.

⁵ *Ганковский Ю.В.* В бой вступают талибы. // Азия и Африка сегодня. – 1995. – № 7. – С. 32-33.

⁶ Там же.

⁷ »Intervention« as confessed by the interventionists» Based on Pakistan Press. Dushanbe, 1997.

⁸ *Давыдов А.Д.* Движение Талибан и проблемы достижения мира. // Афганистан: проблемы войны и мира. – М., 1996. – С. 159-161.

⁹ *Арунова М.Р.* Вовлечение Афганистана в международный наркобизнес. // Восток и Россия на рубеже XXI в. – М., 1998. – С. 196-205; ее же, Война и нарко-

бизнес. // Афганистан: война и проблемы мира. – М., 1998. – С. 31-39; ее же, Развитие ситуации в Афганистане и интересы России. // Восток и Россия на рубеже XXI в.; с. 192-193; *Давыдов А.Д.* Режим талибов в Афганистане: жесткая исламизация. // Афганистан: война и проблемы мира. – М., 1998. – С. 47-59; Senate Foreign Relations Committee, Subcommittee on Asia and Pacific. Oct. 22, 1997; Statement by Karl F. Interfurth, Assistant Secretary of State for South Asian Affairs; Testimony of Zaimay Khalilzad, Director Strategy and Doctrine Program. Project Air Force Rand Corporation. Before the Subcommittee on Near East and South Asia, Committee on Foreign Relations, U.S. Senate. Hearing «The Current Situation in Afghanistan», Oct., 1997 и др.

¹⁰ Независимая газета, 16.03.1999.

¹¹ См. Документы ООН A/52/826-S/1998/22; A/53/455-S/1998/913 и др.

¹² *Арунова М.Р.* Война и наркобизнес. // Афганистан: война и проблемы мира. – М., 1998. – С. 31-39; ее же, Вовлечение Афганистана в международный наркобизнес. // Восток и Россия на рубеже XXI в. – М., 1998. – С. 196-205 и др.

СИТУАЦИЯ В АФГАНИСТАНЕ: ВЫЗОВЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

С распадом СССР фактически перестала существовать сложившаяся после второй мировой войны система международных отношений, базировавшаяся на военно-политическом паритете двух мировых сверхдержав и отчетливо выраженной биполяризации мира. Возникновение прямого вооруженного конфликта между СССР и США практически исключалось ввиду наличия у них мощного ядерного арсенала, использование которого, как это хорошо понимали обе стороны, было бы равносильно самоубийству. Вместе с тем практически все региональные конфликты этого периода характеризовались большей или меньшей степенью вовлеченности в них обеих сверхдержав, что являлось проявлением их глобального противостояния.

Не были исключением и события в Афганистане, где советское вооруженное вмешательство, во многом спровоцированное Соединенными Штатами, также было составной частью борьбы за сферы мирового влияния между СССР и США. Когда с дезинтеграцией Советского Союза Россия вышла из этой борьбы и дистанцировалась от афганских событий, к ним потеряли прежний интерес и США.

Особенностью ситуации в Афганистане явилось то, что когда его оставили в покое Москва и Вашингтон, а одна из враждовавших афганских сторон (режим Наджибуллы) потерпел поражение, этот кризис не только не пошел на убыль, но и разгорелся с новой силой. Дальнейшее развитие событий показало, что ситуация в этой стране вышла из-под контроля США и России и что гораздо большее воздействие на нее стали оказывать соседние региональные государства, прежде всего Пакистан и Иран.

Захватившие в 1992 г. в Афганистане власть, но не сумевшие ее поделить группировки моджахедов, начиная с 1994 года, стали терять свои позиции под вооруженным натиском более организованной и сплоченной военно-политической группировки – Движения талибов (ДТ). Эта пуштунская в своей основе организация была создана в 1993-1994 гг. на территории Пакистана местными спецслужбами при активном участии праворадикальной исламской партии «Джамаате Ислами» и поддержке США. Отряды талибов формировались главным образом из числа находящихся в Пакистане беженцев и представителей, проживающих в приграничных районах пуштунских племен, и направля-

лись в Афганистан после обучения в религиозных заведениях и специальных военных лагерях.

По замыслу его создателей, ДТ должно было стать той силой, которая сумела бы «навести порядок» в Афганистане, прекратить внутриафганскую междоусобицу, восстановить традиционное доминирование пуштунов в общественно-политической жизни страны. Делался расчет и на то, что ДТ гарантирует приход к власти в Афганистане дружественного, если не откровенно зависимого от Исламабада режима, что должно обеспечить Пакистану своего рода «стратегическую глубину» и геополитические преимущества в непростых взаимоотношениях с Индией.

В 1994-1995 г. талибы овладели районами расселения пуштунских племен в южных и юго-восточных провинциях Афганистана, в 1996 г. захватили Кабул, а в 1998 г. установили контроль над большинством центральных и северных провинций страны. К началу 1999 г. ДТ контролировало около 80% территории Афганистана, в том числе районы с преимущественно узбекским и хазарейским населением. Лидер талибов мулла М.Омар провозгласил страну «Исламским Эмиратом Афганистан».

Вместе с тем формирования правительственных сил Исламского Государства Афганистан (ИГА) во главе с военным руководителем таджикского Исламского общества Афганистана (ИОА) А.Ш.Масудом при поддержке сохранивших боеспособность отрядов других антиталибских группировок, входящих в Объединенный Фронт (ОФ), продолжают в той или иной степени удерживать свои позиции в провинциях Бадахшан, Тархар, Каписа, Парван, Баглан, Кундуз, Сари-Пуль.

Во второй половине 1999 г. талибы, активно поддерживаемые Пакистаном, предприняли несколько широкомасштабных наступательных операций, попытавшись установить полный контроль над всей территорией Афганистана. С пакистанской стороны в распоряжение ДТ было направлено более 10 тыс. пакистанских добровольцев из числа учащихся религиозных школ и боевиков ряда исламских экстремистских организаций, а также более 500 боевиков из некоторых арабских государств, которые подчинялись базирующемуся в Афганистане саудовскому террористу У. бен Ладену.

Однако все эти действия талибов, направленные на то, чтобы вытеснить «северян» с занимаемых ими позиций, перекрыть их основные транспортные коммуникации, запретить силы А.Ш.Масуда в его главном опорном пункте – Панджшерской долине и попытаться их там уничтожить, были отбиты, причем со значительными потерями для талибов в живой силе и технике.

Организованный А.Ш.Масудом достаточно эффективный отпор талибам выдвинул его на роль фактического военно-политического лидера всей антиталибской коалиции. Он сумел улучшить взаимодействие со многими оппозиционными ДТ полевыми командирами, в том числе пуштунскими. Было создано единое командование в лице Высшего военного

совета, в который вошли представители практически всех воюющих с талибами афганских группировок.

Осенью 1999 г. был реорганизован Руководящий совет Афганистана в составе 45 человек под председательством президента ИГА Б.Раббани, выполняющий роль парламента: 12 наиболее известных и влиятельных членов РСА составляют его президиум, осуществляющий координацию деятельности Совета. Определен новый состав правительства ИГА, в который вошли представители практически всех народностей и национальностей страны. В нем также зарезервированы места за представителями афганской эмиграции.

Несмотря на последние военные неудачи, руководство ДТ по-прежнему жестко ориентируется на исключительно силовые методы решения внутриафганских проблем, готовится к новым боевым действиям против ОФ. В этой связи отвергаются предложения антиталибского «северного» альянса обсудить различные планы мирного урегулирования. Последним из таких планов предусматривалось прекращение огня и начало переговоров о формировании временного правительства с равным представительством противоборствующих сторон, разоружение всех военных формирований и создание единой национальной армии, подготовка проекта конституции и избрание главы государства путем всеобщих выборов или через механизм традиционного для Афганистана общенационального форума – Лояя Джирги.

Время от времени талибы выдвигают в качестве «мирных предложений» свои по существу ультимативные условия «урегулирования». Они предусматривают предоставление нескольких второстепенных правительственных и губернаторских постов «северянам» – представителям непутунских национальностей при признании верховной власти за лидером ДТ – «эмиром всех мусульман-афганцев» М.Омаром. При этом всем военно-политическим организациям, входящим в ОФ, предлагается сдать оружие и самораспуститься.

Руководство ДТ неоднократно формально соглашалось на контакты и переговоры с представителями северного альянса, однако затем всякий раз срывало эти переговоры, которые оказывались в конечном счете «дымовой завесой» для подготовки к новым наступательным операциям. Так было в апреле 1998 года, когда талибы провалили переговоры, организованные под эгидой Спецмиссии ООН в Исламабаде и на следующей же день начали военные действия против ОФ. То же самое дважды повторялось в 1999 году, когда руководство ДТ сначала в марте сорвало переговорный процесс в Ашхабаде, а затем дезавуировало обещания сесть за стол переговоров, данные его представителями в июле на Ташкентской встрече заместителей министров иностранных дел «Группы друзей и соседей Афганистана» («Группы 6+2»).

Упорный отказ руководства талибов идти на политическое решение через межафганский диалог и создание широкопредставительного многоэтнического правительства, ставка на силовое разрешение внутриафган-

ских противоречий ведут к дальнейшему обострению военно-политической обстановки в стране, усилению кровопролития, грозят новыми разрушениями и человеческими жертвами. К почти 3 млн. афганских беженцев за рубежом (в основном в Пакистане и Иране) в 1999 году прибавилось более 150 тыс. перемещенных лиц внутри страны.

Политический экстремизм и религиозная нетерпимость талибов, проповедующих воинствующий ваххабизм, в последнее время все больше приобретает трансграничный характер и превращается в серьезную угрозу для стран региона и всего мира. По существу, уже можно говорить о **превращении контролируемой талибами территории Афганистана в опорную базу международного экстремизма и терроризма**. Здесь нашел убежище У. бен Ладен, возглавляющий неизвестную организацию «Аль-Кайда».

В приграничных с Пакистаном и других афганских провинциях действуют лагеря по подготовке международных террористов из числа граждан арабских стран и выходцев из государств Центральной Азии. Талибами установлены контакты и налаживается координация действий с бандформированиями, воюющими в Чечне, с представителями радикального крыла таджикской оппозиции, с экстремистскими исламскими группировками, пытающимися действовать на территории Киргизии и Узбекистана. Имеются сведения и о связях талибов с экстремистами из Синьцзян-Уйгурского национального района КНР. В начале ноября 1999 г. руководство ДТ обратилось к одному из лидеров антиталибской коалиции А.Ш.Масуду с предложением о перемирии, с тем чтобы использовать его для «совместной поддержки героической борьбы чеченских мусульман». «Северяне» отвергли это предложение, обвинив талибов в попытке превратить Афганистан «во вторую Чечню».

Масштабы подготовки террористов в Афганистане таковы, что даже покровительствовавшая талибам администрация бывшего премьер-министра Пакистана Н.Шарифа, встревоженная расширением масштабов развязанного сторонниками талибов террора против известных афганских и пакистанских деятелей в Пешаваре и Кветте, незадолго до своего отстранения от власти направила в Кандагар своего эмиссара – главу Объединенного разведуправления генерала Зияуддина с требованием прекратить подготовку террористов и свернуть деятельность соответствующих лагерей и центров.

Невнимание руководства ДТ к ясно выраженной воле мирового сообщества относительно необходимости политического урегулирования в Афганистане, игнорирование талибами соответствующих рекомендаций и резолюций ООН вынуждают последнюю реагировать адекватно и ужесточать свое отношение к ДТ. 15 октября 1999 г. Советом Безопасности ООН была принята резолюция № 1267, потребовавшая от талибов ликвидации инфраструктуры по подготовке международных террористов и выдачи правосудию У. бен Ладена. Поскольку руководство ДТ отказалось выполнить эти требования, то, согласно положениям вышеуказанной резолю-

ции, с 14 ноября 1999 г. против талибов были введены международные санкции, предусматривающие запрет на международные полеты самолетов афганской авиакомпании «Арьяна» и замораживание зарубежных банковских счетов и денежных авуаров талибов за исключением оговоренных случаев, связанных с оказанием гуманитарной и другой помощи.

Председатель Совета Безопасности ООН 22 октября 1999 года выступил с заявлением, в котором была выражена глубокая озабоченность по поводу продолжающегося в Афганистане конфликта, «представляющего собой серьезную и растущую угрозу региональному и международному миру и безопасности». В заявлении подчеркивалось, что у афганского конфликта нет военного решения и что к миру и примирению может привести лишь достигнутое путем переговоров политическое урегулирование, направленное на формирование на широкой основе многоэтнического и в полной мере представительного правительства, приемлемого для всех афганцев. Совет Безопасности призвал конфликтующие афганские стороны к прекращению боевых действий и возобновлению переговоров, обратился ко всем государствам принять решительные меры, с тем чтобы запретить своим военнослужащим планировать боевые операции в Афганистане и участвовать в них, а также немедленно вывести свой персонал и обеспечить прекращение военных поставок. Совет Безопасности решительно осудил продолжающееся использование афганской территории, контролируемой ДТ, для укрывания и обучения террористов, планирования террористических акций, потребовал прекращения предоставления талибами убежища международным террористам и их организациям, их обучения, а также выдачи У. бен Ладена.

Руководство ДТ пыталось смягчить или отсрочить введение санкций, предлагая различные «компромиссные» варианты от «строгой изоляции» миллионера-экстремиста до создания некоего «исламского совета» из представителей мусульманских стран для решения его судьбы, а также предложило вариант выезда У. бен Ладена из Афганистана при условии предоставления ему безопасного коридора и сохранения в тайне его дальнейшего местопребывания. Когда все эти варианты были отвергнуты, талибы заявили, что не собираются выдавать У. бен Ладена или заставлять его покинуть территорию Афганистана, поскольку считают выдвинутые против него обвинения в терроризме бездоказательными.

В конце ноября 1999 года в своем итоговом докладе Совету Безопасности и Генеральной Ассамблее ООН о положении в Афганистане Генсекретарь ООН подчеркнул, что афганский конфликт достиг той точки, когда уже нельзя больше игнорировать его региональные и международные последствия. К. Аннан выразил серьезную озабоченность международному сообществу тем, что Афганистан становится рассадником религиозного экстремизма, сектантского насилия и различных видов международного терроризма, масштабы которых далеко выходят за границы этой страны. Он назвал неприемлемым увеличивающееся присутствие на стороне талибов тысяч иностранных бойцов неафганского про-

исхождения из Пакистана, в том числе не достигших 14 лет, а также боевиков из ряда арабских стран. В качестве одного из главных препятствий на пути к миру в Афганистане К.Аннан указал на продолжающуюся иностранную военную подпитку враждующих афганских группировок и призвал к ее прекращению.

Отражением растущего осознания мировым сообществом исходящей из Афганистана опасности политического экстремизма и международного терроризма стала принятая в декабре 1999 года общая резолюция 54-й сессии ГА ООН «Положение в Афганистане и его последствия для международного мира и безопасности», в число соавторов которой вошло свыше 80 государств.

В резолюции резко осуждается эскалация по вине талибов вооруженного конфликта, действия базирующихся на афганской территории террористов, включая поддержку ими экстремистских групп, выступающих против государств – членов ООН и их граждан, а также содержится требование, адресованное прежде всего талибам, воздерживаться от предоставления убежища международным террористам и их организациям или от обучения террористов, прекратить их вербовку, закрыть учебные лагеря для террористов, выдать У. бен Ладена.

Другой, не менее опасной угрозой для региона и мира в целом является беспрецедентный **рост производства наркотиков в Афганистане**. По данным экспертов Программы ООН по международному контролю за наркотиками (ЮНДКП), производство опиума-сырца в 1999 г. выросло на 117% и достигло 4,6 тыс. т (76% объема мирового производства). 97% опиума производится в контролируемых ДТ районах. Территория возделывания увеличилась на 43% – с 64 тыс. га в 1998 г. до 91 тыс. га в 1999 г. Общее число афганских провинций, где выращивается опиум, достигло 18 (всего в Афганистане 31 провинция). Администрация талибов получает 10-процентный налог с урожая всех сельскохозяйственных культур, включая опийный мак. Это, по мнению экспертов ООН, означает, что выращивание мака считается законным. До 70% производимых в Афганистане наркотиков поступает в Европу, причем около 60% – незаконно перевозится через приграничные с ИГА центральноазиатские государства СНГ.

Талибская администрация формально заявляет о своей готовности сотрудничать с ООН в реализации программ по сокращению посевных площадей под опиумный мак и замене их альтернативными сельскохозяйственными культурами, однако обуславливает такое сотрудничество выделением «достаточных для поощрения крестьян» финансовых средств. После введения санкций талибы стали использовать требование о сокращении посевов в качестве инструмента давления на ООН в пользу отмены санкций, заявляя, что последние, мол, вынудят афганцев в еще больших объемах выращивать опиумный мак. В любом случае руководство ДТ, судя по всему, не намерено всерьез сотрудничать с международным сообществом, поскольку наркодоходы превратились в основной и крупнейший источник финансирования экстремистского курса талибов.

Судя по всему, решить наркопроблему в Афганистане или, по крайней мере, добиться прогресса в ее решении представляется маловероятным без достижения политического урегулирования, нормализации обстановки в стране и восстановления на местах стабильной власти, реально контролирующей ситуацию.

Обеспокоенность мирового сообщества обострением наркоситуации в Афганистане отражена в ряде документов ООН. В частности, в итоговой резолюции 54-й сессии ГА содержится призыв, адресованный в первую очередь к талибам, прекратить всю незаконную деятельность, связанную с наркотиками, и поддерживать международные усилия в целях запрещения их незаконного производства и оборота. Обращается внимание на необходимость активизации деятельности ЮНДКП по мониторингу выращиваемых в Афганистане наркокультур, разработке проектов альтернативного сельскохозяйственного развития и проведению других мер по борьбе с наркотиками. С учетом расширяющихся масштабов наркобизнеса в ООН прорабатываются программы создания в сопредельных с Афганистаном государствах «поясов безопасности» для усиления борьбы с контрабандой наркотиков.

Прямым следствием силового экстремистского курса ДТ является неуклонное **ухудшение гуманитарной ситуации в Афганистане** в результате постоянного грубого нарушения талибами международных гуманитарных норм и прав человека, геноцида в отношении пуштунского населения. Талибы ведут жесткую линию на искоренение инакомыслия и любых проявлений оппозиционности. В провинциях с преобладающим таджикским, узбекским и хазарейским населением они стремятся укрепить свое присутствие путем переселения сюда пуштунов из других районов и возвращающихся в страну беженцев-пуштунов.

В ходе наступательных операций на позиции ОФ талибы не только изгоняют местное население, но и уничтожают жилые дома, пастбища, угоняют скот, реквизируют продовольствие. Число беженцев из районов боевых действий к концу 1999 года превысило 150 тыс. человек. Продолжающийся внутриафганский конфликт сдерживает процесс возвращения афганских беженцев на родину из Ирана и Пакистана.

В принятой в ноябре 1999 года в III Комитете 54-й сессии ГА ООН резолюции «Ситуация с правами человека в Афганистане» руководство ДТ подвергается резкой критике за массовые убийства гражданского населения в ходе боевых действий и этнических чисток, неизбирательные бомбардировки населенных пунктов, насильственное перемещение мирного населения, использование детей в качестве солдат, постоянное нарушение прав женщин и девочек, негуманное обращение с военнопленными, невыполнение обещаний расследования и наказания лиц, виновных в убийстве группы иранских дипломатов и нескольких сотрудников ООН.

В ряде последних документов Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН отмечается негативное воздействие продолжающегося вооруженного конфликта на продовольственную ситуацию и положение с

товарами первой необходимости, подчеркивается недопустимость осуществления талибами экономической блокады некоторых районов страны и создания препятствий в бесперебойной доставке международной гуманитарной помощи нуждающемуся в ней населению.

Последняя резолюция ГА ООН призывает афганские стороны и в первую очередь талибов в полной мере уважать права человека и основные свободы всех людей, независимо от пола, этнического происхождения или вероисповедания в соответствии с международными документами по правам человека, обеспечить благоприятные и безопасные условия для гуманитарной деятельности в Афганистане учреждений ООН и других международных организаций.

Талибы признают важность продолжения оказания мировым сообществом гуманитарной и донорской помощи населению Афганистана, о чем свидетельствует подписанный ими с Управлением ООН по координации гуманитарной помощи Меморандум о взаимопонимании. Вместе с тем они постоянно осложняют работу ооновцев в этой области, выдвигая различного рода условия и требования, подчиняют ее политической конъюнктуре. После введения Советом Безопасности ООН ограниченных санкций против ДТ талибская администрация организовала серию демонстраций и погромов учреждений ООН в Афганистане, хотя талибам хорошо известно, что санкции ООН не распространяются на оказываемую афганцам гуманитарную помощь.

Таким образом, развитие ситуации в Афганистане, характеризующееся неуклонным обострением военно-политической обстановки, ужесточением вооруженного противостояния, резким ухудшением гуманитарного положения, все активнее порождает и выбрасывает за пределы этой страны метастазы экстремизма и международного терроризма, незаконного оборота наркотиков, грубого нарушения прав человека и международного гуманитарного права. Эти нарастающие вызовы региональной и международной безопасности должны быть услышаны и восприняты со всей серьезностью и ответственностью. Мировому сообществу следует не только не ослаблять, но и усиливать воздействие на противоборствующие афганские силы, особенно талибов, с целью склонения их к прекращению кровопролития и поиску компромиссных развязок внутриафганских проблем. Центральное место в этом деле по-прежнему должно принадлежать ООН как главному авторитетному и беспристрастному посреднику в достижении политического урегулирования, приемлемого для всех афганцев.

Понимание такой необходимости имеется у Генсекретаря ООН К.Аннана. Он намерен активизировать деятельность Специальной миссии ООН по Афганистану, которая возьмет на себя главную роль в проведении миротворческой работы в этой стране, а также укрепить и интенсифицировать ее контакты со сторонами конфликта, с представителями других афганских сил, непосредственно не участвующих в вооруженном противо-

борстве, равно как и с представителями всех заинтересованных стран мира, готовых помочь нахождению мирного решения конфликта.

К.Аннан отмечает необходимость усиления борьбы с исходящей из Афганистана наркоугрозой. В качестве первых шагов на этом пути можно рассматривать достигнутые в 1999 г. между ЮНДКП и властями Пакистана, Ирана, Туркменистана, Узбекистана и Таджикистана договоренности о реализации программ в области пограничного контроля и охраны правопорядка. Подписаны меморандумы о взаимопонимании со всеми странами Центральной Азии с целью улучшения координации работы погранслужб и правоохранительных органов этих стран.

Существенным компонентом в позитивном воздействии на ситуацию в Афганистане остается оказание гуманитарной, донорской, продовольственной, медицинской и другой помощи населению этой страны со стороны ООН и международных гуманитарных учреждений. ООН обратилась к странам-членам с призывом оказать в 2000 году чрезвычайную и гуманитарную помощь Афганистану в объеме 270 млн. долларов.

Важным инструментом в деятельности ООН на афганском направлении является созданная в 1997 г. по инициативе Спецпосланника Генсекретаря ООН по Афганистану Л.Брахими «Группа соседей и друзей Афганистана» («Группа 6+2»), в которую входят Иран, КНР, Пакистан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, а также Россия и США. Группой выработаны согласованные подходы к проблеме внутриафганского урегулирования, которые были зафиксированы в принятой в Ташкенте в июле 1999 г. на ее выездном заседании с участием заместителей министров иностранных дел Декларации об основных принципах мирного урегулирования конфликта в Афганистане.

На сегодняшний день «Группа 6+2» остается одним из немногих жизнеспособных международных механизмов содействия внутриафганскому урегулированию, несмотря на то, что некоторые участники Группы, в частности Пакистан и Туркменистан, все больше дистанцируются от совместно выработанной линии поведения.

Следует отметить, что характер дальнейшего развития событий в Афганистане, а следовательно, увеличение или уменьшение исходящих от этой страны вызовов международному сообществу во многом будут зависеть от образа действий соседних стран, прежде всего Пакистана и Ирана.

Новые пакистанские власти, занятые внутренними делами, пока, судя по всему, не собираются приносить резких перемен в свою «афганскую» политику. Заявляя о стремлении Исламабада добиваться справедливого политического урегулирования в Афганистане на основе создания широкопредставительного правительства, глава военной администрации П.Мушарраф вместе с тем указывает на необходимость учитывать «особые интересы» ДТ, мотивируя это тем, что талибы контролируют почти 90% территории страны. Это заявление можно расценивать как осторожное подтверждение позиции Исламабада в поддержку ДТ с его претензий на установление монопольной власти в Афганистане.

Официальные представители Пакистана заявляют, что как член ООН он будет соблюдать введенные против ДТ санкции, хотя в Исламабаде считают, что они осложняют гуманитарную ситуацию в этой стране. Что касается выдачи У. бен Ладена, то пакистанцы подтвердили свою позицию относительно того, что этот вопрос является «внутренним делом Афганистана».

Позиция Ирана в отношении афганских событий, судя по заявлениям официальных властей в Тегеране, также остается неизменной. Иран выступает за скорейшее политическое урегулирование с учетом интересов всех этнических групп и религиозных конфессий. Пока эти интересы не будут признаны и узаконены талибами в форме широкопредставительного коалиционного правительства, Тегеран продолжит оказывать помощь и поддержку силам антиталибской коалиции.

За продолжающимся вооруженным противостоянием между ДТ и ОФ, которые, безусловно, являются ключевыми участниками афганских событий, не следует забывать и о так называемой «третьей силе» – афганской зарубежной диаспоре. Это наиболее образованная и профессионально подготовленная часть афганского общества во многом остается носителем афганских общественно-политических и культурных традиций и современных либерально-буржуазных взглядов. Как бы ни развивались события в Афганистане, эта «третья сила» рано или поздно будет востребована уже хотя бы потому, что для нормальной жизнедеятельности любой страны в мирных условиях нужны технократы, врачи, учителя, другие квалифицированные специалисты.

В последнее время представители «третьей силы», включая экс-короля Афганистана М.Захир Шаха и его окружение, заметно активизировали усилия по поиску политической альтернативы вооруженному конфликту в Афганистане. В конце ноября 1999 г. в Риме по инициативе М.Захир Шаха состоялось заседание учредительного оргкомитета по созыву чрезвычайной Лойя Джирги (собрание народных представителей), в котором приняли участие более 80 посланцев промонархических и либеральных кругов. В принятой оргкомитетом заключительной декларации зафиксировано решение созвать Лойя Джиргу на территории Афганистана при первой же благоприятной возможности для выработки принципов мирного урегулирования и определения будущего государственного устройства страны.

Подобного рода встречи состоялись также в ФРГ, Голландии, Иране, Пакистане, что свидетельствует о значительной разобщенности и определенной конкуренции в афганской зарубежной диаспоре.

Реакция ОФ на прошедшие мероприятия была в целом положительной. Римская встреча была расценена в качестве позитивного шага в направлении консолидации афганцев. ДТ отреагировало на встречу в Риме негативно, отметив, что ее решения приняты «в отрыве от афганских реалий». Вместе с тем талибы не исключили возможности проведения Лойя Джирги в Афганистане с целью обсуждения актуальных социально-

экономических и административных проблем, но не вопроса о власти, который, мол, уже решен в пользу ДТ.

Как показывает развитие ситуации в Афганистане, вовлеченные в конфликт афганские силы, и прежде всего талибы, все еще не готовы к серьезному и ответственному мирному диалогу, поскольку, видимо, не исчерпали потенциала своей воинственности и непримиримости и рассчитывают на продолжение подпитки извне. С учетом этого, в интересах адекватного реагирования на исходящие из Афганистана вызовы региональной и международной безопасности мировому сообществу необходимо в ближайшее время предпринять самые энергичные шаги, чтобы переломить существующую в этой стране трагическую ситуацию в направлении политического урегулирования, помочь афганцам найти взаимоприемлемую, компромиссную формулу практического сосуществования пуштунов и непуштунской части афганского общества в форме создания широкопредставительного и многоэтнического правительства в соответствии с рекомендациями и резолюциями Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН. В противном случае затяжной кризис в Афганистане грозит стать неуправляемым и от его катастрофических последствий не будет застраховано ни одно государство региона.

У.З.Шарипов,
доктор исторических наук, ИВ РАН

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ 90-х ГОДОВ И ПОЛИТИКА США

Персидский залив в течение последней четверти XX столетия представляется одним из самых напряженных в политическом, социальном и военном отношениях регионов мира. Здесь на основе богатейших мировых нефтяных месторождений во многом формируются общие условия международных поставок нефти; в течение восьми лет велась весьма разрушительная ирано-иракская война, а вслед за нею – не менее тяжелая по итогам и последствиям война за Кувейт; наблюдаются усиленная гонка вооружений, постоянное и многостороннее вмешательство инорегиональных сил. Причем такие составляющие, как «повышенная международная напряженность», «нефть» и «Персидский залив» в непосредственной взаимосвязи активно и постоянно проявляются в мировой политике.

Конец 80-х годов ознаменовался завершением в зоне Персидского залива и примыкающего к ней Среднего Востока двух крупных международных вооруженных конфликтов – это вывод советских войск из Афганистана и окончание ирано-иракской войны. Оценивая эти события с точки зрения изменения масштабов влияния основных внешних политических сил на региональную политическую ситуацию, можно констатировать следующее: разносторонняя закулисная борьба Запада и Советского Союза на данной арене в 70-80-е годы завершилась тем, что Запад (и прежде всего США), по сути, остался единственным внешним фактором влияния на политический климат региона как в целом, так и на отдельные страны. Главный стратегический оппонент Запада в Заливе – Советский Союз – потерпел политическое поражение на БСВ в целом, и соответственно, его военное и экономическое влияние здесь резко сократилось.

Какова была политика ведущих стран Залива и реакция Запада на нее в 90-е годы?

Республика Ирак.

Долголетняя война с Исламской Республикой Иран нанесла мощный удар по благополучию Республики Ирак: вместо инвалютных резервов образовались крупные государственные долги; фактически был закрыт выход страны в Персидский залив через Шатт-эль-Араб; появилось много разрушенных военных и хозяйственных объектов, а в восточных районах – городов; число жертв войны среди молодежи составило 300 тысяч человек, а это означало мощный удар по естественному воспроизводству генофонда

нации; произошло значительное падение жизненного уровня населения; резко возросла безработица ввиду сокращения хозяйственных инвестиций.

Хотя баасистская пропаганда провозгласила победу Ирака над Ираном, ссылаясь на согласие воевавших сторон прекратить огонь в соответствии с резолюцией СБ ООН № 588 от 1988 года, страна попала в тяжелую социально-экономическую ситуацию, диктовавшую необходимость жить весьма скромно по крайней мере в течение ближайшего десятилетия. Только в таком случае Багдад мог обеспечить выплату внешних долгов, завоевать доверие иностранных кредиторов и нейтрализовать требование Исламской Республики Иран о выплате ей контрибуции. По официальному заявлению Багдада, на 1 января 1991 г. внешние долги Республики Ирак, образовавшиеся в течение войны с ИРИ, составили 110 млрд. долл., в то время как доходы от нефти за 1991-1995 гг. предполагались на уровне 65 млрд. долл. То есть бюджетный дефицит страны с учетом сбора всех налогов, побочных доходов, с одной стороны, и расходов, – с другой, должен был составить 150 млрд. долл.¹ На фоне таких данных на рубеже 80-х-90-х гг., перспективы достижения национального благополучия выглядели для Багдада довольно проблематично. Особенно наглядно это подчеркивало положение стран в регионе. Так, соседний Иран значительно превосходил Ирак своим «удельным весом» (по численности населения, промышленному потенциалу, удобству коммуникационных выходов на мировые рынки – через Персидский залив, Каспийское море, Пакистан, Среднюю Азию и Кавказ), а аравийские монархии на основе колоссальных нефтедолларовых поступлений довольно быстро наращивали свою военную, политическую и экономическую силу.

Терпеливая и трезвая оценка сложившейся конъюнктуры как внутри страны, так и за ее пределами оказалась не под силу авторитарному правлению С.Хусейна. Чтобы проводить оптимальный в создавшихся сравнительно неблагоприятных условиях политический курс, требовались долговременные и тщательно выверенные усилия постоянно совершенствующейся государственной машины. К тому же рядом находился малонаселенный, незначительный по территории Кувейт, располагавший нефтяными месторождениями мирового значения и соответствующими нефтедоходами.

Мысль вернуть так называемую «исторически иракскую провинцию» (под которой подразумевается Кувейт) в лоно единого иракского государства снова овладела правящими кругами Багдада после окончания разорительной войны с Исламской Республикой Иран. Она стала «идеяфикс» быстрого решения осложнившихся проблем Ирака. При этом Багдад рассчитывал, что относительно благоприятное благорасположение администрации Дж. Буша к нему, достигнутое в 80-е годы, не позволит быстро и кардинально переориентировать вплоть до войны американскую политику в отношении Ирака. Цель президента С.Хусейна заключалась в том, что захват Кувейта давал в руки Багдада все валютные запасы этой страны, избавлял его от задолженности за прошлую помощь Кувейта и Саудов-

ской Аравии, обеспечивал ему эксплуатацию кувейтских нефтепромыслов, а в дальнейшем – возможность претендовать на капиталовложения Кувейта за рубежом (как правопреемнику и владыке этой территории и носителю соответствующих обязанностей). При этом предполагалось, что международный авторитет Ирака как сильной региональной державы должен был возрасти (правда, не без определенных, но временных, международных осложнений). Багдад надеялся на конечный более или менее благоприятный исход – наподобие вариантов недавнего прошлого: захват Индонезией Восточного Тимора и Западного Ириана, Турцией – северного Кипра, Ираном – островов Большой и Малый Томб, а также Абу-Муса в Персидском заливе и т.д.

2 августа 1990 года иракские войска, предварительно сосредоточенные в южных районах страны, неожиданно вторглись в Кувейт и за короткое время оккупировали это государство. 8 августа иракское руководство сделало заявление о своем решении присоединить Кувейт к Республике Ирак, а 28 августа Багдад объявил Кувейт своей 19-й провинцией². Через полгода непримиримого противостояния и военных приготовлений свершилась, как уже отмечалось, ответная международная военная операция «Буря в пустыне». В ходе ее осуществления иракские войска были разгромлены в Кувейте, а войска международной коалиции вторглись в южные районы собственно Ирака. Одновременно были подвергнуты бомбардировкам Багдад, а также наиболее значимые промышленные, военные и коммуникационные объекты страны. По международным оценкам, за время операции «Буря в пустыне» в Ираке погибло более 200 тысяч человек военных и мирных жителей³, а общий ущерб, нанесенный стране, составил 200 млрд. долл.⁴

Вслед за военными действиями НАТО последовала, среди прочих, резолюция СБ ООН № 687 от 3 апреля 1991 г., санкционировавшая введение полной экономической, транспортной, воздушной и военной блокады Республики Ирак. В соответствии с этой резолюцией под эгидой Комитета санкций Совета Безопасности ООН были созданы следующие органы:

- 1) Миссия ООН по наблюдению за режимом ирако-кувейтской границы;
- 2) Специальная комиссия ООН по выявлению и уничтожению всех видов химического и бактериологического оружия и их производств, а также баллистических ракет дальностью стрельбы свыше 150 км. В ее функцию вошла обязанность содействовать Атомному энергетическому Агентству в недопущении восстановления иракского ядерного потенциала (включая требования не приобретать и не разрабатывать ядерное оружие);
- 3) Ирако-кувейтская комиссия по демаркации границы, готовящая доклад Генеральному секретарю ООН к 20 мая 1993 года о выполнении «Согласительного документа между Государством Кувейт и Республикой Ирак от 4 октября 1963 года»;
- 4) Компенсационная комиссия ООН, управляющая Фондом по выплате компенсации всем юридическим и физическим лицам, потерпевшим во время оккупации Кувейта. К началу 1994 года было утверждено свыше 2,3

млн. требований от 78 правительств, представляющих как собственные интересы, так и таковые своих граждан и корпораций⁵.

Президент Саддам Хусейн был вынужден допустить в страну международные инспекционные комиссии, которые все более и более ужесточали свои требования к руководству Республики Ирак по вопросам их допуска к любым объектам и точкам страны, которые вызывали подозрения у специалистов комиссий.

В результате применения международных санкций Ирак почти полностью лишился своего экспорта нефти, внешней торговли и транспортных связей (осталось единственное окно во внешний мир – через Иорданию, которая отказалась повзвратить отношения с Республикой Ирак). Проблема спорных пограничных территорий между Кувейтом и Ираком была решена, исходя из требований кувейтской стороны: а) спорная часть богатого месторождения нефти Северная Румейла была отдана Кувейту; б) Багдаду было окончательно отказано в аренде кувейтских островов Бубиян и Варба, что закрыло Ираку судоходный выход в Персидский залив (при этом следует учитывать то, что река Шатт-эль-Араб из-за правовых и транспортных проблем также фактически не может на удовлетворительном уровне служить судоходной артерией в Залив).

Более того, внутри страны возникла кризисная политическая ситуация – на севере и юге вспыхнули восстания курдов и шиитов. Багдаду пришлось мобилизовать на борьбу с ними крупные контингенты своих вооруженных сил, которые осуществляли чрезвычайно жесткие операции. Разгрому подверглись даже города, в том числе и святыни шиитов – Кербела и Неджеф. По данным международных источников, с 1988 по 1991 г. иракские солдаты убили 200 тысяч курдов и уничтожили 5 тысяч деревень. На юге страны количество жертв среди сторонников оппозиционного шиитского лидера Бакра аль-Хакима, других антисаддамовских сил и мирного населения в районах их действий также было чрезвычайно велико.

Карательные операции Багдада против повстанцев и поддерживавшего их населения, проводившиеся в 1992-1994 годы и сопровождавшиеся активной пропагандистской кампанией против Кувейта, США и ООН, в конце концов, привели к прямому военному вмешательству США и других членов НАТО. В районы проживания курдов (до 36-й параллели от северной границы ИИ) были введены натовские подразделения для защиты местного населения от нападений иракских войск. Южные же провинции страны до 32-й параллели (с юга) включительно стали патрулироваться самолетами США.

Военные действия на юге Ирака вызвали осложнения между руководством ИИ с соседней Исламской Республикой Иран, так как карательным акциям подвергались шииты. Они были вынуждены большими массами покидать свои родные места и прорываться через ирако-иранскую границу. Как известно, иракское правительство в 1991 г. в основном подавило восстание шиитских оппозиционеров. Исход же населения из районов Омаре, Насерийе и Басры в Ховейзе (Исламская Республика Иран)

происходил в течение 1991-1993 гг. вследствие продолжавшихся нападения иракской армии на незащищенных жителей болотистых местностей междуречья Тигра и Евфрата⁶. Естественно, в такой ситуации Тегеран отвергал какие-либо существенные претензии Багдада в двустороннем переговорном ирано-иракском диалоге.

За пять лет, прошедших с момента введения международных санкций против Республики Ирак, экономическое и социальное положение государства резко ухудшилось. Так, по имеющимся данным, на конец 1995 г. обменный курс иракского динара (бывшего на рубеже 80-90-х годов одной из самых твердых валют мира) упал: официальный – с 3 до 600, а свободный (имеется в виду на «черном рынке») – с 10-12 до 2300-2600 за 1 доллар США. Около 4 млн. человек (из 16 млн. населения страны) жили на грани голода. Резко сократилась промышленная деятельность, многие предприятия, зависящие от импортных компонентов производства, остановились. Заработная плата государственных служащих равнялась 2-3 долларам (в пересчете по курсу свободного рынка, так как цены на потребительские товары, по сути, соответствовали этому соотношению).

Руководство Республики Ирак неоднократно предпринимало усилия в мировом сообществе и в среде мусульманских стран для прекращения международных санкций против него, но при этом не соглашаясь с унижительными ультимативными условиями Запада. За это по Ираку был нанесен новый удушающий удар: 8 ноября 1995 года Совет безопасности ООН под фактически ультимативным давлением со стороны США принял решение о продлении прежних жестких санкций в отношении Багдада еще на 5 лет. Однако в резолюции СБ ООН также было заявлено, что, учитывая бедственное положение этой страны, ООН готова дать разрешение Республике Ирак продавать на мировом рынке в течение каждых 6 месяцев нефти на 2 млрд. долл. для приобретения лекарств и продуктов питания. Принятая в связи с этим в 1996 году Советом безопасности резолюция №986 назвала данную программу ООН «Нефть в обмен на продовольствие». Багдад отверг предложенные ему условия и потребовал полной отмены санкций. Министр иностранных дел страны Мухаммад ас-Сахаф заявил: «Отношение Ирака к резолюции № 986 осталось прежним – мы не приемлем вмешательство во внутренние дела суверенного государства. Мы не отступим. Это решение исходит из принципа нашего единства, суверенитета и территориальной целостности»⁷.

Но такое требование Багдада не получило достаточной поддержки в мировом сообществе, а американский вариант блокады Ирака сохранил свою диктующую силу (правда, уже в 1998-1999 гг. разрешенный доход страны от экспорта нефти достиг за каждое полугодие 5 млрд. долл.)⁸. Как показала реальность, несмотря на многоэтапные и разноплановые усилия как режима С.Хусейна, так и правительств многих иных государств (РФ, ряда стран Арабского Востока, Франции, Китая и других), Республика Ирак по-прежнему находится в тисках международных санкций. Причем в 1997-1998 гг. США от имени СБ ООН дошли до ультимативного требования не-

медленно допустить международные инспекции во дворцы президента Ирака С.Хусейна. Багдад (под угрозой новой американской военной акции) был вынужден принять это условие. Правда, единственное, чего удалось добиться Ираку на этом этапе (причем не без очередных трагических обострений), – это ввести в состав комиссий представителей России и ряда других стран, а также несколько поубавить «засилье» американцев в них. Но за такое неповиновение американскому диктату Республике Ирак пришлось поплатиться новым решением СБ ООН о сохранении прежних рамок международной блокады Ирака⁹.

В таких форс-мажорных условиях в Республике Ирак чрезвычайно важное значение приобрел идеологический аспект борьбы за внутренний и внешний авторитет ее правящего политического режима. В данной связи для демонстрации мировой общественности прочности существующей власти и ее всенародной поддержки у Багдада возникла острая потребность в проведении какой-либо грандиозной пропагандистской акции. 15 ноября 1995 года в Ираке был проведен общенародный референдум о доверии президенту С.Хусейну. Причем 99% иракцев проголосовали в пользу продления его полномочий на новый семилетний срок. Хотя можно сомневаться в свободе волеизъявления иракского населения в условиях суровой диктатуры нынешнего режима страны, однако остается неоспоримым фактом то, что результаты референдума вполне убедительно продемонстрировали поддержку существующей власти. В общем итоге это означало продолжение процесса политического противостояния между Республикой Ирак и Западом и сохранение осложнений в жизни иракского народа.

Исламская Республика Иран.

Война с Ираком весьма сильно измотала государственный и народнохозяйственный организм Ирана.

Вскоре после окончания войны имам Хомейни умер. К власти в Иране пришли новые лидеры – президент Хаменеи и премьер-министр Рафсанджани. Продолжая следовать принципам исламской революции 1979 года, они стали проводить свой курс на стимулирование интенсивного развития страны.

Следует отметить, что налаживание процесса национального экспорта нефти и ненефтяных товаров, а также рациональное распределение ассигнований государственного бюджета в инвестиционные сферы экономики дали Ирану в 90-е годы благоприятные результаты. Так, по заявлению вице-президента Исламской Республики Иран М.Нурбахша на заседании Международного валютного Фонда и Международного банка реконструкции и развития в Вашингтоне в 1993 году, в течение 1989-1992 гг. темпы роста экономики Ирана составляли ежегодно в среднем 8%. Годовой доход на душу населения оценивался им в 2,2 тыс. долл. Через год министр экономики и финансов подтвердил эти данные, сказав, что средний ежегодный рост ВНП ИРИ с 1989 по 1993 г. составил 7,7%. То есть по этим показателям Иран находился в группе наиболее активно развивающихся стран мира¹⁰.

На протяжении всех 90-х годов ИРИ сохранила стабильные и сравнительно высокие темпы хозяйственного развития. Таким образом, экономические успехи восстановления и дальнейшего поступательного движения облегчали правительству Исламской Республики Иран решение своих внутренних социальных задач и проблем внешней политики.

Однако в 90-е годы существовали и факторы, которые мешали развитию внешнеполитических связей Исламской Республики Иран в зоне Персидского залива.

Во-первых, руководство ИРИ последовательно занималось укреплением исламской системы государственного управления и придерживалось радикальной социальной политики в мусульманском мире. Это беспокоило как монархические и либерально-республиканские арабские режимы, так и Запад, особенно США. Последние были удовлетворены итогами ирано-иракской войны, ослабившей, с одной стороны, наиболее опасные для Запада по своим совокупным характеристикам государства региона – Иран и Ирак, а с другой, – усилившей международную инициативность прозападно настроенных аравийцев.

Эти силы вместе вели психологическую борьбу против Исламской Республики Иран. Все средства массовой информации и местных, и западных стран выступали, по существу, лишь в одной критической тональности в отношении Тегерана. Они обвиняли его в вынашивании враждебных замыслов против соседних государств, в пропаганде радикализма и поддержке террористических организаций в Ливане и оппозиционных групп в аравийских странах. Недоброжелателями ИРИ для нападков пользовался любой удобный случай или промах Тегерана. Все делалось для того, чтобы Иран всегда оставался в жестких условиях внешнего давления и ограничений.

Во-вторых, Тегеран упорно отказывался подчиниться давлению Вашингтона и прекратить свою антиамериканскую и антиимпериалистическую критику политики вмешательства во внутренние дела региона Персидского залива, БСВ и остального мира.

Какую политическую линию проводила Исламская Республика Иран во время ирано-кувейтского военного конфликта и в последующие годы?

Президент С.Хусейн, столкнувшись после оккупации Кувейта с нараставшей мощной оппозицией со стороны мирового сообщества, и прежде всего с угрозой войны с США, счел целесообразным урегулировать территориальные споры с Исламской Республикой Иран, и вернул занятые в первой войне в Заливе участки на ирано-иракской границе. Таким образом, неожиданно для мирового сообщества начался прямой, относительно доверительный диалог между Багдадом и Тегераном (как считалось, это было временной тактикой сторон). Причем С.Хусейн стал инициатором переговоров, добивался встреч в Тегеране, чтобы заручиться нейтралитетом со стороны иранских руководителей, а если получится, то и их определенной политической поддержкой в период его конфликта с международным сообществом по вопросу о судьбе Кувейта. Во время

интенсивных бомбардировок американской авиацией иракских военных аэродромов более сотни самолетов (такова версия Багдада) нашли убежище на территории Исламской Республики Иран, хотя Тегеран признает факт перелета через государственную границу немногим более двадцати единиц.

Далее, концентрация внимания Багдада на противостоянии вооруженному выступлению многонациональных сил ослабила контролирующие функции иракского правительства над внутренней жизнью провинций страны, что позволило усилиться деятельности антибаасистской оппозиции. А это, в свою очередь, расшатывало устойчивость баасистской власти, что было в интересах Тегерана – и на текущий момент, и на перспективу.

Что касается отношения тегеранского руководства к самой «американо-иракской войне», то оно исходило из того, что конфликт при любом варианте его развязки укреплял позиции Исламской Республики Иран в Персидском заливе, содействовал восстановлению ее авторитета в мировом сообществе. Во время всех этапов нового международного конфликта в Заливе Тегеран в целом достаточно грамотно (с точки зрения государственной дипломатии) провел внешнеполитическую кампанию. Руководство ИРИ, с одной стороны, заявило о своем нейтралитете в войне из-за Кувейта, но при этом осудило агрессию Багдада, а с другой, – выступило против присутствия войск Запада в регионе. Такая позиция обеспечила Тегерану возможность избежать вовлеченности в данный конфликт, подтвердить антиимпериалистическую направленность своей внешней политики, и, наконец, поднять свой авторитет в качестве уравновешенного и принципиального исламского политического режима на БСВ. В тактическом плане Иран получил возможность, используя факт сотрудничества и сближения между аравийскими монархиями и рядом арабских стран, с одной стороны, и США – с другой, оказывать определенное дипломатическое и идеологическое давление как на местные правительства, так и на западные в целях получения от них уступок для себя.

Итоги войны, с точки зрения Тегерана, оказались лучше, чем он ожидал: военная машина Республики Ирак была настолько разрушенной, что сохранила потенциал, достаточный лишь для выполнения внутригосударственной полицейской функции.

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что в Тегеране находился штаб иракского шиитского движения исламской революции, возглавлявшийся религиозным лидером Бакром аль-Хакимом. Эта шиитская оппозиция баасистам, пользуясь событиями вокруг Кувейта и при согласии руководства ИРИ, подняла в южных провинциях Ирака вооруженное восстание. В то же время Тегеран не чинил препятствий выступлению и своего второго политического союзника – сторонникам курдского лидера Масуда Барзани, возглавлявшего Демократическую партию иракского Курдистана и враждебного баасистам.

В отношении официальных властей Республики Ирак Тегеран занял внешне довольно гибкую позицию, соглашаясь на ведение определенного

межправительственного диалога, но без каких-либо существенных компромиссов и уступок Багдаду. Так, первый заместитель председателя комиссии по иностранным делам Меджлиса исламского Совета доктор М.Д.Лариджани, говоря о позиции ИРИ по поводу внутреннего положения в Ираке, заявил: «Иран заинтересован в сохранении территориальной целостности Ирака. Мы не хотим волнений и нестабильности в этой стране. Впрочем, между ИРИ и РИ существует ряд проблем, которые относятся исключительно к сфере межправительственных связей, в частности, проблема выполнения положений резолюции № 598 СБ ООН (в том числе и вопроса о судьбе иранских военнопленных). Однако Иран с уважением относится к решениям Совета Безопасности и будет продолжать их соблюдать, – ИРИ не станет инициатором отмены санкций. Учитывая опасность, которую представляет расчленение Ирака, Тегеран выступает против вмешательства иностранных держав в его внутренние дела»¹¹.

Такую позицию по Ираку ИРИ неоднократно подтверждала и в дальнейшем: президент Рафсанджани на международной конференции Ассамблей в Швейцарии в 1994 году заявил о своем уважении территориальной целостности Ирака¹².

Касаюсь состояния текущих проблем двусторонних ирано-иракских отношений, министр иностранных дел ИРИ А.А.Велаяти сказал: «Иран принял на себя обязательства по многочисленным резолюциям СБ ООН по Ираку и Кувейту. Сохранение же иракских самолетов на иранской территории предусмотрено санкциями ООН. Поэтому в настоящее время с юридической точки зрения ИРИ не готова к тому, чтобы начать обсуждение данной проблемы»¹³.

Временный уход Ирака и Кувейта с мирового нефтяного рынка улучшил возможности расширения экспорта иранской нефти. То же можно сказать и о восстановлении технологии добычи и нефтепереработки, так как практически исчезла угроза указанным объектам от новых воздушных и ракетных нападений со стороны Ирака в случае обострения взаимоотношений с ним.

Что касается ирано-американских отношений, то стороны не только не успокоились со своими претензиями друг к другу, а начали новый раунд взаимной конфронтации. В 90-е годы, на фоне максимального ограничения американо-иранских политических и торговых контактов Вашингтон стал позволять себе все более широко демонстрировать военное присутствие США в Заливе и указывать местным правительствам безопасные для их транспортных и рыболовецких средств, а также для их граждан пределы приближения к американским военным объектам. Так, согласно нотам протеста Исламской Республики Иран, переданных ее постоянным представителем в ООН Х.Харази Генеральному секретарю ООН, «американские ВМС с 28 января по 8 февраля, а затем с 25 июня по 16 сентября 1993 г. делали предупреждения иранским вертолетам, совершавшим полеты над территориальными водами Ирана и между нефтяными терминалами своей страны, чтобы они изменили свои маршруты и прекратили

выполнение своих ежедневных рейсов. В частности, это коснулось двух вертолетов, принадлежавших Иранской национальной нефтяной компании, которые следовали с острова Харк к нефтяному терминалу Форузан, а также шести вертолетов, летавших в Оманском заливе»¹⁴.

Руководство Ирана постоянно отмечало наличие у США субъективных притязаний в Заливе, которые несовместимы с суверенитетом стран региона. После нескольких нот в ООН и в Вашингтон в течение 1994 года (через пакистанское посредничество), правительство ИРИ сделало заявление о том, что «после военной операции США и их западных союзников против Республики Ирак во время «нефтяной войны», Америка и Англия всеми силами предпринимают попытки создать напряженность в регионе и таким образом оправдать свое военное присутствие в зоне Персидского залива. Поэтому военное ведомство Ирана выступило с предупреждением в адрес США о том, что незаконные перемещения американских вооруженных сил в Персидском заливе недопустимы и должны быть прекращены»¹⁵.

В ответ на это администрация президента Б.Клинтон в 1995 году, обвинив ИРИ в поддержке международного терроризма и в разработке ядерного оружия, объявила о введении в одностороннем порядке против нее нового тотального торгово-экономического эмбарго. В соответствии с ним компаниям США, и их филиалам в других странах было запрещено осуществлять какие-либо торговые сделки с Ираном. В частности, под американский бойкот попадали 30% экспортируемой иранской нефти. Эти санкции продолжают действовать и ныне.

В свою очередь, руководство Исламской Республики Иран, отвечая на введенные США санкции и всемерно используя брешу, образовавшиеся в западном сообществе, применило свою новую тактику на международном рынке торговли нефтью. Оно заявило, что компенсирует потерю поставок американским компаниям за счет других покупателей иранской нефти на мировом рынке (в частности, таковыми явились КНР, Индия, Болгария и др.).

Более того, Иран, помимо обвинения США в одностороннем нарушении международной этики, стал усиливать идеологическое давление на дружественные США арабские правительства. Тегеран заявил им, что «эта политика является следствием усилий произраильского лобби и традиционной линии демократов (США) на поддержку позиции израильского правительства в политических вопросах Ближнего Востока». Президент Исламской Республики Иран Х.Рафсанджани заявил: «Соединенные Штаты Америки оказались заложниками сионистской пропаганды».

При этом Исламская Республика Иран не упускала из вида того, что за последнее десятилетие произошло изменение баланса вооруженных сил в Персидском заливе в пользу аравийских стран. В то время, когда Иран и Ирак растрачивали в войне технические и кадровые потенциалы своих вооруженных сил, аравийские государства наращивали и совершенствовали их при западном содействии (по данным ООН, Саудовская

Аравия и Объединенные Арабские Эмираты стали наряду с Израилем крупнейшими покупателями оружия у США)¹⁶. Кроме того, вооруженным силам аравийских стран Залива в соответствии с заключенными соглашениями с США и по линии ССАГПЗ гарантировалась военная поддержка со стороны блока НАТО.

Поэтому Исламская Республика Иран предприняла серьезные шаги по восстановлению и дальнейшему развитию своих вооруженных сил. Иранская дипломатия, парируя внешние обвинения в свой адрес, что якобы ИРИ занимается военно-агрессивными приготовлениями (и в первую очередь в зоне Персидского залива), подчеркивала, что ее военные затраты фактически составляют лишь 1,5% ВВП и существенно уступают военным расходам Саудовской Аравии и Кувейта.

Последовательно укрепляя свой военный потенциал, Тегеран настойчиво требует вывода иностранных войск, и прежде всего США, из региона Персидского залива. Вокруг этого развернулась острая пропагандистская война, в которой использовались любые поводы для обвинений друг друга. Так, когда 15 ноября 1995 года в Эр-Рияде был произведен теракт, в результате которого погибли американские инструкторы, обучавшие саудовских национальных гвардейцев, то внезапно неизвестная до этого подпольная организация «Тигры залива» сделала заявление агентству Франс Пресс о том, что она как организатор этих взрывов преследует цель добиться вывода американских войск из Саудовской Аравии. Эр-Рияд тут же намекнул на то, что за терактом стоят воинствующие антиамериканисты – Иран и Ирак. Так же был оценен и мощный взрыв на военной базе в Дахране в 1996 году.

Иранское же руководство, оценивая происходящие в регионе коллизии и конфликты, постоянно проводило мысль, что «арабские страны Персидского залива находятся, как и в предыдущем десятилетии, в сложном положении, которое вызвано продолжающимися подстрекательскими действиями США в Заливе, направленными на создание кризисных зон». При этом Тегеран ссылался на ухудшавшиеся финансовые показатели расчетов между государствами региона и внешними партнерами, которые публиковались в экономических изданиях мира. В соответствии с ними в начале 80-х годов 6 стран-членов ССАГПЗ располагали совокупными запасами инвалют в размере 256 млрд. долл., а уже на начало 1994 года пять из них стали должниками. Часть названных валютных резервов, как известно, была потрачена во время ирано-иракской войны на поддержку Республики Ирак, однако гораздо большая доля их ушла на вторую войну в Заливе и на связанные с нею расходы. Даже Саудовская Аравия в течение 1990-1994 годов была вынуждена взять иностранных кредитов на сумму 67 млрд. долл.¹⁷

Следует отметить, что, хотя у Исламской Республики Иран были различного рода противоречия с соседними арабскими государствами, ее политика в зоне Персидского залива не являлась одноплановой и однополярной. Искались пути к развитию тех или иных видов

сотрудничества и контактов. Это касалось не только нейтральных к Ирану государств, но также и (в определенных границах) стран, явно связанных с его политическими противниками. Так, ИРИ и Катар сотрудничали в создании производственных мощностей по выпуску нефтепродуктов и переработке газа, ряд совместных проектов Иран осуществлял с Оманом и т.д.

Что касается проблемы спорных островов в Персидском заливе (Абу-Муса, Большой Томб и Малый Томб), то МИД ИРИ заявил об исторической обоснованности их принадлежности Ирану. Вместе с тем это ведомство приветствовало проведение между ОАЭ и Ираном переговоров без предварительных условий. При этом Тегераном были представлены документы и карты двухтысячелетней давности (в противовес карте, изданной Великобританией в 1892 году)¹⁸.

Оценивая политическую ситуацию в Персидском заливе в 90-е годы с точки зрения интересов Исламской Республики Иран, можно констатировать, что она для Тегерана была в целом двойственна. С одной стороны, после режима военного времени общество получило возможность жить в мирных условиях: угроза внешней экспансии на территорию Ирана была ликвидирована. С другой стороны, – эмбарго торговых связей и политическая обструкция со стороны Вашингтона в отношении Исламской Республики Иран продолжались, что существенно затрудняло международную деятельность этой страны.

Аравийские страны Персидского залива.

Внешнеполитическая деятельность аравийских стран в 90-е годы была обусловлена несколькими факторами. К ним относятся: вторая война в Персидском заливе (так называемая «война за Кувейт») и корректировка в данной связи как местными, так и внешними государствами своей региональной политики; новый этап гонки вооружений как цель во имя сохранения военно-технологического превосходства аравийских стран над Республикой Ирак и Исламской Республикой Иран; беспепелляционная опора на Запад как долговременная стратегия аравийских режимов.

В указанном десятилетии перед аравийскими правящими кругами появился наряду с Исламской Республикой Иран новый грозный военный враг – Республика Ирак. Как и Иран, это сравнительно многонаселенная страна, с мощной армией, развитым экономическим потенциалом и высокими нефтедолларовыми доходами (если не учитывать период действия введенных международных санкций против Багдада).

С началом иракской акции по аннексии Кувейта руководство Саудовской Аравии и других членов ССАГПЗ, а также бежавшие в Эр-Рияд эмир и правительство Кувейта обратились в ООН, к правительствам США, держав Западной Европы и другим членам мирового сообщества за военной и политической помощью с тем, чтобы вернуть статус-кво в регионе. А так как позиции аравийских правящих кругов и членов НАТО, признающие необходимость любыми средствами и бескомпромиссно, а также безотла-

гательно решить вопрос об изгнании иракских войск из Кувейта, полностью совпадали, то образовался достаточно обширный международный альянс для успешного исхода военной акции возмездия.

Военный вклад аравийских стран Залива в операцию «Буря в пустыне» был незначительным. Другое дело – финансовое обеспечение акции: аравийские режимы полностью взяли на себя финансирование всей международной военной кампании против Республики Ирак. Эр-Рияд, а также эмир Кувейта гарантировали оплату всех затрат и «премиальные» участникам «Бури в пустыне» за счет текущих и будущих нефтедолларовых поступлений Саудовской Аравии и Кувейта.

Прежде чем развернулись военные действия международной коалиции против Ирака, на его руководство в течение полугода (со 2 августа 1990 года по 15 января 1991 года) со стороны арабских государств, несогласных с «кувейтской акцией Саддама Хусейна», а также ООН, НАТО и США оказывалось интенсивное дипломатическое, политическое и военно-предупредительное давление. Требования к Багдаду заключались в немедленном освобождении территории Кувейта и возмещении последнему всех потерь. Кроме того, предлагалось уладить конфликт в рамках посреднических услуг ряда арабских государств при содействии Лиги арабских стран и Организации Исламской Конференции.

Ввиду безрезультатности предпринятых на всех международных уровнях попыток политическими средствами восстановить кувейтскую государственность, а также в результате многомесячного сосредоточения в регионе военного контингента под руководством Пентагона, 16 и 17 января 1991 года правительства Кувейта, Саудовской Аравии и США сделали совместное заявление «о переходе к военным методам решения проблемы». 17 января 1991 года началась операция «Буря в пустыне». В ней участвовали, кроме войск США и членов блока НАТО, также и воинские подразделения Саудовской Аравии и военнослужащие из остатков кувейтской армии.

Следует отметить, что США в этот период довольно тонко строили свою политическую игру в Персидском заливе. Так, они не допустили Израиль в число участников военной коалиции для ведения боевых действий против Республики Ирак. Они понимали идеологическую опасность такого вовлечения, так как трудно было бы вызывать симпатии к главному в данном случае альянсу в регионе – между США, Саудовской Аравией и Кувейтом¹⁹.

В результате иракской оккупации Кувейта разрушения страны оказались довольно значительными: все нефтяные скважины были подожжены и много месяцев горели; были взорваны многие участки нефтепроводов и экспортных терминалов; сильно пострадал стройфонд и деловые объекты столицы Эль-Кувейта: банки и государственная казна были разграблены, а их ценности увезены в Ирак и т.д. По оценкам кувейтских и западных специалистов, урон, нанесенный Кувейту иракской оккупацией, составил более 300 млрд. долл. Кроме того, и Кувейт, и Саудовская Аравия обязались

оплачивать в течение многих лет после войны свои долги по военным счетам странам и компаниям – участникам антииракской коалиции*.

Кувейт в послевоенные годы имел ежегодный дефицит государственного бюджета на уровне 5-6 млрд. долл. Ухудшилось также финансовое положение Саудовской Аравии. В результате и Кувейт, и Саудовская Аравия вновь через два десятилетия стали прибегать к внешним заимствованиям²¹. К отрицательным факторам следует отнести и то, что вторая война в Заливе еще более подстегнула здесь гонку вооружений. Так, уже в 1992 году страны региона (кроме Ирана и Ирака) потратили на закупку вооружений 157 млрд. долл.²²

Однако не менее, а скорее, более значимыми для аравийских режимов оказались благоприятные итоги второй войны в Персидском заливе. Обрушившийся на Республику Ирак мощный град международных санкций гарантировал аравийским правительствам безопасность от нападений со стороны призаливных соседей. Он продемонстрировал им, что Запад во имя своих нефтяных интересов в Заливе не позволит «обижать» своих союзников на полуострове. Вместе с тем санкции одновременно стали и серьезным стимулом для развития их государственных потенциалов (военных, экономических и других) на фоне «зажатости» со стороны Запада (главным образом США) Республики Ирак – еще одного, в дополнение к Ирану, крупного политического и военного противника аравийских стран Залива.

Правящие круги Кувейта и Саудовской Аравии полностью поддержали международные санкции против режима президента С.Хусейна, которые охватили основные стороны жизнедеятельности Республики Ирак, углубляли его изоляцию от мирового сообщества. Более того, они и в дальнейшем делали все возможное для сохранения указанных санкций в силе. То, что иногда теми или иными руководителями этих аравийских стран произносились пожелания приступить к этапу размораживания антииракских санкций, по сути следует отнести к разряду всего лишь конъюнктурных заявлений на «публику». В Вашингтоне были прекрасно осведомлены о том, что фактически стратегическая позиция Эль-Кувейта и Эр-Рияда, заключающаяся в полной поддержке проводимого США курса, по иракскому вопросу осталась неизменной.

Оценивая итоги второй войны в Заливе как в политическом аспекте в целом, так и с точки зрения аравийских государств Залива, можно констатировать, что идеологический лозунг «Единственным спасителем местных миролюбивых стран является Запад, и прежде всего США» получил на Ближнем и Среднем Востоке, и особенно в зоне Персидского залива, полное признание. Действия Запада оправдывали тем, что он имеет здесь коренные интересы в нефти во имя поддержания стабильности мировой

* Следует иметь ввиду также, что с ноября 1993 года Кувейт взял на себя 2/3 расходов Комитета санкций и Миссии наблюдателей ООН в Ираке²⁰.

экономики. Поэтому де Запад отстаивает статус-кво и мир в этом регионе, как и в остальных частях земного шара.

Для расширения американского присутствия в Заливе применялись по ходу и попутные тактические меры. Так, в октябре 1994 года была разыграна очередная спекулятивная карта. Пентагон и ЦРУ объявили мировому сообществу, что к границе Кувейта двинулись элитные войска Саддама Хусейна, чтобы снова вторгнуться в Кувейт. На этом основании в Персидском заливе, с согласия руководителей Кувейта и Саудовской Аравии, были затеяны масштабные американские военные маневры с участием большого количества кораблей, и в том числе авианосца, а также частей морской пехоты и десантников. Мировая пресса стала широко обсуждать вопрос о намеченных целях в Багдаде и других городах Республики Ирак для ударов американских самолетов и ракет. Одновременно делались прозрачные намеки и угрозы также и в адрес других «непослушных» правительств региона (в первую очередь имелась ввиду Исламская Республика Иран).

Однако следует отметить, что в 90-е годы произошло определенное смягчение отношения аравийских государств Залива к Исламской Республике Иран, а некоторые из них сделали соответствующие шаги для налаживания атмосферы добрососедства с этой державой региона. Германский журнал «Шпигель» по данному поводу писал: «После пережитого трагического периода иракской оккупации в Кувейте произошло переосмысление международных политических реалий в регионе, и сменились акценты в определении опасностей в Заливе. Эту перемену в политических взглядах кувейтского руководства можно проиллюстрировать интервью министра иностранных дел Кувейта Сабах аль-Ахмад ас-Сабаха журналу «Шпигель»: Во время ирано-иракской войны Кувейт совершил большую ошибку, помогая Ираку. Тем не менее, Иран проявил великодушие и выступил в нашу защиту после агрессии Саддама против Кувейта и оккупации нашей страны. Поэтому мы просим Исламскую Республику Иран с пониманием отнестись к нашей поддержке Ирака в течение восьми лет его войны с Ираном и простить нас за это»²³.

Интересен также и такой аспект политических перемен: в сложившейся в 90-е годы благоприятной идеологической конъюнктуре на БСВ правящие круги Саудовской Аравии, США и Израиля пришли к выводу о целесообразности урегулировать на удовлетворительных для себя условиях самый главный и долговременный конфликт Ближнего Востока – арабо-израильский. Король Саудовской Аравии Фахд заявил: «Если руководство Израиля заморозит строительство еврейских поселений на оккупированных палестинских территориях, то арабские страны готовы прекратить бойкот Израиля»²⁴. В благодарность за спасение Кувейта от иракской аннексии аравийские монархии полностью поддержали американскую инициативу по переговорам Тель-Авива с Амманом, Организацией освобождения Палестины, Сирией, Ливаном на предмет заключения сепаратных двусторонних мирных соглашений. На основе последних пред-

полагалось потушить тлеющие угли арабо-израильского противоборства, но при условии сохранения в основе за Израилем завоеванных в прошлом господствующих позиций в Палестине.

В то же время руководство Объединенных Арабских Эмиратов, используя политическую конъюнктуру, сложившуюся на БСВ в 90-е годы, сочло для себя удобным вновь поднять вопрос о принадлежности островов Большой и Малый Томб и Абу-Муса, которые в 70-е годы были оккупированы шахским Ираном. Абу-Даби потребовал провести под эгидой ООН переговоры с целью определения их государственной принадлежности. Однако вскоре Объединенные Арабские Эмираты, оценив последствия возможной эскалации противоречий с ИРИ и недостаточность международной поддержки своим требованиям по островам, были вынуждены пойти на проведение двусторонних переговоров. Исламская Республика Иран, в свою очередь, согласилась на них, но без выдвижения правительствами предварительных условий.

На современном этапе для участников Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива весьма актуальна международно-правовая защита существующих государственных границ в регионе. Международные санкции, применяемые против Республики Ирак уже в течение многих лет, не только резко подорвали народное хозяйство этой страны и жизненные условия ее населения, но и вынудили режим президента С.Хусейна пойти на уступки в «кувейтском вопросе». Так, в 1993 году была завершена работа международной комиссии по демаркации ирако-кувейтской границы. Ее результаты были закреплены резолюцией Совета Безопасности ООН № 833 от 27 мая 1993 года. Когда же осенью того же года Багдад сделал попытку провести танковые учения на юге Ирака (в районе города Эль-Кук), это вызвало новое осложнение его отношений с Вашингтоном. Выступивший дипломатическим посредником министр иностранных дел Российской Федерации А.Козырев убедил С.Хусейна отвести войска от южной границы Ирака и заявить о дипломатическом признании Кувейта. Это позволило Совету Безопасности ООН принять, по инициативе РФ, резолюцию №949 о мирном решении ирако-кувейтских противоречий.

В 1994 году Багдад пошел на дальнейшие уступки: в апреле Национальный Совет (парламент) Ирака отменил решение об аннексии Кувейта, а в ноябре Республика Ирак признала существование Кувейта как суверенного государства в его нынешних границах²⁵.

В итоге, резюмируя региональную международную ситуацию в целом, с точки зрения действия внутренних факторов, можно сказать, что в Персидском заливе 90-х годов по сравнению с предыдущими десятилетиями произошло смещение акцентов влияния: ослабли позиции крупных государств – Исламской Республики Иран и Республики Ирак, а внешнеполитические позиции аравийских режимов, которые хотя и пережили опасные для себя месяцы 1990-1991 гг. в связи с иракской агрессией

в Кувейте и угрозой нападения на Саудовскую Аравию, усилились не только в рамках Залива, но и на БСВ.

Что касается взаимоотношений между западными и местными государствами, а также внешнеполитической ориентации правящих кругов в Заливе, то война за Кувейт позволила Саудовской Аравии и Кувейту вступить в открытое и широкомасштабное политическое сотрудничество с Западом и обеспечить США и НАТО право стать неоспоримыми гарантами неизменности статус-кво в регионе, незыблемости власти аравийских монархических кланов, свободного вывоза нефти из Залива на мировые рынки. Эти страны заняли позицию нейтралитета (а по сути поддержки) в отношении всех форм санкций Запада, и прежде всего США, против Республики Ирак и Исламской Республики Иран.

¹ Последствия войны в Персидском заливе (сб. статей). – М., 1992. – С. 56.

² *Бондаревский Г.Л.* Кувейт и государственная граница. – М., 1994. – С. 133.

³ Последствия войны..., с. 55.

⁴ Там же, с. 53.

⁵ Resolutions SC UN, N.Y., 1994, с. 2-3.

⁶ Третий взгляд (Негахе севвум). Посольство ИРИ в РФ. – № 18, 15.09.1993. С. 11.

⁷ Аль-Баболь, Багдад, 28.01.1997.

⁸ Financial Times, L., 02.04.1998; 23.06.1999.

⁹ New York Times, 29.04.1998.

¹⁰ Третий взгляд..., № 21, 25.11.1993, с. 16; № 24, 22.03.1994.

¹¹ Там же, № 22, 23.12.1993, с. 25; Эттелаат (Тегеран), 16.11.1993.

¹² Там же, № 29, 05.08.1994.

¹³ Там же, № 22, 23.12.1993.

¹⁴ Там же, № 18, 15.09.1993, с. 6; № 24, 22.03.1994, с. 4.

¹⁵ Там же, № 33, 01.12.1994, с. 4.

¹⁶ БИКИ, 01.08.1997.

¹⁷ Кейхане хаваи (Тегеран), 08.01.1994; Третий взгляд..., № 23, 20.01.1994, с. 15.

¹⁸ Третий взгляд, № 9, 05.08.1994, с. 5.

¹⁹ Time, N.Y., 09.10.1990.

²⁰ *Аль-Мурхидж Бассам.* ООН и кризис миротворчества в Арабском заливе (90-е гг.): Автореф., – М., 1998. – С. 16.

²¹ Эль-Кувейт (Кувейт), № 142, 01.08.1995, с. 8-9.

²² Третий взгляд..., № 33, 01.12.1994, с. 6.

²³ Там же, № 33, 01.12.1994, с. 5; Spigel (Bonn), 20.11.1994.

²⁴ New York Times, 20.04.1991.

²⁵ International Herald Tribune, 06.12.1994; Аль-Баболь, 23.11.1994.

Е.С.Мелкумян,
доктор исторических наук, ИСАА

**РОЛЬ СОВЕТА СОТРУДНИЧЕСТВА
АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА
В ОБЕСПЕЧЕНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

В постконфронтационной системе международных отношений региональные организации начинают играть все более значимую роль в поддержании глобальной и региональной безопасности. Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) объединил крупнейших экспортеров нефти, экономическое развитие и политическая стабильность которых затрагивает интересы значительной части мирового сообщества. Кризис в Заливе 1990-1991 г. подтвердил это. Вклад ССАГПЗ в обеспечение региональной безопасности весьма существенен. Эта организация заинтересована в сохранении статус-кво, т.к. для успешной реализации интеграционных задач, стоящих перед ней, необходимо обеспечить стабильность и гарантировать защиту региона от возможных вызовов и угроз. В деятельности ССАГПЗ проблема обеспечения безопасности занимает приоритетное место. Государства-члены этой организации озабочены прежде всего возможностью нападения на них извне, поэтому акцентируется внимание на военных методах сотрудничества.

В документах Совета содержатся основные принципы, на которых строится сотрудничество государств-членов в военной области. Это – принцип коллективной безопасности, выражающийся в том, что агрессия или угроза ее применения против одного члена организации означает агрессию или угрозу ее применения против всех ее членов. Другим основополагающим принципом является положение о том, что за обеспечение безопасности региона несут ответственность его народы и расположенные там государства. Совет сотрудничества, по мнению его руководителей, выражает волю этих государств и их права на самозащиту¹.

Концептуальный подход ССАГПЗ к проблеме обеспечения безопасности основывается на необходимости развивать собственные вооруженные силы и укреплять сотрудничество в военной области как в рамках организации, так и с внешними, внерегиональными союзниками. Достижение единства взглядов как по концептуальным проблемам обеспечения безопасности, так и конкретным планам осуществления координации в области обороны потребовало длительного времени. Так, если для заключения соглашения об экономическом сотрудничестве государствам ССАГПЗ потребовалось несколько месяцев, то соглашение о единой обо-

ронной стратегии было принято лишь в ноябре 1984 г., т.е. более чем через три с половиной года после создания организации в мае 1981 г.

Разрабатывая общую концепцию национальной безопасности, члены ССАГПЗ столкнулись прежде всего с различиями во взглядах по такому основополагающему вопросу, как степень возможного участия иностранных государств в обеспечении их безопасности.

Оман высказывался за тесное сотрудничество с западными державами, прежде всего с Соединенными Штатами. Его позиция объяснялась уже сложившимися отношениями сотрудничества с Западом. В 1979 г. Оман, единственный среди государств этого региона, пошел на заключение военного соглашения с США, согласно которому они получили право пользования военными объектами на его территории. Сильные позиции в вооруженных силах Омана традиционно занимала Великобритания. Достаточно сказать, что вплоть до 1987 г. все командные должности в армии занимали английские офицеры².

Саудовская Аравия поддерживала идею интеграции членов ССАГПЗ в военной области, считая, однако, необходимой помощь Соединенных Штатов, которая не должна быть оформлена официально в виде соглашения или каких-либо обязательств с их стороны. Саудовская Аравия имела «особые отношения» с Соединенными Штатами, прежде всего в плане получения современного вооружения.

Иную позицию занял Кувейт, настаивавший на преимущественной опоре стран-членов ССАГПЗ на собственные силы. Кувейт диверсифицировал свои военно-политические связи с иностранными государствами, развивая отношения в военной области не только с США, но в значительно более широких масштабах, чем его партнеры по организации, со странами Западной Европы и даже с Советским Союзом.

По мере развития сотрудничества в рамках ССАГПЗ принцип опоры на собственные силы и необходимость максимальной диверсификации военных связей получил одобрение всех участников объединения. Они полагали, что это отвечает их национальным интересам и соответствует основным внешнеполитическим концепциям, провозглашенным ими в документах, принятых на первом совещании в верхах. В них говорилось о необходимости уберечь регион Персидского залива от проникновения иностранных держав.

ССАГПЗ не разработал всеобъемлющую доктрину обеспечения безопасности. Основные подходы по решению этой проблемы были изложены в отдельных официальных документах организации и выступлениях ее руководителей.

Хотя разработка мер по обеспечению безопасности предпринималась Советом сотрудничества в условиях усиления вооруженных действий между Ираном и Ираком в ходе ирано-иракской войны, нарушения свободы судоходства в Персидском заливе и активизации подстрекательской деятельности ИРИ, руководители ССАГПЗ избегали прямых ссылок на источники опасности, исходящей от конкретных государств. Исключение

было сделано только для Израиля. Враждебное отношение к этой стране было обосновано прежде всего его конфронтацией с арабским миром в целом, а затем уже его агрессивными действиями непосредственно в регионе – бомбардировкой экспериментального ядерного центра в Ираке и облетом израильскими самолетами территории Саудовской Аравии. Однако «источник внешней опасности» не был четко обозначен. Показательно, что главы государств-членов ССАГПЗ всячески отрицали связь между эскалацией военных действий между Ираном и Ираком и их мерами по укреплению военного сотрудничества, хотя она и была очевидна.

Принятие конкретных шагов по развитию военного сотрудничества шло параллельно с выработкой концептуальных положений. Была создана специальная военная комиссия, проводились регулярно совещания министров обороны, начальников штабов, консультации и встречи между представителями вооруженных сил государств ССАГПЗ. Многие вопросы вызывали расхождения во взглядах. Одним из главных был вопрос о темпах интеграции в военной области. Саудовская Аравия предлагала форсировать этот процесс. Она выступала за создание единых вооруженных сил и командования, унификацию вооружения и скорейшее подписание соглашения о коллективной безопасности. Этот план, предусматривавший полную военную интеграцию государств, входящих в ССАГПЗ, вызвал возражения со стороны других членов объединения. Малые государства Совета сотрудничества опасались оказаться в полном подчинении у Саудовской Аравии, обладающей большим военным потенциалом, чем другие члены организации.

В силу этого на совещании Высшего совета, проходившем в ноябре 1982 г. в г. Манаме, пять его участников, кроме Саудовской Аравии, заявили, что ситуация пока неблагоприятна для подписания соглашения о коллективной безопасности. Был одобрен принцип поэтапности в осуществлении сотрудничества в военной области. Признано необходимым поддерживать усилия каждого члена ССАГПЗ, направленные на укрепление своих вооруженных сил. Состоялось, в частности, решение о выделении Оману и Бахрейну финансовой помощи для развития вооруженных сил. Был также одобрен проект, представленный министрами обороны, о начале проведения совместных маневров с участием частей и подразделений вооруженных сил стран «шестерки»³.

В октябре 1983 г. на территории ОАЭ были проведены первые совместные маневры вооруженных сил государств ССАГПЗ. Они продемонстрировали готовность членов организации к общим действиям, несмотря на имеющиеся между ними разногласия. Совместные учения стран-членов Совета сотрудничества стали носить регулярный характер. Кроме того, члены ССАГПЗ участвовали также в двусторонних маневрах. Соглашение о единой оборонной стратегии, разработанное на основе предложений военных специалистов всех шести стран, было принято на совещании в верхах в Кувейте в ноябре 1984 г.

Принимая такую стратегическую линию, руководители Совета сотрудничества подчеркивали, что рассматривают ее как долгосрочную

программу действий в военной области, не связанную с региональной политической конъюнктурой⁴. На основе единой оборонной стратегии было решено создать совместные вооруженные силы ССАГПЗ под названием «Щит полуострова». Предполагалось разместить их на военной базе «Кинг Халед» на территории Саудовской Аравии и передать в подчинение Генеральному секретариату ССАГПЗ. Командование поручалось представителю вооруженных сил Саудовской Аравии, заместителями которого назначались представители вооруженных сил других стран-членов. Каждая страна-участница должна была вносить в бюджет взнос, покрывающий расходы на собственный воинский состав данной страны, включенный в эти силы. Предусматривалось развертывание соединений различных родов войск – сухопутных, авиации, бронетанковых, сил ПВО и т.д. Это делалось для того, чтобы их личный состав был подготовлен к совместным боевым действиям. Первоначально эти силы должны были состоять из двух армейских бригад.

По сообщениям западной печати, численность вооруженных сил «Щит полуострова», по данным на 1988 г., не превышала 7 тыс. человек⁵. Они были укомплектованы в основном представителями вооруженных сил Саудовской Аравии. Только в 1988 г. ОАЭ значительно пополнила их состав, включив в него свой батальон.

За исключением Саудовской Аравии, остальные члены ССАГПЗ в первые годы после его создания уделяли недостаточное внимание этому формированию. Это проявлялось, в частности, в том, что офицеры, командующие национальными объединениями, не имели высоких воинских званий (как правило, они были капитанами, а представитель Бахрейна даже был старшим лейтенантом, и только командующий частями ОАЭ был майором). Отношение малых государств-членов организации к развитию военного сотрудничества объяснялось нежеланием отказаться от национального контроля над различными аспектами оборонной политики и опасениями по поводу значительного превосходства в этой области Саудовской Аравии. Во время войны за освобождение Кувейта от иракской оккупации в 1991 году объединенные войска ССАГПЗ участвовали в боевых действиях, хотя, конечно же, их вклад в победу с военной точки зрения был чисто символическим. Это участие имело прежде всего политическое значение. В посткризисный период страны ССАГПЗ стали уделять внимание проблеме повышения своей обороноспособности как на национальном уровне, так и в рамках всей организации. В ноябре 1993 г. министры обороны государств Совета сотрудничества приняли решение об увеличении численности совместных сил «Щит полуострова» с 8 до 17 тыс. человек и включения в их состав подразделений военно-воздушных и военно-морских сил⁶. В 1996 г. было принято решение об увеличении численности сил «Щит полуострова» до 25 тыс. военнослужащих и о создании единой системы слежения и раннего предупреждения⁷.

По размерам военных бюджетов на душу населения большинство членов ССАГПЗ занимает ведущие места в мире. Несмотря на падение цен на

нефть, общие расходы на военные нужды в 1995 г. достигли почти 22 млрд. долл., что составило примерно половину военных оборонных расходов государств Ближнего Востока и Северной Африки⁸. Военные расходы Саудовской Аравии составляли 1/3 всех бюджетных ассигнований на военные нужды государств Ближнего Востока и Северной Африки⁹. По численности вооруженных сил Саудовская Аравия также превосходит своих партнеров. В 1996 г. ее вооруженные силы насчитывали 105.500 чел., не считая Национальной гвардии в 57000 чел.¹⁰ С ней сравнимы лишь ОАЭ и Оман, которые обладают достаточно многочисленными армиями: 64500 и 43500 чел., соответственно¹¹. Кроме того, сухопутные силы Омана считаются наиболее подготовленными и имеющими опыт боевых действий, так как они вели длительную борьбу с повстанцами Дофара.

Общая численность кадровых военнослужащих государств ССАГПЗ составляла, по данным на 1996 г., 251600 человек¹². Принимая во внимание малочисленность местных армий, военные специалисты Совета сотрудничества считали целесообразным сделать упор на развитие военно-морских и военно-воздушных сил, тем более что в период ирано-иракской войны, когда шла разработка основ военного сотрудничества ССАГПЗ, государства, входящие в эту организацию, столкнулись с необходимостью защиты морских коммуникаций и портовых сооружений и были вынуждены значительно увеличить численность своих боевых кораблей и военных самолетов. Кроме того, они предполагали создать эффективную совместную систему ПВО, оснащенную современным вооружением и оборудованием.

Ее основу составила система ПВО Саудовской Аравии, которая подразделяется на средства командования, управления войсками и средствами связи, ведения разведки, действующими совместно с зенитными ракетами и самолетами-перехватчиками. США оснастили ее системами АВАКС (система радарного обнаружения). Перед государствами ССАГПЗ встает задача интегрировать ее с системами других участников этого объединения (системой ПВО «Лямбда» в ОАЭ, кувейтской радиолокационной станцией производства «Томпсон», ракетами «Хок» и др.).

Создание единой системы ПВО находит поддержку у руководителей всех государств-членов организации из-за необходимости обеспечения собственной безопасности. В то же время проблема стандартизации вооружения вызывает определенные сложности.

Государства ССАГПЗ смогли диверсифицировать источники получения вооружения. Они постоянно увеличивают масштабы военных поставок, в первую очередь из западноевропейских стран. Пытаясь расширить число поставщиков вооружения, чтобы не зависеть в этом вопросе только от одной страны, они в то же время сталкиваются с дополнительными трудностями в стандартизации вооружения и военной техники в рамках ССАГПЗ. По данным одного из ведущих американских специалистов в области вооружения Энтони Кордесмана, закупки вооружения государствами ССАГПЗ в 90-годы отражают то же отсутствие эффективной стандартизации, как и в период войны в Заливе¹³. Для решения этой проблемы

и ослабления зависимости от иностранных поставщиков ССАГПЗ планирует создание своей собственной военной промышленности. Реализовать эту задачу крайне сложно, так как в государствах-членах Совета сотрудничества нет необходимой технической базы. Тем не менее, располагая огромными финансовыми возможностями, они рассчитывают привлечь страны, обладающие необходимой технологией и опытом.

Кроме того, государства ССАГПЗ предпринимали меры для подготовки большего числа национальных военных кадров и введения единых программ обучения. Было принято решение о том, чтобы военная академия имени короля Абд аль-Азиза в Саудовской Аравии, военная академия Зайеда в ОАЭ и кувейтская военная академия взяли на себя задачу обучения офицерских кадров и военных технических специалистов для стран ССАГПЗ. Военные специалисты этих государств совместно разработали программу, которая должна была быть апробирована в кувейтской академии, а затем введена в других академиях. Предполагается также унифицировать подготовку на различных военных курсах, ввести единые учебные пособия по военному делу.

После создания Совета сотрудничества руководители Саудовской Аравии выдвинули тезис, что безопасность одного государства неразрывным образом связана с безопасностью всего региона. Они предложили свою помощь в обеспечении внутренней безопасности партнеров, вплоть до предоставления своих полицейских формирований. Саудовское предложение о заключении двусторонних предварительных соглашений в области поддержания внутренней безопасности, которые должны стать основой для единого соглашения обсуждалось на совещании министров иностранных дел в Эр-Рияде в феврале 1981 г. Однако это предложение не получило всесторонней поддержки из-за опасения малых государств оказаться в зависимости от Саудовской Аравии. Эта страна обладала более современной системой контроля и наблюдения, оснащенной современной техникой, чем остальные члены Совета сотрудничества. Однако последующее развитие событий в регионе вновь поставило в повестку дня этот вопрос.

Попытка государственного переворота в Бахрейне, предпринятая в декабре 1981 г. под руководством, как было официально объявлено в Манаме, экстремистской группировки, подготовленной в Иране, ускорила осуществление планов Саудовской Аравии по укреплению сотрудничества в области внутренней безопасности. В феврале 1982 г. в Манаме прошло совещание министров иностранных дел государств ССАГПЗ, в ходе которого была выражена поддержка Бахрейну. В тот же период состоялось совещание министров внутренних дел государств-членов, которые выдвинули предложение о заключении единого соглашения по обеспечению внутренней безопасности.

В течение 1982 г. Саудовская Аравия заключила двусторонние договоры по обеспечению безопасности со всеми государствами-членами ССАГПЗ, за исключением Кувейта. Кувейт не хотел быть включенным в

орбиту саудовской системы безопасности и решительно выступил также против предложения о заключении единого соглашения. Проект его, состоявший из 39 статей, в частности, предусматривал унификацию законодательств, выдачу преступников, разрешение на преследование подозрительных лиц на расстоянии до 13 миль в глубь территории соседнего государства, обсуждался на совещании в верхах в Манаме в ноябре 1982 г. и не был принят. Официально объявили о том, что этот вопрос нуждается в более подробном изучении. Самую негативную позицию занял Кувейт, который заявил, что подобное соглашение нанесет удар по демократическим традициям его страны¹⁴. Кувейтский парламент вряд ли одобрил бы такое соглашение, поэтому руководство страны должно принимать это обстоятельство в расчет.

Несмотря на то, что заключение единого соглашения по вопросам внутренней безопасности откладывалось, государства ССАГПЗ координировали усилия по решению дестабилизирующих внутреннее положение проблем. Среди них – рост числа иммигрантов, усиление активности экстремистских исламских группировок и т.д.

Соглашение об обеспечении безопасности неоднократно обсуждалось и было заключено в 1987 г., когда из-за агрессивной деятельности ИРИ крайне обострилось положение государств ССАГПЗ, в первую очередь Кувейта и Саудовской Аравии. В окончательный текст соглашения не были включены пункты, вызывавшие возражения некоторых членов, в частности пункт об экстерриториальности преступников.

Государства ССАГПЗ координируют свою политику по широкому кругу вопросов, относящихся к сфере безопасности. Перечень специализированных комиссий, созданных для решения этой задачи, может дать представление о сферах взаимодействия. Это – Комиссия по дорожному движению, Комиссия паспортного контроля и иммиграции, Комиссия по гражданской обороне, Комиссия по борьбе с наркотиками. Кроме того, осуществляется сотрудничество между представителями правоохранительных органов, следователями по уголовным преступлениям, специалистами по обезвреживанию взрывчатых веществ и вооружения, между подразделениями, осуществляющими охрану аэропортов, пограничниками, обеспечивающими безопасность сухопутных и морских границ.

В то же время, учитывая слабость собственных военных возможностей государств-членов организации, было признано целесообразным обеспечить международные гарантии региональной безопасности. Поэтому члены ССАГПЗ подписали оборонные соглашения с большинством постоянных членов Совета Безопасности ООН. Наиболее активно они развивают военные связи с США и странами Западной Европы, которые являются их традиционными партнерами.

Вклад США в освобождение Кувейта обеспечил им ведущее положение во взаимоотношениях с государствами ССАГПЗ в области обеспечения безопасности в 90-е годы. Все члены этой организации заключили с ними оборонные соглашения. Первым среди них был Кувейт.

В сентябре 1991 г. Кувейт заключил соглашение, предусматривающее оказание помощи со стороны Соединенных Штатов в случае военной угрозы или агрессии против его территории. Срок действия этого соглашения – 10 лет. По этому соглашению американские войска получили доступ к портам Кувейта и разрешение на размещение на его территории своего вооружения и военного снаряжения.

В то же время соглашение не предусматривает создания американских военных баз на территории эмирата или присутствия здесь американских войск на постоянной основе. Соглашением намечалось также создание Американо-кувейтской совместной группы по вопросам обороны, в задачу которой входила разработка 10-летнего плана оборонных мероприятий, призванных предотвратить возможность внешней агрессии¹⁵.

В октябре 1991 г. было заключено соглашение между США и Бахрейном. Оно подтвердило предыдущие договоренности между двумя странами, в том числе и доступ США к бахрейнским портам и аэродромам, а также складирование американского военного снаряжения на территории Бахрейна. Кроме того, соглашение предусматривало проведение совместных военных маневров¹⁶. Аналогичные соглашения были заключены Соединенными Штатами с другими членами ССАГПЗ. При этом, однако, соглашения, заключенные США с ОАЭ и Катаром не предполагали размещение американского военного снаряжения на их территории.

В июне 1992 г. США и Саудовская Аравия достигли договоренности о том, чтобы расширить заключенное ранее и рассчитанное на 20 лет соглашение о проведении совместных маневров, включив в него некоторые новые положения. Саудовская Аравия дала разрешение американским самолетам использовать свою военно-воздушную базу в Дахране для контроля за зоной, в которой по решению Совета Безопасности ООН были запрещены полеты иракской авиации. В то же время Саудовская Аравия не согласилась на размещение на своей территории американских войск и военного снаряжения¹⁷.

Военное сотрудничество между США и государствами ССАГПЗ развивается на двусторонней основе. Каждое из государств руководствуется своими национальными интересами, поэтому формы сотрудничества не полностью повторяют друг друга. Тем не менее, все эти государства заботятся о том, чтобы контакты между ними и Соединенными Штатами не привели бы к потере своего суверенитета или слишком тесной зависимости от США.

Важным аспектом военного сотрудничества между государствами ССАГПЗ и США являются поставки американского вооружения. Они рассматриваются Соединенными Штатами как одна из форм размещения военной техники на территории этих государств, которую они смогут использовать в случае необходимости. Не спроста пункт о поставках американского вооружения был включен во все оборонные соглашения между США и государствами ССАГПЗ. То же самое относится и к проведению совместных военных маневров. Они также были призваны содействовать

тому, чтобы американские вооруженные силы присутствовали в регионе. Но в то же самое время государства ССАГПЗ стремились, как правило, избежать включения в текст соглашения пункта о предоставлении США права размещать свои войска на своей территории.

После кризиса 1990-1991 г. США стали главным поставщиком вооружения и военной техники государствам ССАГПЗ, прежде всего Саудовской Аравии и Кувейту. Укрепление оборонных возможностей стран Совета сотрудничества становится одной из стратегических задач Соединенных Штатов. Они решают ее путем расширения своих военно-политических связей с этой группой государств. Поставки оружия являются важной составляющей американской стратегии. Новые отношения между США и государствами ССАГПЗ, возникшие в период кризиса, позволяют американской администрации пересматривать концептуальный подход к проблеме оснащения вооруженных сил этих стран самым современным вооружением. В 1990 г. президент США принял решение о продаже Саудовской Аравии дополнительной партии самолетов F-15, тем самым преодолев введенное в апреле 1988 г. конгрессом ограничение, получившее название «поправка Метзенбаума», на поставку Саудовской Аравии не более 60 самолетов этого класса¹⁸. Согласно этим же правилам, Саудовской Аравии запрещалось поставлять ядерные боеголовки.

По контракту, заключенному в августе 1990 г. между США и Саудовской Аравией, эта страна получила также противоздушные ракеты, танки последних модификаций и другое современное вооружение. Общая стоимость этой сделки оценивалась в 2,231 млрд. долларов¹⁹. В мае 1993 г. США дали согласие на поставку Саудовской Аравии 72 самолетов F-15 стоимостью 9 млрд. долларов²⁰.

По данным солидного справочного издания по вопросам вооружения «Military Balance», в первой половине 90-х годов США заключили со странами ССАГПЗ значительное количество контрактов на поставку им американского вооружения. Речь шла о Бахрейне, Кувейте и Саудовской Аравии (с каждой из этих трех стран было подписано по 4 контракта), а также и об Омане, с которым был подписан один контракт. В то же время Катар и ОАЭ предпочитали ориентироваться на другие источники получения вооружения²¹.

Однако в 1996 году Катар принял решение о закупке в США танков и другого тяжелого вооружения²², а в 1998 г. официальная делегация ОАЭ провела переговоры с администрацией США о заключении контракта на поставку 80 самолетов F-16²³. Американские самолеты зарекомендовали себя в государствах ССАГПЗ как наиболее надежные и отвечающие самым повышенным требованиям военных специалистов. Поэтому не случайно, что прежде всего самолеты фигурируют среди перечня вооружения, на поставку которого заключаются контракты с американской стороной. Кроме того, в этом списке присутствуют также ракетные установки, танки и средства ПВО.

Необходимо отметить, что если раньше поставки вооружения государствам ССАГПЗ обязательно увязывались с необходимостью поддер-

жания безопасности Израиля, то в посткризисный период они рассматриваются, прежде всего, в региональном аспекте. Администрация США считает необходимым снабдить своих союзников всеми средствами защиты от возможных угроз со стороны их соседей – Ирака и Ирана. В декабре 1998 г. министр обороны США Уильям Коэн предложил государствам ССАГПЗ помощь в создании противоракетной системы, обосновывая свое предложение наличием данных о разработке Ираном собственной ракетной технологии²⁴.

Соединенные Штаты благодаря активизации военно-технического сотрудничества со странами ССАГПЗ стали главным гарантом обеспечения безопасности в регионе. Это вызывает опасения самих государств ССАГПЗ в отношении того, насколько эффективны их собственные усилия по повышению своей обороноспособности. Кроме того, возникает необходимость расширения закупок американского вооружения, коль скоро национальные вооруженные силы не способны защитить свои государства. Поэтому тесные военные связи с США становятся объектом критики различных оппозиционных сил в странах Совета сотрудничества и заставляют правящие круги этих стран искать альтернативные пути для достижения региональной стабильности. Они стремятся избежать нападков за одностороннюю ориентацию на США путем упрочения сотрудничества в области обеспечения безопасности с государствами Западной Европы.

Военные связи арабских государств региона Персидского залива и европейских держав носят традиционный характер. У истоков создания армий этих государств стояла Великобритания. Однако по мере развития процесса модернизации местных вооруженных сил и расширения закупок современного вооружения США в значительной степени вытеснили бывшую метрополию. Вместе с тем уже после того, как в 1981 г. Совет сотрудничества был организационно оформлен, его члены приняли программу обеспечения системы коллективной безопасности, которая, в том числе, предусматривала и диверсификацию военных связей государств региона с зарубежными странами. Это привело к росту закупок вооружения в странах Европы.

Движению в этом направлении способствовало и еще одно обстоятельство. США отказывались поставлять в регион некоторые, существенные для повышения обороноспособности его государств виды современного вооружения в связи с тем, что они считали необходимым поддерживать баланс сил между арабскими государствами и Израилем. В свою очередь, европейские державы не выдвигали каких-либо политических условий при поставках своего вооружения в страны региона.

Достаточно показательной в этом отношении выступает история заключения соглашения о поставках вооружения между Великобританией и Саудовской Аравией. В июле 1985 г. США отказались поставить в Саудовскую Аравию дополнительную партию самолетов F-15. Обращение Саудовской Аравии в этой связи к Великобритании привело к заключению между обеими странами контракта на поставки штурмовиков «Торнадо».

При этом предполагалось, что самолеты этого типа будут базироваться в северо-западной части Саудовской Аравии, в Табуке, расположенном всего в 120 милях от территории Израиля.

Контракт между Саудовской Аравией и Великобританией, получивший название «Ямама-1», предусматривал поставку 132 боевых самолетов, в том числе 72 штурмовиков «Торнадо», а также учебных самолетов²⁵. В 1988 г. между обеими странами был заключен новый дорогостоящий контракт «Ямама-2» на сумму, превышающую 25 млрд. долларов²⁶. Он предусматривал поставку нескольких видов самолетов, вертолетов, минных тральщиков, тяжелого и легкого вооружения, а также строительство с помощью Великобритании двух авиабаз на саудовской территории.

Великобритания стремится к активизации своих военных связей с государствами ССАГПЗ. Она постоянно расширяет список поставляемого в этот регион вооружения. Так, в частности, ею была продана Саудовской Аравии и Оману партия современных танков Challenger-2. Кувейт заключил с Великобританией контракт на сумму один млрд. долларов, предусматривающий поставку ему боевых кораблей и патрульных катеров²⁷.

Другие государства ЕС также ставят перед собой задачу расширения отношений с государствами ССАГПЗ в военной сфере. К ним относится, в первую очередь, Франция, увеличившая поставки вооружения ОАЭ, став, таким образом, главным партнером Объединенных Эмиратов в этой области. Франция оказывает содействие всем государствам-членам ССАГПЗ в развитии их военно-морских сил. Она поставляет боевые корабли и катера Кувейту, Оману, Саудовской Аравии. Предполагается, что французские фирмы примут участие и в реконструкции саудовских военно-морских баз.

Между Францией и Великобританией идет острая конкурентная борьба на рынках вооружения государств ССАГПЗ. В 1996 г. кувейтское правительство приняло решение о заключении с Великобританией контракта на поставку ракетного оружия для военно-морских сил Кувейта. Вооружение того же типа предлагала ему и Франция. Показательно, что обе державы боролись за этот контракт в течение целого года. Решающую роль в выборе правящих кругов Кувейта в пользу Великобритании сыграло то, что во время операции «Буря в пустыне» с помощью ракет британского производства было потоплено 15 иракских судов²⁸.

В том же 1996 г. Катар заключил с Великобританией крупномасштабный контракт на поставку бронемашин, ракет, боевых кораблей и другой военной техники. Тем самым были подорваны позиции Франции, поставлявшей в эту страну до 80% всего вооружения и военной техники²⁹.

Среди поставщиков вооружения и военного оборудования в страны ССАГПЗ прочные позиции занимают все главные его производители ЕС – Великобритания, Франция, Германия, Италия. Хотя в Германии был принят ряд законодательных актов, ограничивающих военный экспорт за пределы стран, входящих в НАТО, тем более в «зоны напряженности», к которым относится и регион Персидского залива, немецкие торговцы оружием их успешно обходят. Саудовская Аравия закупает у Германии танки,

зенитные установки, бронетранспортеры, Кувейт, Бахрейн и ОАЭ – патрульные катера.

С целью расширения своего военного экспорта в страны-члены ССАГПЗ Германия создает совместные компании по производству вооружения с другими государствами-участниками ЕС. Германская и французская компании образовали совместную фирму по производству противотанковых управляемых ракет «Хот» и «Милан», закупаемых Саудовской Аравией, Кувейтом и Катаром. Примером совместной военной продукции государств ЕС, поставляемой некоторым странам ССАГПЗ, является самолет «Торнадо», в производстве которого участвуют концерны Великобритании, Германии и Италии.

После кризиса 1990-1991 г. государства ССАГПЗ начали заключать оборонные соглашения с входящими в ЕС странами. Наибольшую активность в этом плане проявляет Великобритания, заключившая такого рода соглашения со всеми членами ССАГПЗ. Франция следует тем же курсом. В феврале 1993 г. Италия подписала соглашения о военном сотрудничестве с Саудовской Аравией и Кувейтом. Эти соглашения предусматривают, как правило, расширение поставок вооружения, а также проведение регулярных совместных маневров. В то же время ряд соглашений с европейскими странами создают более солидную основу для их всестороннего участия в процессе обеспечения региональной безопасности. Например, соглашение между Кувейтом и Великобританией, подписанное в феврале 1992 г., предусматривает проведение совместных консультаций по вопросам укрепления обороноспособности Кувейта, создание совместного оборонного комитета, который призван обеспечивать расширение поставок вооружения и предоставление помощи в подготовке военных кадров Кувейту со стороны Великобритании. Это соглашение, имеющее силу в течение 10 лет, также дает возможность военно-морским силам Великобритании, действующим в этом регионе, использовать портовые сооружения Кувейта³⁰.

Соглашение между Кувейтом и Францией, подписанное в июле 1992 г., также является свидетельством того, что европейским державам отводится значительная роль в обеспечении безопасности государств Персидского залива. Этот документ предусматривает непосредственное вмешательство Франции в том случае, если Кувейт станет объектом нападения извне. Кроме того, в нем указывается, что военное сотрудничество между двумя странами включает разработку программ по подготовке кадров, обмен экспертными оценками и работу французских военных специалистов и техников в кувейтских военных ведомствах. Срок действия соглашения – 10 лет³¹.

Государства ССАГПЗ стремятся к тому, чтобы получить более широкие международные гарантии своей безопасности, поэтому они не возражают против развития военно-технических связей с Россией и КНР – постоянными членами Совета Безопасности ООН, что дает им возможность влиять на ход событий в различных регионах мира. Однако оба этих госу-

дарства не прилагают активных усилий к тому, чтобы повысить свою роль в обеспечении безопасности региона Персидского залива путем расширения оборонного сотрудничества с государствами ССАГПЗ.

В конце 1993 г. Россия и Кувейт заключили соглашение о военном сотрудничестве. Срок его действия – десять лет, и оно предусматривает закупку Кувейтом российского вооружения, стажировку и обучение кувейтских офицеров в российских военных академиях, проведение совместных российско-кувейтских военных учений и маневров. Первые совместные маневры с участием военных кораблей обеих стран прошли в акватории Персидского залива в декабре 1993 г. Однако дальнейшая реализация этого соглашения, по сути дела, приостановлена. Российская сторона не располагает достаточными финансовыми средствами для того, чтобы полностью претворить его в жизнь.

На фоне масштабных закупок странами-членами ССАГПЗ оружия западного производства поставки российского вооружения и техники в Кувейт и ОАЭ кажутся крайне незначительными. Россия заключила в 1992 г. контракт на поставку в ОАЭ 330 БМП³². В 1994 г. она заключила соглашение с Кувейтом, которое предусматривало поставку 100 БМП, а также 30 установок ПВО³³.

Политика России, направленная на восстановление полномасштабных отношений с Ираком, а также ее тесные связи с Ираном, в первую очередь в военной области, сдерживают размеры российского участия в деле обеспечения безопасности государств ССАГПЗ. Те же причины лежат в основе того, что контакты Совета сотрудничества с КНР также остаются крайне ограниченными.

КНР ориентируется, прежде всего, на поддержание высокого уровня военных связей с Ираном, для которого она является одним из главных поставщиков вооружения и военной техники, а также на снятие с Ирака санкций ООН, которые ограничивают его возможности по экспорту нефти, в том числе в Китай. Для развития отношений с государствами ССАГПЗ КНР приходится прилагать огромные усилия, т.к. они не имеют прочной основы, с одной стороны, а с другой, КНР приходится преодолевать конкуренцию со стороны западных держав, которые уже завоевали сильные позиции в этих странах.

В подходе ССАГПЗ к проблеме региональной безопасности прослеживается стремление уравновесить роль, которую играют в этом процессе индустриальные государства, к которым относят всех постоянных членов Совета Безопасности ООН, участием в нем арабских и мусульманских стран. Что касается арабских государств, то некоторые подвижки в этом направлении были достигнуты. В период кризиса в Заливе были заложены основы военного сотрудничества государств ССАГПЗ с Египтом и Сирией: в марте 1991 г. подписана Дамасская декларация, предусматривавшая подключение Египта и Сирии к оборонным мероприятиям Совета сотрудничества. Как известно, оба этих государства приняли активное участие в действиях антииракской коалиции по освобождению Кувейта в 1991 г.

С другой стороны, государства ССАГПЗ, опасаясь оказаться в зависимости от Египта и Сирии, значительно превосходящих их и по численности населения, и по военному потенциалу, ограничивают участие обеих стран в обеспечении региональной системы безопасности. В то же время они не идут и на сворачивание с ними военного сотрудничества, связанного с достижением определенных геополитических и стратегических выгод. Военно-политические связи с Египтом и Сирией компенсируют, с одной стороны, последствия разрыва связей стран-членов Совета сотрудничества с Ираком, а с другой, – в определенной мере уравнивают развитие их отношений с Западом. Государства ССАГПЗ отмечают значимость Дамасской декларации: «Этот документ является основой для примирения и диалога. Он содействует становлению центрального звена нового арабского порядка в рамках Лиги арабских государств»³⁴.

Среди мусульманских государств, с которыми Совет сотрудничества начал развивать военное сотрудничество, можно назвать Пакистан и Турцию. Пакистанские военные кадры используются в армиях ряда государств ССАГПЗ, которые еще в конце 80-х годов разрабатывали планы создания военной промышленности с помощью Пакистана и Турции. Однако тогда их не удалось реализовать прежде всего из-за кризиса, возникшего в результате оккупации Кувейта Ираком. В перспективе можно ожидать со стороны ССАГПЗ активизации усилий, направленных на привлечение этих мусульманских государств к обеспечению безопасности в регионе Персидского залива.

О возможностях военного сотрудничества ССАГПЗ с Пакистаном и Турцией, в частности, заявлял один из высших военачальников Саудовской Аравии Халед ибн Сауд. Он подчеркивал целесообразность привлечения к военному сотрудничеству двух дружественных мусульманских государств, непосредственно примыкающих к региону Персидского залива, и отмечал: «Я вовсе не хочу сказать, что мы, страны Залива, должны покупать у других государств услуги в военной области. Напротив, я имею в виду сотрудничество на основе общих интересов: в той же мере, как эти страны могут быть нашим щитом, мы на Аравийском полуострове можем обеспечить им стратегическую глубину. Мы столь же важны для них, как и они для нас»³⁵.

Для стабилизации внутрирегиональной ситуации государства-члены ССАГПЗ пытаются развивать взаимовыгодное сотрудничество с Ираном и не обостряют отношений с Ираком – двумя региональными державами, которые могут представлять реальную угрозу для стабильности в регионе. В то же время они пока не готовы подключить их к единой системе региональной безопасности, хотя и не исключают возможности реализации этой идеи в будущем, когда будут разрешены те противоречия, которые существуют между ними. Иран, в частности, не приемлет участия западных держав, прежде всего США, в обеспечении региональной безопасности. Кроме того, территориальный конфликт между Ираном и ОАЭ из-за принадлежности трех островов в Персидском заливе также заставляет других

членов ССАГПЗ оказывать поддержку своему партнеру по организации и настаивать на разрешении этой проблемы.

Что касается Ирака, то характер его будущих взаимоотношений с ССАГПЗ во многом зависит от того, как сложатся его отношения с Кувейтом. Несмотря на некоторые отличия в подходе отдельных членов ССАГПЗ к политике в отношении Ирака, в официальных документах этой организации выражена единая твердая позиция ее членов. Они требуют от Ирака выполнения всех решений Совета Безопасности, касающихся иракской агрессии против Кувейта и, прежде всего, ликвидации имеющегося на его территории оружия массового уничтожения, освобождения всех пленных кувейтских граждан и граждан других стран и возвращения всей кувейтской собственности, похищенной в период оккупации³⁶. В заключительном коммюнике совещания в верхах государств ССАГПЗ, проходившего в декабре 1997 г. в Кувейте, подчеркивалось, что Ирак должен признать, что совершив захват Кувейта, он нарушил Устав Лиги арабских государств, соглашение о совместной обороне арабских государств и Устав ООН. Государства ССАГПЗ призвали Ирак «подтвердить, словом и делом свои мирные намерения в отношении государства Кувейт и других государств региона»³⁷.

Для стабилизации обстановки в регионе члены ССАГПЗ стремятся разрешать все имеющиеся между ними разногласия, в том числе касающиеся спорных территорий, мирными способами. В декабре 1995 г. король Саудовской Аравии Фахд призвал государства ССАГПЗ найти приемлемое решение для существующих территориальных проблем между членами этой региональной организации. Пока ССАГПЗ не удалось этого достичь, однако, благодаря общим усилиям конфликты между его членами не достигают стадии прямых вооруженных столкновений и не препятствуют принятию совместных мер по стабилизации региональной ситуации.

Совет сотрудничества действует в интересах упрочения стабильности в регионе Персидского залива. Его позитивная деятельность в этой сфере, несомненно, способствует укреплению безопасности в этом регионе.

¹ Муджаз инджазат маджлис ат-таун ли дувап аль-халидж аль-арабийя. – Эль-Кувейт, 1997. – С. 23.

² Asian Defense, July 1988, с. 11.

³ Маджаллат аль-Кувейт. – 1984. – № 27. – С. 12.

⁴ Oman Daily Observer, 24.12.1988.

⁵ The Middle East, April 1988, с. 12.

⁶ The Middle East and North Africa 1996, L., 1996, с. 219.

⁷ Там же, с. 161.

⁸ The Military Balance 1996/1997, L., 1996, с. 123.

⁹ Там же.

- ¹⁰ Там же, с. 145.
- ¹¹ Там же, с. 149, 143.
- ¹² Подсчитано по: The Military Balance. 1996/1997, L., 1996.
- ¹³ Middle East Policy, Vol. VI, №1 June 1998, с. 26.
- ¹⁴ MEED, 22 July 1983, с. 4.
- ¹⁵ *Feisal Al Mazidi*. The Future of the Gulf. The Legacy of the War and the Challenges of the 1990s, London, New York, 1993, с. 74.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ *Hassan Hamdan Al-Alkim*. The GCC States in an unstable World. Foreign Policy Dilemmas of small States. – L., 1994. – С. 137.
- ¹⁹ Там же, с. 138.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ The Military Balance 1996/1997. – L., 1996. – С. 125-127.
- ²² Middle East International, № 539. 6 December 1998, с. 12.
- ²³ «Аль-Иттихад», Абу-Даби, 13.05.1998.
- ²⁴ Arabs Trends, № 15, December 1998, с. 9.
- ²⁵ *Hassan Hamdan Al-Alkim*, op. cit., с. 137.
- ²⁶ MEED. Special report. Saudi Arabia. 31 March 1989, с. 3.
- ²⁷ *Hassan Hamdan Al-Alkim*, op. cit., с. 139.
- ²⁸ Зарубежное военное обозрение. – 1996. № 9. – С. 59.
- ²⁹ «Аль-Хаят», 27.08.1996.
- ³⁰ *Feisal Al Mazidi*, op. cit., с. 74.
- ³¹ Там же, с. 75.
- ³² The Military Balance 1996/97. The International Institute for strategic studies. – London, 1996. – С. 127.
- ³³ Там же, с. 126.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ *Халед ибн Сауд*, ук. соч., с. 452.
- ³⁶ «Аль-Биляд», Абу-Даби, 23.12.1997
- ³⁷ Там же.

А.И.Яковлев,
доктор исторических наук ИВ РАН

ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР В ПОЛИТИКЕ САУДИДОВ В 90-е ГОДЫ XX в.

В 90-е годы Королевство Саудовская Аравия вступило в новый этап своего развития. К этому времени была преодолена основная тяжесть модернизационных процессов в сфере экономики и создан фундамент современного национального хозяйства, в котором ведущую роль играл нефтяной сектор. Все большее развитие получали и нефтефтяные отрасли. Определились важнейшие тенденции в социальной жизни, в которой образовался своеобразный симбиоз двух начал – традиционного и современного, при том что оба они реально определяют социальные процессы. В политической жизни страны, основанной на строго консервативных началах, обозначились тенденции к усилению современных институтов в системе власти. Хотя внешнеполитический курс королевства не претерпел принципиальных изменений, однако в последнее десятилетие под влиянием событий в мире и регионе, вследствие внутреннего социально-экономического развития произошла определенная смена акцентов, усложнились соотношения различных целей во внешней политике и внешних связях королевства.

В то же время обращают на себя внимание два, на первый взгляд, неизменных обстоятельства: прочное положение династии Аль Сауд, почти столетие стоящей во главе Саудовской Аравии, и верность исламу, сохраняющаяся не только на уровне деклараций в политике Саудидов. Задача данной статьи состоит в определении и осмыслении новых тенденций и возможных перемен в исламской составляющей саудовской государственности, точнее – в конкретных политических процессах в стране и вовне.

1.

Саудовская Аравия – родина ислама, на ее территории находятся главные святыни исламского мира, к которым ежегодно правоверные мусульмане совершают паломничество (хадж). Само по себе это достаточное обстоятельство для выделения исламского фактора в качестве одного из ведущих во внешней политике королевства. Власти страны в полной мере используют хадж не только в целях упрочения своего влияния в исламском мире, но и в интересах сугубо внешнеполитических.

Так, неоднократные конфликты и инциденты с паломниками из Ирана (при всем разнообразии вызвавших их причин) в конечном счете поддер-

живали состояние глухого, но явственного, начавшегося четверть века назад противостояния двух наиболее сильных государств субрегиона. Нефтяной бум позволил обеим странам (правда, в разной степени) совершить скачок в своем социально-экономическом развитии, а также провести качественную модернизацию и реорганизацию своих вооруженных сил. Немалый во всех отношениях потенциал Ирана и Саудовской Аравии, а также историческое наследие обеих стран и их роль в качестве исламских центров, в свою очередь укрепляют их положение и претензии на роль ведущей державы субрегиона.

При всем разнообразии форм взаимоотношений двух стран стоит выделить из них именно исламский фактор. Длительный и прочный, имеющий стратегическое значение фактический союз Саудовской Аравии с США при всем положительном значении в плане экономическом и военном ослабляет не только авторитет родины ислама в самом исламском мире, но отчасти и положение власти внутри страны. Учитывая наметившуюся тенденцию в большинстве азиатских стран на постепенный отказ от открытой вестернизации в общественной жизни, а также возможный в XXI веке отказ от западной модели развития ради обретения своего пути, верность традиции в значении ее исламской составляющей может обрести для Ирана и Саудовской Аравии еще большее значение как в плане внутреннем, так и в региональном.

В отношении стран СНГ с большим массивом мусульманского населения Саудовская Аравия ведет активный курс с целью упрочения своего влияния, однако исламская идея зачастую играет тут сугубо демонстративную роль, в то время как определяющими факторами являются экономические и собственно политические. В законах, принятых в 1992 г. и имеющих конституционное значение, Саудовская Аравия провозглашается исламским государством, правители которого обязуются защищать исламские ценности словом и делом. В 90-е годы усиливается идеологическая экспансия ислама не только в странах Азии и Африки, отчасти Западной Европы, но и закрытого ранее пространства Восточной Европы, бывшего СССР.

Здесь следует уточнить, что внешнеполитическая деятельность осуществляется не только МИДом, но и некоторыми другими правительственными ведомствами (аппарат короля, служба безопасности) и неправительственными организациями (Общество Красного Полумесяца, благотворительные фонды). Кроме того, саудовская власть имеет возможность использовать в своих интересах общерабские и общеисламские организации, в которых она благодаря своему авторитету и финансовым возможностям играет важную роль (Лига арабских государств, Организация Исламская конференция и др.).

Необходимо отметить самостоятельную роль исламской политики Эр-Рияда, которая подчас проводится параллельно с национальной внешней политикой, подкрепляя и усиливая ее. Так, осенью 1999 г. в Брюсселе при поддержке саудовского короля Фахда, предпочитающего

титул Хранитель Двух Святых Мечетей, состоялся культурный форум для обсуждения вопроса об углублении изучения Ислама в западных учебных заведениях. Очевидно, что данное мероприятие составляет одно из звеньев долгосрочной и последовательной политики Эр-Рияда по упрочению своих позиций в мировом и, в частности, западноевропейском сообществе. Помимо чисто пропагандистского значения, такого рода акции важны для создания благоприятной основы в экономическом и политическом сотрудничестве саудовского королевства с западноевропейскими странами. В то же время, очевидно, что таким образом, естественно, повышается авторитет Саудовской Аравии и в исламском мире, где она продолжает выполнение своих функций в качестве хранителя и защитника Ислама словом и делом.

Одним из последних примеров этого стало заявление шейха Абдель Рахмана Аль-Судейс, имама Святой Мечети в Мекке в сентябре 1999 г. о решении создать в Барселоне крупный Исламский центр. Здесь при финансовой поддержке саудовского правительства и Всемирной Исламской Лиги предусматривается строительство мечети и здания исламского центра. В интервью шейх Аль-Судейс сказал, что существование такого рода центров позволит нейтрализовать выпады в разных частях европейского региона против исламских иммигрантов, в основном из стран Северной Африки.

По словам шейха Аль-Судейса, за последнюю четверть века Саудовская Аравия создала по всему миру 210 исламских центров и более 1500 мечетей, что обошлось в 93 миллиарда долларов. Среди наиболее крупных – исламские центры в Лондоне, Эдинбурге, Мадриде, Риме, Токио, Брюсселе, Женеве, Торонто, Загребе, Лиссабоне, Вене, Буэнос-Айресе, в Нигерии, Новой Зеландии, Австралии (три центра) и Бразилии (три центра). Из наиболее крупных мечетей, построенных в последние годы, известна мечеть в Лос-Анджелесе (США), вмещающая 2000 молящихся, имеющая лекционный зал, учебные помещения, исследовательский центр и книжный магазин¹.

2.

Наиболее важные события внутри страны также имели внешнеполитический аспект и исламскую направленность. Это касается прежде всего захвата Ираком в 1990 г. территории соседнего Кувейта и возникновение впервые в истории страны реальной военной угрозы (если не вспоминать демонстративные утечки информации из Пентагона в 1974 г. с планами расчленения нефтяного королевства на три части, из которых лишь одна сохранилась бы независимой). Последовавшее присутствие на «священной земле ислама» сотен тысяч иностранных военнослужащих, а также их боевые действия против не только Садама Хусейна, но и иракцев – арабов и единоверцев, – способствовали активизации исламской оппозиции внутри страны. Взрывы, унесшие жизни десятков американских военнослужащих, стали реакцией рели-

гиозных фундаменталистов на слишком, по их мнению, прозападную внешнюю политику Саудидов.

В условиях относительной экономической стабильности именно внутривнутриполитические проблемы стали наиболее беспокоящими власть. Что позволяет говорить о стабильности в экономике? В конце 90-х годов повысилась и стабилизировалась цена на нефть, составив около 21 долл. за баррель. Учитывая решающую роль нефтедолларов в доходах саудовского государства (до 80%), данное обстоятельство позволило власти продолжить реализацию целей в седьмом плане социально-экономического развития на 1995-2000 гг.: продолжается диверсификация экономики, главными задачами при этом считаются сокращение зависимости национальной экономики от нефти (при дальнейшем развитии всего нефтяного хозяйства) и упрочение положения страны на внешних рынках. В настоящее время саудовский экспорт идет в 118 стран мира. «Сауди Газетт» особо выделяет то обстоятельство, что из общего объема экспорта в 55 млрд. долл. на долю нефтехимической продукции приходится около 15 млрд., на долю продукции других отраслей обрабатывающей промышленности около 8 млрд. долл. ежегодно. Крупнейшая промышленная компания САБИК имеет связи с 90 странами. Ее производственные мощности включают 21 солидное промышленное предприятие, 12 дополняющих заводов и 112 небольших промышленных предприятий; общее число занятых на ее заводах составляет 14 238 чел., из которых саудовцы составляют 70%².

Таким образом, Саудовская Аравия постепенно, медленно и успешно меняет свое положение в мировом капиталистическом хозяйстве в качестве «сырьевого придатка» более развитых экономик. Создана промышленная основа национальной экономики с учетом современной технологии, сформировалась национальная современная рабочая сила (что особенно важно, учитывая сильную зависимость всех нефтяных монархий Аравии от иностранных рабочих рук).

Приведенные примеры дают основание говорить не просто об упрочении и стабилизации, но и о формировании в саудовском обществе своей модели капиталистического уклада. Процесс этот еще не завершен, еще происходит взаимодействие традиционных и современных начал, продолжается адаптация друг к другу элементов саудовской и западной культур. В ходе этого процесса исламская составляющая общественного развития наряду с иными неизбежно должна будет активизироваться.

Внешнее впечатление полного застоя в общественно-политической жизни страны обманчиво. Активизируются национальный капитал и интеллигенция – те социальные силы, которым принадлежит будущее в управлении страной. Показательно, что власть, фактически завершив коренные социально-экономические реформы, плавно проводит собственно политические преобразования, передавая часть своих полномочий в руки общества. Именно так следует оценить решение короля Фахда от 23 сентября 1999 г. о расширении полномочий Выс-

шего Экономического совета, выполняющего рекомендательные функции при правительстве.

До середины 90-х годов власть с большим или меньшим вниманием учитывала исламский фактор в своей политике, более или менее форсируя достижение исламских целей. Однако во второй половине 90-х годов исламская оппозиция превратилась в силу, явно осложняющую жизнь Саудидов. Если ранее с их стороны была безудержная поддержка всех движений, выступавших под зеленым флагом, то теперь пришло понимание опасности этого в плане внутри- и внешнеполитическом. Наиболее ярким примером тому служит история Усамы бен Ладена.

Выходец из большой семьи преуспевающего саудовского миллиардера, связанного с правящей семьей Саудидов, Усама бен Ладен получил образование на Западе и успешно включился в деятельность десятков семейных предприятий в саудовском королевстве. Впервые о его близости к исламским экстремистам стало известно в 1979 г., когда исламские мятежники захватили Большую мечеть в Мекке, используя при этом тяжелые грузовики семьи Ладенов. В настоящее время мировая пресса широко освещает историю финансовой поддержки Усамой бен Ладеном различных террористических формирований, использующих исламские лозунги.

Официальная позиция саудовского королевства состоит в осуждении терроризма, что подтвердил осенью 1998 г. наследный принц Абдалла ибн Абдель Азиз в ходе своего визита в страны Западной Европы и Пакистан. Саудовские власти лишили Усаму бен Ладена саудовского подданства. В Дубае (ОАЭ) власти закрыли его банковский счет. США объявили о награде в 3 млн. долл. за выдачу миллионера-террориста. Тем не менее, создается впечатление, что существование Усамы бен Ладена выгодно различным силам, действующим в регионе. Для США наличие «исламской угрозы» облегчает возможность играть роль верховной силы в регионе.

Для саудовских властей, стремящихся упрочить положение династии Саудидов в III тысячелетии, очевидно, что первоочередными и потенциально наиболее опасными являются не столько социальные или политические проблемы, сколько проблемы религиозные. Нынешнее переходное положение саудовского общества позволяет предположить развитие в двух направлениях: откат назад к уровню большей верности канонам ислама и шариата, как это произошло в Иране после исламской революции, или, напротив, смягчение жестких норм ислама и шариата во внутренней жизни. Однако в обоих случаях Саудовская Аравия остается центром мирового ислама, а следовательно, исламский фактор по-прежнему будет играть важную роль в ее общественной жизни.

¹ «Saudi Gazette», 24.09.1999, с. 9.

² EIU Country Report. Saudi Arabia 1-st quarter 1997. L., 1997, с. 5; «Saudi Gazette», 23.09.1999, с. 7.

И.И.Иванова,
кандидат исторических наук

ТУРЕЦКО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Турецко-иранские отношения в 80-90 гг. отличаются рядом специфических особенностей. Это отношения наиболее продвинутого на пути секуляризма государства Ближнего Востока и исламской республики. Известно, что после иранской революции и прихода к власти Хомейни основательно нормализовалась и расширилась турецко-иранские отношения, которые в последние годы правления шаха резко ухудшились. Вместе с тем при анализе этих взаимоотношений прослеживаются центробежные и центростремительные тенденции, выявляющие сложность и неоднозначность связей.

К центробежным тенденциям относятся отношения в области идеологии. Известно, что до сих пор Иран не отказался от намерения экспортировать «исламскую революцию» в Турцию, создать там режим типа «хомейнистского». Для этого иранской стороной проводились и проводятся следующие мероприятия.

В Турцию по официальным и неофициальным каналам засылаются представители спецслужб с целью проведения актов терроризма и диверсий, а также идеологической обработки населения.

Широкую пропагандистскую кампанию на Турцию развернуло радиовещание, причем большая часть иранских передач направлена против светских основ турецкого государства, на усиление исламских настроений в стране.

Проводится политика разжигания национальных и социальных конфликтов в юго-восточных вилайетах Турции. Иранское руководство активно использует два фактора: экономическую отсталость юго-востока Турции и религиозные предпочтения значительной части населения данного региона – алавитов – для внесения еще большей дестабилизации в этой и без того беспокойной области страны.

Пропаганда, развернутая сторонниками Хомейни, привела к усилению исламских настроений в Турции, а также возрождению религиозных орденов, которые были запрещены еще Ататюрком. В Турции и среди турак за рубежом активизировались и проиранские религиозные группы, возникшие в 80-е годы и быстро набирающие силу. Сюда можно отнести группу «молодых радикалов» (арестованную турецкими спецслужбами в 1999 г.)¹, а также группу Дж.Каплана, проживающего в Германии и стре-

мещаегося объединить турок за рубежом на основе иранской модели развития, введения в Турции шариата². В Иране была напечатана «новая конституция Турции», текст которой распространялся среди турецких рабочих в Западной Европе и прежде всего в Германии. Вот некоторые основные положения этой конституции:

- управление государством осуществляется по нормам шариата,
- президент республики должен иметь религиозный титул «имам и халиф»,
- мужчины и женщины должны иметь различия в правах и обязанностях,
- обязательное преподавание в школах арабского языка³. Таким образом, опираясь на помощь группы Дж.Каплана, Иран непосредственно развернул деятельность в Германии с тем, чтобы оторвать от лаицизма 1,5 млн. турецких граждан, проживающих в этой стране, распространить среди них проиранские настроения и оказывать влияние на ситуацию в Турции⁴.

Проиранская деятельность Дж.Каплана, а после его смерти его сына М.Каплана в Германии продолжалась и в 90-е годы. Об этом, в частности, свидетельствует перепечатанная турецкой прессой в ноябре 1998 г. статья многотиражной немецкой газеты «Бильд», посвященная изучению политики «исламского террориста Каплана». Газета, обращаясь к немецким властям, задает вопрос: как стало возможно то, что Каплан, готовивший террористические акты по случаю празднования 75-летия Турецкой Республики, неоднократно призывавший турок к восстанию и свержению светской власти, все еще на свободе и пользуется правом политического убежища. Здесь же в газете приводится и ответ на этот вопрос, данный министром внутренних дел Северной Вестфалии Ф.Кнолом, заявившим, в частности, следующее: «Мы готовы сдать Каплана Турции хоть сегодня. Однако по сведениям, полученным нами в начале октября, Каплана в Турции ждет смертная казнь, и поэтому наши руки связаны»⁵.

Другим моментом, вызвавшим резкое осуждение турецкого руководства, стало следующее: осенью 1998 года в Турции были арестованы члены организации «Сторонники Каплана», готовившие террористические акты. В связи с этим центр данной организации подготовил письменное заявление за подписью М.Каплана, которое было озаглавлено: «Задержанные – не террористы, а патриоты ислама». В заявлении, в частности, указывалось, что «Турция – террористическое государство, в котором агонизируют и будут ликвидированы светские принципы. В этой связи объявлена полная мобилизация джихада»⁶.

Таким образом, Каплан продолжает возглавлять в Германии группировку, деятельность которой направлена против лаицизма в Турции и которая финансируется из Ирана, что, естественно, не может не вызывать негативной реакции турецкой стороны и вносит большой элемент недоверия к иранской стороне.

После 1991 г. появление на политическом пространстве бывшего СССР независимых государств с преимущественно тюркоязычным населением стало новой геополитической реальностью. Первыми, кто устре-

мил взоры на эти страны, а также на персоязычный Таджикистан, стали этнически и исторически близкие им Турция и Иран. Разгоревшаяся в первой половине 90-х годов борьба этих государств за Среднюю Азию и Закавказье – это больше, чем соревнование за региональное влияние. Это было сражение моделей государственного и экономического устройства, конкуренция светского и клерикального путей.

Тегеран делал и делает ставку на то, что дух исламской революции рано или поздно проникнет в Среднюю Азию и на Кавказ. Иран начал оплачивать расходы на реконструкцию нескольких тысяч мечетей в этих регионах. Главную опасность, связанную с проникновением Турции в Среднюю Азию и Закавказье, в Иране видят в том, «что руками Анкары действует Вашингтон». Если США, закрепившись у южных границ Ирана и в Персидском заливе, смогут повлиять на политику и его северных соседей, то он окажется в окружении враждебных государств. Чтобы предотвратить такое развитие событий, писала иранская «Аль-Акбар»⁷, Тегерану необходимо действовать активнее.

Однако привлекательность исламской идеологии шиитского толка под вопросом в большинстве бывших советских республик, населенных в основном мусульманами-суннитами. В турецком варианте развития есть три фактора, которые более конкурентоспособны, чем иранские приоритеты. Это – светский характер государства, экономика свободного рынка и, наконец, общие для всех тюрков генеалогические корни. В первом раунде борьбы за бывшее постсоветское пространство Турция одержала победу. Однако у тюрков прошла уже та эйфория, которая наблюдалась после распада СССР. Очевидно, что без солидной поддержки США и Запада Турции не удастся полностью освоить столь обширные и в известной степени экономически отсталые районы. Тем более, что в последние годы Турция и сама переживает серьезный экономический кризис. А Запад, несмотря на сделанные обещания, с помощью не торопится. Вместе с тем процесс освоения этих регионов Турцией и Ираном продолжается, хотя вопрос об острой конкуренции уже снят с повестки дня.

Резко негативно Иран отреагировал на начавшееся с середины 90-х годов турецко-израильское сближение. На 8-й конференции ОИК на высшем уровне в Тегеране в декабре 1997 г. при активном участии иранской стороны была принята резолюция, в которой Турции были выдвинуты обвинения в «сотрудничестве с сионистским режимом, что представляет опасность для всего исламского мира»⁸.

Президент Ирана М.Хатами крайне негативно охарактеризовал совместные маневры Турции, Израиля и США в Средиземном море в ноябре 1997 г., указав, что эти учения являются «прямой угрозой независимости Ирана и всего мусульманского мира»⁹. Негативная тональность в высказываниях иранских руководителей по вопросу турецко-израильского сотрудничества сохраняется и поныне.

В мае-июне 1999 г. наметился новый виток напряженности в турецко-иранских отношениях. В мае это было обусловлено негативной реакцией

Анкары на активизацию кампании в Иране «в поддержку происламских сил в Турции, на навязывание иранской идеологии светскому турецкому обществу». Так были расценены турецким руководством массовые демонстрации в Иране в поддержку женщины-депутата турецкого парламента от Партии добродетели М.Кавакчи (явившейся в парламент в головном уборе), в связи с чем посол Ирана был вызван в МИД Турции, где ему было сделано представление по поводу «вмешательства Тегерана во внутренние дела Турции»¹⁰.

Своеобразным ответом иранской стороны на упомянутые действия турок стала продемонстрированная Тегераном аналогичная болезненная реакция на комментарии руководства Турции, в частности премьер-министра, по поводу студенческих выступлений в Иране. Как и в случае с М.Кавакчи, подобным же образом, но уже иранской стороной, были расценены слова турецкого премьера Б.Эджевита, отметившего, что «обладающий большим культурным и историческим наследием иранский народ не может столь длительное время терпеть существующий режим»¹¹.

Летом 1999 г. турецко-иранские отношения пережили период наиболее резкого обострения в связи с позицией, занятой иранским руководством по вопросу о турецких курдах, а именно о Рабочей партии Курдистана (РПК). По утверждению Анкары, на протяжении 90-х годов Иран финансировал и поддерживал деятельность этой партии, и подобная помощь достигла своего пика в конце 90-х годов. Хотя турецкие официальные круги и служба разведки неоднократно обращали на это внимание иранской стороны, та, в свою очередь, полностью это отрицала¹². Еще в начале 1999 г. турецкая печать, ссылаясь на различные источники, указывала, что на территории Ирана в районе Уружия имеется госпиталь для боевиков РПК, а также ряд лагерей этой партии в приграничных районах¹³.

В июне 1999 г. турецкие ВВС нанесли бомбовые удары по иранской территории, а в ходе проведения приграничной операции иранцами были задержаны два турецких военнослужащих. Именно недовольство Анкары по поводу поддержки Тегераном деятельности РПК, роста численности и активности отрядов этой организации в приграничных с Турцией районах Ирана (после известных турецко-сирийских договоренностей, касающихся РПК, в октябре 1998 г.) определяет в значительной степени довольно «смелые» действия турок. Такая решительность Анкары обусловлена также, по оценкам местных дипломатических кругов, поддержкой Вашингтона и рассматривается как своего рода демонстрация силы в период сложной внутривнутриполитической ситуации в Иране.

Летом 1999 г. премьер-министр Турции Б.Эджевит заявил: «После того, как была прекращена помощь, оказываемая РПК со стороны Сирии, эти функции взял на себя Иран. И это вызывает нашу озабоченность». Эджевит указал, что подобная деятельность не способствует развитию добрососедских отношений, и призвал Иран отказаться от политики «встречать боевиков РПК с распростертыми объятиями». Он также указал, что Турция настаивает на том, чтобы все приграничные районы были взя-

ты под строгий контроль иранской стороны и террористам было запрещено использовать их в качестве баз¹⁴.

Однако иранские представители, как когда-то сирийское руководство, отрицают наличие на иранской территории членов РПК и оказание им поддержки.

К суровой критике в адрес иранских властей по поводу РПК присоединился и президент Турции С.Демирель, заявив: «Эджевит прав». На вопрос о том, не может ли быть применима к Ирану, как когда-то к Сирии, угроза силой, Демирель ответил: «События разные, условия разные и разрешение проблем тоже разное. И пока такого шага Турция не предпримет»¹⁵. Как считают турецкие аналитики, присутствие РПК в Иране – очевидная реальность. По правде говоря, руководство Хатами может и не хотеть этого присутствия, дабы не вызывать недовольство Турции. Однако в Иране есть силы, поддерживающие эту организацию. И, может быть, тегеранские руководители не в состоянии контролировать этот процесс. «Для того, чтобы покончить с подобным развитием событий, нужны эффективное сотрудничество и политическая воля». Однако противоречивая внутривнутриполитическая обстановка в Иране, расхождения между «реформаторами» и «консерваторами» не дают возможности решить эту проблему¹⁶.

Таким образом, расчет турок на то, что им удастся повторить «сирийский сценарий» применительно к Тегерану пока не оправдывается. Это, в частности, продемонстрировало и состоявшееся 10-12 августа 1999 г. в Анкаре шестое заседание Высшей турецко-иранской комиссии по вопросам безопасности. Сам факт проведения такого мероприятия в период обострения отношений оценивается здесь положительно, однако отмечается, что оно не принесло тех результатов, на которые рассчитывала турецкая делегация. Турки надеялись максимально сосредоточиться на проблеме РПК, присутствии боевиков этой организации в приграничных с Турцией районах Ирана. Анкара, в частности, настойчиво добивалась согласия Тегерана на проведение совместных операций против РПК (главным образом на территории Ирана), однако такое предложение турок не было поддержано. В результате довольно напряженных переговоров стороны согласовали лишь часть внесенных в повестку дня заседания вопросов, подписав в итоге совместный протокол в значительно усеченном и измененном виде по сравнению с первоначальным турецким вариантом текста. Как позитив расцениваются здесь договоренности о налаживании более тесного взаимодействия представителей силовых структур. Предусматривается, в частности, создание прямых линий телефонной и факсимильной связи между назначенными спецпредставителями, обмен информацией и проведение необходимых разведмероприятий по обеспечению безопасности в приграничных районах, осуществление инспекций (по запросу одной из сторон) обозначенных районов, где отмечается присутствие террористических групп, а также планирование и проведение одновременных операций против них. Несмотря на усилия Анкары нацелить перечисленные направления взаимодействия лишь на борьбу с РПК, иранцы предложили сотрудничество в

более широких рамках, включив в список «интересующих объектов», помимо РПК, другие террористические и экстремистские организации, в том числе оппозиционные нынешнему иранскому режиму структуры, «присутствующие», по утверждению Тегерана, на турецкой территории. Вместе с тем Анкара намерена продолжить давление на Иран, добиваясь не только эффективности обозначенных в подписанном протоколе «одновременных операций», но и стремясь в перспективе все же получить доступ к иранской территории путем проведения, например, совместных операций¹⁷. Как показали переговоры, Тегеран, со своей стороны, сохраняет достаточно жесткую позицию по поводу бомбардировок иранской территории, добиваясь от Анкары признания незаконности ее действий и компенсации причиненного материального ущерба.

Несмотря на серьезные идеологические трения, двусторонние отношения имеют важное значение для Турции и Ирана. К центростремительным тенденциям относится, в первую очередь, расширение отношений в области экономики и взаимная торговля между двумя странами в 80-90-е годы. Турция использует Иран как важный рынок сбыта турецких товаров и источник получения нефти и газа. Иран стал к 1997 г. самым крупным инвестором частного капитала среди стран Ближнего Востока. Картина инвестирования капитала иранскими компаниями в 90-е годы следующая. В 1993 г. 21 иранская фирма получила разрешение на размещение капитала на сумму в 5,8 млн. долл., в 1995 г. соответственно 44 фирмы инвестировали капитал в 5,8 млн. долл., в 1996 г. 48 фирм – на сумму 5,4 млн. долл. и, наконец, в 1997 г. 53 фирмы получили разрешение на инвестирование 10 млн. долл. (Для сравнения следует указать, что в 1997 г. 164 фирмы стран Ближнего Востока получили разрешение на инвестирование 49 млн. долл.). Наибольшие инвестиции в Турции делались в сфере услуг и обрабатывающей промышленности¹⁸. Достаточно высокими в 90-е годы оставались показатели в области взаимной торговли между двумя странами. Так, в 1994 г. импорт в Турцию из Ирана составил 629 409 тыс. долл., в 1995 г. – 689 476 тыс. долл. и в 1997 г. – 646 402 тыс. долл. Соответственно экспорт Турции в Иран был следующий: 1994 г. – 249 816 тыс. долл., 1995 г. – 268 434 тыс. долл. и 1997 г. – 307 007 тыс. долл.¹⁹

Позиция нейтралитета Турции в ирано-иракском конфликте также явилась положительным моментом в двусторонних отношениях.

И, наконец, развитию связей способствует повышение активности Организации экономического сотрудничества (ОЭС, в прошлом РСР). Деятельность этой организации, членами которой являются Турция, Иран, Пакистан, возобновленная в 1985 г. по просьбе Ирана с целью добиться прекращения изоляции в регионе, отвечает интересам Турции, т.к. способствует ее усилению в качестве «регионального центра силы».

На встрече на высшем уровне в рамках ОЭС 16-17 февраля 1992 г. в Тегеране организация расширилась за счет Азербайджана, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана и Казахстана. Заявленные планы сотрудничества чрезвычайно обширны, но результаты деятельности ОЭС более чем

скромны, поскольку они во многом зависят от политической и экономической конъюнктуры, которая будет складываться в каждой из этих стран.

В период, когда лидер происламской Партии благоденствия Н.Эрбакан возглавлял кабинет министров Турции (1996-1997), он попытался сделать несколько дружественных жестов в адрес Ирана. Так, он подчеркивал, что хочет сотрудничать с этой страной не только в области экономики, но и в военной области. Однако от этой идеи быстро пришлось отказаться, так как запротестовали турецкие генералы²⁰. Когда на митинге в городе Синкан, расположенном всего в 25 км от Анкары, иранский посол выступил с речью, призывая к введению шариата в Турции (февраль 1997 г.), военные вновь продемонстрировали, что не преминут вмешаться, если почувствуют угрозу стабильности в стране. Они дали понять это, приказав колонне танков проследовать по улицам этого города, и Эрбакан был вынужден смириться с подобной демонстрацией силы²¹. Вместе с тем за время своего правления Эрбакан сумел не только начать укрепление отношений с Ираном и Ираком, но и приступить к долгосрочному плану создания альтернативы «Большой семерке» в виде исламской восьмерки – «Д-8» (от английского слова «развивающиеся»), учредительная встреча которой на уровне министров иностранных дел Турции, Ирана, Пакистана, Египта, Малайзии, Бангладеш, Индонезии и Нигерии прошла в Стамбуле в январе 1997 г. В июне 1997 г. на встрече на высшем уровне президентов и премьер-министров этих стран была подписана Стамбульская декларация, давшая старт новой организации. Президент Турции С.Демирель на церемонии открытия указал, что «Д-8» будет содействовать региональному и межрегиональному сотрудничеству и экономическому росту стран-участниц. При этом он особо подчеркнул значение Турции, «которая в силу своего географического положения играет роль моста между востоком и западом, между севером и югом»²².

На июньском саммите было рассмотрено 55 проектов, предусматривающих развитие сотрудничества между членами «восьмерки». По словам Эрбакана, каждая страна будет отвечать за конкретный участок: Турция – промышленность и здравоохранение, Египет – торговля, Иран – телекоммуникации и научные технологии, Малайзия – финансы, банковское дело и приватизация, Бангладеш – сельскохозяйственный подъем, Индонезия – людские ресурсы, Пакистан – сельское хозяйство, Нигерия – энергетика.

Ежегодный товарооборот Турции со странами «исламской восьмерки» составлял на тот период 2 млрд. 245 млн. долл. (756 млн. долл. – экспорт и 1 млрд. 489 млн. долл. – импорт). Большая его часть приходится на торговлю с Ираном. В течение предстоящих лет Анкара намерена довести товарооборот с тремя мусульманскими странами – Ираном, Египтом и Малайзией – до 2 млрд. долл., а с другими членами организации до 500 млн. долл.

Вместе с тем в турецкой печати подчеркивалось, что экспорт этих стран в основном ориентирован на развитые промышленные страны, причем Пакистан, Бангладеш и Нигерия особо зависят от иностранной помощи. В целом же экономические отношения между восемью странами пока на низком уровне²³.

Вопреки ожиданиям, что после отстранения Эджевита от власти и роспуска Партии благоденствия созданная им организация «Д-8» также прекратит свое существование, этого не случилось. Ее деятельность, хотя и вяло, продолжалась. Во время саммита «восьмерки» в Дакке в марте 1999 г. президент Демирель имел встречу с вице-президентом Ирана Х.Хабиби, которая вселила некоторый оптимизм в возможность дальнейшего развития диалога и осуществления практических шагов по совершенствованию взаимодействия в интересующих стороны направлениях²⁴.

Таким образом, нынешние отношения между Турцией и Ираном характеризуются, с одной стороны, декларируемыми как Анкарой, так и Тегераном намерениями развивать межгосударственные связи, способные обеспечить взаимные выгоды, а с другой – периодически возникающими коллизиями между ними, особо заметными в последнее время, что негативно отражается на всем комплексе взаимоотношений и препятствует достижению «желаемого» прогресса в сотрудничестве двух стран.

¹ Milliyet, 20.03.99.

² Yanki, Ankara, 05-11.01.1987, с. 23.

³ Gunes, 26.10.1987.

⁴ Yanki, Ankara, 05-11.01.1987, с. 25.

⁵ Milliyet, 05.11.1998.

⁶ Milliyet, 05.11.1998.

⁷ Эхо планеты. – 1992. – № 10. – С 6.

⁸ Sabah, 12.12.1997.

⁹ Milliyet, 23.11.1997.

¹⁰ Sabah, 20.05.1999.

¹¹ Milliyet, 30.05.1999.

¹² Financial Forum, Ankara, 18.08.1999.

¹³ Milliyet, 11.03.1999.

¹⁴ Milliyet, 26.07.1999.

¹⁵ Milliyet, 27.07.1999.

¹⁶ Milliyet, 27.07.1999.

¹⁷ Milliyet, там же.

¹⁸ İktisadi Rafor 1997. – Ankara, 1998. – С. 99.

¹⁹ Turkiye İstatistik Yilligt. – Ankara, 1999. – С. 525.

²⁰ Sabah, 03.09.1996.

²¹ New York Times Magazine, 23.02.1997.

²² Milliyet, 16.06.1997.

²³ Milliyet, 15.06.1997.

²⁴ Hurriyet, 03.03.1999.

И.И.Иванова,
кандидат исторических наук

ТУРЕЦКО-ИЗРАИЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В данной статье не представляется возможным показать всю историю турецко-израильских отношений. Однако следует отметить, что бум, наблюдаемый в этих отношениях с середины 90-х годов, о которых подробно будет сказано ниже, был подготовлен еще в 70-80-е годы. Так в 70-е годы в израильских политических кругах была разработана так называемая концепция «периферии». Автор этой теории Бен-Гурион подчеркивал, что Ближний Восток не является сугубо арабским регионом и что значительную его часть составляют другие нации (турки, курды, персы, евреи). Опираясь на неарабские государства «периферии», в первую очередь Турцию и Иран, израильские руководители рассчитывали закрепить свои позиции в регионе¹. Революция в Иране помешала планам Израиля, однако турецко-израильские связи развивались по иному сценарию.

Пришедшее к власти в Турции после переворота 1980 г. новое руководство стремилось укрепить и расширить свои позиции в исламском и арабском мире, но для достижения этого необходимо было предпринять какие-либо шаги в отношении Израиля, на чем настаивало большинство арабских лидеров. Ни одна из стран Ближнего и Среднего Востока к этому времени, за исключением Турции и Египта, не имела дипломатических отношений с Израилем. И новое военное турецкое руководство сделало внешне достаточно эффектный жест – в декабре 1980 г. было принято решение о снижении дипломатических отношений с Израилем до самого низкого уровня: главами миссий в качестве поверенных в делах в обеих странах стали вторые секретари. Этот шаг не вполне удовлетворил лидеров арабских стран, в первую очередь Ливии и Саудовской Аравии, неоднократно настаивавших на разрыве дипломатических отношений Турции с Израилем, однако несколько приглушил критику по этому вопросу².

Вместе с тем в 80-е годы идет активное, хотя и тщательно замалчиваемое турецким руководством, развитие турецко-израильских отношений, причем этот процесс проходит по двум основным направлениям: укрепление связей финансово-политических кругов Турции с произраильским лобби в США и налаживание двусторонних отношений. Каждая из сторон стремилась при этом извлечь максимум выгод для себя. Турецкие лидеры принимали во внимание тесные связи США с Израилем, влияние израильского лобби в США, надеясь с его помощью добиться ослабления

греческого лобби в американском конгрессе и разрешения так называемого «армянского вопроса». В свою очередь, Израиль также рассчитывал, что поддержка со стороны Турции в ближневосточных делах поможет ему укрепить позиции в регионе. Израильские правящие круги считали, что с помощью Турции, значительно усилившей влияние в арабском мире в 80-е гг., можно будет проводить политику расчленения стран Арабского Востока с последующим присоединением к кэмп-дэвидским соглашениям ряда стран арабского мира.

Подтверждением укрепления двусторонних турецко-израильских отношений стали визиты в Израиль турецких политических деятелей. Весной 1984 г. по приглашению израильского парламента страну посетила группа депутатов от Народной партии. Председатель израильского парламента заявил турецким депутатам, что Израиль пытается оказывать Турции помощь по многим вопросам³. Этот визит турецких депутатов вызвал негативную реакцию в политических кругах Турции и был критически воспринят в арабском мире. Как подчеркивал представитель ООП в Турции А.Фирас, визит четырех депутатов меджлиса в Израиль нельзя расценивать как обычную поездку. «Израиль совместно с США хочет внести раскол в турецко-арабские отношения и с этой целью организовал визит», – заявил Фирас⁴.

Об укреплении турецко-израильского сотрудничества под руководством США на Ближнем Востоке говорит интервью бывшего в то время министром обороны Израиля Ариеля Шарона, данное турецкому информационному агентству. Шарон, подчеркнув роль Турции в «стратегических планах Израиля», попытался доказать, что американо-израильский план ставит своей задачей защиту «против коммунизма» не только Израиля, но и всех стран, в том числе и Турции. Кроме того, указывалось, что «Израиль защищает Турцию по многим важным для нее проблемам»⁵. Таким образом, Шарон стремился обосновать необходимость взаимного сотрудничества двух стран. Об этом же сотрудничестве говорил и Ицхак Шамир (бывший в 1985 г. заместителем премьер-министра Израиля и министром иностранных дел). На международной конференции по борьбе с терроризмом, состоявшейся в Тель-Авиве летом 1985 г., из всех присутствовавших журналистов Шамир предпочел дать интервью лишь турецким. На вопрос об отношении Израиля к сближению Турции с арабским и исламским миром, которое рассматривается рядом стран как отрыв от Запада, Шамир ответил, что его страна «не против такого сближения». Вместе с тем он подчеркнул, что Израиль придает «особое значение турецко-израильским связям, развитию отношений в экономической, политической, культурной областях». Шамир предложил Турции сотрудничество в борьбе с «любимым видом терроризма, в том числе и с армянским». В заключение он вновь подчеркнул «особое место Турции на Ближнем Востоке», указав, что ее твердая политика «чрезвычайно важна как для мира на Ближнем Востоке, так и для Израиля»⁶.

В плане укрепления турецко-израильских связей важное значение получил визит бывшего тогда премьер-министром Турции Т. Озала в Вашингтон

тон весной 1985 г. Еще накануне поездки в конце 1984 г. консервативная турецкая газета «Терджюман» опубликовала следующее заявление Озала: «Доказано, что израильское лобби делает определенные приготовления для интенсификации турецко-израильских связей». Далее следовало мнение близких к Израилю турецких политических кругов: «Мы не выдвигаем непереносимое условие о поднятии уровня турецко-израильских отношений. Эти отношения могут осуществляться тихо в Вашингтоне с помощью США»⁷. По сообщениям турецкой печати, Озал провел в Вашингтоне секретные переговоры с руководителями израильского лобби в США и израильского посольства, что, естественно, было воспринято крайне отрицательно большинством арабских стран, в частности Кувейтом, Катаром и др.⁸. Известный политический обозреватель Турции А. Биранд указывал, что секретные переговоры наводят на мысль, не присоединится ли Турция к стратегическому сотрудничеству между Израилем и США⁹.

Вместе с тем, как было сказано выше, наивысшего подъема турецко-израильские отношения достигли со второй половины 90-х годов, когда турецкая сторона, уже не считаясь с мнением арабских стран, пошла на всесторонние связи с Израилем.

Взаимные визиты высших военных чинов Турции и Израиля продолжаются за последние годы в нарастающем темпе. Особенно показательным в этом отношении стал 1997 г. Турция, которая ранее пыталась как-то камуфлировать свои отношения с Израилем, теперь открыто говорит об их развитии. Вслед за делегациями, возглавлявшимися начальником Генерального штаба турецкой армии и его заместителем, в Израиль приехал министр обороны Турции. В ходе переговоров подчеркивалось, что Турция и Израиль – сильнейшие в военном и экономическом отношении государства региона. Турция была одной из первых стран мира, признавшей независимый Израиль, и в настоящее время она особенно форсирует развитие с ним широких экономических, научных, культурных и туристических связей. Эти связи, в сущности, имелись и раньше, однако по стратегическим соображениям, т.е. чтобы не вызывать недовольства арабов, долгое время оставались в тени.

Первый договор о стратегическом сотрудничестве с Турцией подписал в 1958 г. первый израильский премьер-министр Бен-Гурион. Нынешнее военное соглашение с Турцией, светской страной с устоявшейся многопартийной системой и мусульманским населением, членом НАТО, добивающейся статуса полноправного члена Европейского совета, было подписано Израилем в феврале 1996 г. Оно предусматривает совместные сухопутные, военно-морские, военно-воздушные маневры, тренировочные полеты турецких самолетов в израильском небе, а израильских – в турецком, инструктаж турецких пилотов, создание специальной группы военно-стратегических учений, обмен информацией, особенно в области борьбы с терроризмом и охраны границ.

По этому военному соглашению, израильская военная промышленность модернизирует 54 Фантома (F-4) турецких ВВС, установив на них новейшую электронику. В мае 1997 г. была достигнута договоренность о

модернизации еще 48 истребителей Фантом (F-5). По сообщению турецкой газеты «Тюркиш дейли ньюс», Израиль и Турция подписали соглашение о совместном производстве ракет типа «воздух – земля» «Попай».

Таким образом, между двумя странами за последние годы сформировались самые крепкие на Ближнем Востоке связи в военном отношении.

В частности, они убеждают Израиль в возможности занять более жесткую позицию в отношении арабских соседей. По мнению «Нью-Йорк таймс», солидарность между турками и евреями отчасти объясняется историкой общности конфликтов с арабами. Турки правили большей частью Аравийского полуострова до начала нашего века, когда они были изгнаны в результате ряда поддержанных Британией восстаний; Израиль на протяжении всего периода своего существования конфликтует с арабскими соседями. Сегодня обе страны рассматривают Сирию и Ирак, а также Иран как угрозу своей безопасности¹⁰.

Военные стратеги Турции считают, что их страна оказалась в «Бермудском треугольнике», где с одной стороны Ближний Восток, с другой – Кавказ, а с третьей – Балканы, в том числе и их традиционный соперник – Греция. Подобно израильтянам, они ощущают потребность в наличии рядом с собой сильного друга. И именно эти стратегические расчеты составляют основу для развития отношений в военной сфере.

После прихода к власти Эрбакана некоторые аналитики предсказывали, что вышеназванные соглашения потерпят крах. Но после того, как он сделал несколько антиизраильских заявлений в начале своего правления, турецкие военные, которые считаются надежными стражами страны, заявили о себе. Открыто и в частном порядке представители военного руководства разъяснили Эрбакану ценность турецко-израильских отношений для обеспечения безопасности. Чтобы продемонстрировать миру, что они убедили его, начальник Генштаба генерал Карадайы отправился в феврале 1997 г. в Тель-Авив и поклялся в верной дружбе. «Турция не будет делиться вашей военной информацией с другими, – заявил он израильтянам. – И не будет передавать вашу военную технологию другим странам»¹¹.

11-13 июня 1997 г. президент Израиля Э. Вейцман побывал с официальным визитом в Анкаре. Во время встречи с президентом Турции Демирелем и другими руководителями он рекомендовал им не поддаваться давлению арабских стран и развивать двусторонние отношения. В свою очередь Демирель заверил своего израильского коллегу, что соглашения о военном сотрудничестве останутся в силе, а связи в этой области между двумя странами будут укрепляться¹². В соответствии с подписанными соглашениями израильским боевым самолетам предоставлена возможность пользоваться базами и воздушным пространством Турции для проведения боевой подготовки. Намечено расширение связей по линии ВМС двух стран. Достигнута договоренность об обмене разведывательной информацией и стратегическими оценками ситуации в регионе. Израильтяне окажут помощь Турции в укреплении ее границ с соседними арабскими странами и Ираном, включая совершенствование сети радиотехнической разведки в приграничных районах.

В соответствии с достигнутыми договоренностями 5 турецких военных кораблей вошли 16 июня 1997 г. в порт Хайфы для проведения совместных военных маневров. Турецкая военная делегация была встречена на высшем уровне израильскими коллегами и мэром Хайфы, и, по мнению турецких источников, маневры имели большой успех¹³.

В свете столь быстрого военного турецко-израильского сближения неудивительно, что соседние страны выступили с резкой критикой Турции. В феврале 1997 г. лидеры Египта, Сирии и Саудовской Аравии опубликовали совместное заявление, призвав Турцию пересмотреть свою позицию. Иран и Греция также выступили с нотами протеста. Министерство иностранных дел Турции ответило, что эта волна протестов «совершенно не касается» турецкой стороны¹⁴. В интервью турецкому телевидению лидер ливийской революции М.Каддафи также подверг резкой критике политику Анкары в отношении Израиля, подчеркнув, что израильская авиация, которая пользуется турецким воздушным пространством, создает угрозу Сирии и другим странам Ближнего Востока. По мнению Каддафи, Турция попала в еще большую зависимость от НАТО и США.

Если у нового альянса и есть главная цель, то это Сирия, которая граничит с Турцией и Израилем и у которой давние претензии к обеим странам. Неожиданно она оказалась лицом к лицу с мощным союзом, взявшим ее в клещи на ее северных и юго-восточных границах. Она больше не может помышлять о конфронтации с одной из этих стран, не боясь ответа со стороны другой. Сирия до сих пор считает, что территориальный конфликт с Израилем может быть решен лишь военным путем и добывается стратегического паритета с этим государством. Военный союз между Израилем и Турцией она рассматривает как прямую угрозу своим планам и стремится выработать единую арабскую позицию по отношению к этому союзу. С этой целью вице-премьер Сирии А. Хасар совершил поездку по государствам Персидского залива, утверждая, что турецко-израильский военный союз представляет угрозу не только для Сирии, но и для всего арабского мира.

Турция же в свою очередь называет Иран и Сирию «генеральным штабом антитурецкого террора», направляющим действия курдских экстремистских группировок. Наконец, у Израиля и Турции вызывают тревогу попытки Ирана и Сирии обзавестись собственным неконвенционным оружием, включая химическое. Опасность использования потенциальным противником этого оружия заставляет Турцию сотрудничать с более совершенной израильской оборонной промышленностью.

С Сирией Турция, кроме того, конфликтует из-за распределения вод реки Евфрат. Цель Турции и Израиля состоит в том, чтобы создать ситуацию, которая заставила бы Иран и Сирию дважды подумать, прежде чем решиться на военные действия.

Еще одним общим противником является Ирак, всего лишь шесть лет назад обстреливавший Израиль ракетами «СКАД» и тоже называющий его врагом номер один. Базирующиеся в Ираке курдские экстремистские группировки во главе с Рабочей партией Курдистана ведут террористическую

войну против правительства Анкары, а Турция поддерживает отряды М.Барзани, находящиеся в Ираке.

Турция опасается нормализации отношений между Ираком и Сирией и их военного блокирования. В последнее время усилились разговоры о сближении этих вечно враждующих между собой государств. И Турции, и Израилю понятно, что такой союз не может быть создан с мирной целью. Сирия осудила турецкое вторжение в Ирак и направила в Багдад экономическую делегацию – первую после 1980 года, когда с началом ирано-иракской войны Сирия встала на сторону Ирана и закрыла свою границу с Ираком.

Другой военный блок, Иран – Сирия – Египет, пытается создать Тегеран. Министр иностранных дел А.Велаяти неожиданно прибыл в Каир: формально – для вручения президенту Мубараку приглашения на конференцию руководителей 25 неприсоединившихся государств в Тегеране, фактически – уговорить Египет на тройственный военный союз, противостоящий турецко-израильскому. До этого Тегеран обвинял Каир в «предательстве» и уступках «сионистскому агрессору», а Египет обвинял Иран в помощи исламским фундаменталистам.

Египет отказался от предложения Ирана, поскольку это чревато потерей статуса посредника в израильско-палестинских переговорах, разрывом с Соединенными Штатами и утратой американской военной помощи в размере 2,1 млрд. долл. в год. Дело ограничилось тем, что министр иностранных дел А. Муса выразил обеспокоенность израильско-турецким военным соглашением.

Параллельно с партнерством в военной области успешно развивается турецко-израильское экономическое сотрудничество. В апреле 1997 г. был подписан экономический договор, и в мае в Израиль прибыла внушительная делегация турецких бизнесменов (в списке стран, посещаемых израильскими туристами, Турция стоит на первом месте). В конце 1997 г. новый премьер-министр Турции М.Иылмаз заявил, что для ликвидации инфляции в Турции его страна выбирает «израильскую модель»¹⁵.

Основным препятствием на пути развития двусторонних отношений является негативная позиция сторонников исламизации турецкого государства. В соответствии с соглашением о ротации коалиционное правительство Турции должен был возглавить лидер исламской Партии благодеяния Н.Эрбакан. Когда этот пламенный исламский политик в июне 1996 г. стал премьер-министром, он за короткое время сумел побывать в Тегеране, Исламабаде и Триполи, где уверял своих собеседников в верности фундаментальным принципам ислама и ненависти к сионизму. Но его попыткам аннулировать оборонный союз с Израилем воспрепятствовала армия – традиционный гарант светского характера государства. В апреле 1997 г. по требованию президента Демиреля и генералитета Эрбакан принял министра иностранных дел Израиля Д.Леви. Как писала «Нью-Йорк Таймс», «мало кто ожидал увидеть главу правительства сидящим с министром иностранных дел Леви и дружески с ним беседующим. Самым примечательным было то, что у здания министерства иностранных дел, где состоялась эта

встреча, была проведена демонстрация протеста сторонников Партии благоденствия и что объектом критики стал сам руководитель этой партии»¹⁶.

В ходе своего визита Леви встретился также со многими высокопоставленными турецкими официальными лицами, обсудив с ними вопросы гражданского сотрудничества и увеличения объема торговли. Но самой значительной его встречей стал визит к начальнику Генштаба турецкой армии И.Карадайя. Оба деятеля рассмотрели быстро развивающиеся отношения между Турцией и Израилем в области безопасности и согласились укреплять их активно и дальше.

Как ни пытался Эрбакан, ему не удалось отложить «на несколько лет»¹⁷ совместные турецко-израильско-американские сухопутные, морские, воздушные маневры, проведенные в 1997 г., о которых речь шла выше.

Спор между армией и исламистами кончился тем, что по требованию Генерального штаба Эрбакан был вынужден подать в отставку раньше предусмотренного соглашением о ротации срока.

Министр обороны Турции снова подчеркнул, что турецко-израильские отношения остаются дружескими и что никто не сможет помешать реализации соглашения о военном сотрудничестве. Союз Турции и Израиля высоко оценивается США и НАТО как важнейший фактор стабильности в этом нестабильном регионе. Американская печать подчеркивает: «Большинство турок, за исключением панисламистов, похоже поддерживает сближение страны с Израилем. Несмотря на распространенное здесь недовольство обращением Израиля с палестинцами, они полагают, что эта дружба отвечает их национальным интересам»¹⁸.

В конце 1997 г. Турцию посетил начальник Генштаба Израиля Шахак, который вернулся на родину с солидным списком заключенных соглашений. Вот некоторые из них: Турция и Израиль договорились о совместном производстве ракет дальнего радиуса «Делила», Израиль продаст Турции танки «Меркава», модернизирует боевые самолеты F-5, оборудует турецкие вертолеты противоракетными системами. Затем Израиль оснастит турецкие вооруженные силы надежными спутниковыми системами оповещения и т. д. После осуществления всех этих проектов турецкая армия станет одной из самых мощных в регионе.

Кроме того, Шахак очень высоко отозвался о совместных трехсторонних военных учениях – Турция – Израиль – США, – проводившихся в Средиземном море 15-20 января 1997 г.¹⁹

Особенно продуктивным для развития двусторонних связей стал 1998 г. С начала года Израиль начал проявлять особо пристальное внимание к так называемому проекту ГАП (план создания плотины им. Ататюрка на Ефрате, модернизации Юго-Восточной Анатолии, которая в настоящее время в экономическом плане является одним из наиболее отсталых районов Турции). Обладающий передовой технологией в области сельского хозяйства, орошения и удобрения Израиль, осуществляя сотрудничество с Турцией, готов конкретизировать свой опыт при реализации проекта. В начале года состоялись взаимные визиты заинтересованных сторон. В частности, Тур-

цию посетила в феврале 1998 г. делегация Машхав (центр международного сотрудничества Израиля). В результате визитов условились провести в 1998-1999 г. ряд семинаров в Турции, с обсуждением вопросов взаимодействия по проекту. Израиль также принял решение создать в Юго-Восточной Анатолии молочную ферму как образец израильской технологии.

Следует отметить, что проект строительства плотины и орошения этой части Анатолии воспринимается крайне негативно в Сирии, считающей, что плотина сократит количество воды, поступающей по Евфрату на ее территорию. Именно по этой причине Турции так трудно найти спонсоров проекта. Сотрудничество Турции и Израиля в отношении анатолийского проекта «вовсе не носит каких-либо политических целей», утверждают обе стороны. Известно также, что увеличивается количество специалистов, которые пройдут специальные курсы в Израиле в области туризма и экономического развития²⁰.

По мнению генерального консула Израиля в Турции Э.Шакера, через 10 лет проблема воды на Ближнем Востоке может стать очень актуальной. И данной проблемой надо заниматься именно в настоящее время. В связи с этим турецко-израильское сотрудничество относительно Юго-Восточной Анатолии, строительство плотины и использование высоких технологий будет способствовать экономичному расходованию воды²¹.

В 1998 г. наметилась и тенденция к стратегическому сотрудничеству с двумя странами на Кавказе – Грузией и Азербайджаном. Причем сотрудничество касается не только богатых нефтяных источников, но и обороны и безопасности. Такой план был полностью одобрен грузинской стороной во время визита премьер-министра Турции Йылмаза в Грузию²².

Огромную озабоченность и на Западе, и на Ближнем Востоке вызвало летом 1998 г. испытание Ираном ракеты «Шабах-3». Ее возможности, по сообщению турецких источников, рассчитаны на поражение территорий Турции, Израиля и Саудовской Аравии. Представители Пентагона США также подчеркнули, что особое беспокойство должна испытывать Турция. Это испытание еще больше подтолкнуло Турцию к сотрудничеству с Израилем. На проходившем в Тель-Авиве летом 1998 г. совещании под названием «Турецко-израильский военный диалог» рассматривалась угроза ракет и иранского терроризма в регионе, и было принято решение о совместном турецко-израильском производстве ракет «Эрроу» и «Понос» с целью обеспечения защиты региона²³.

Кульминационным моментом в двусторонних отношениях стал визит премьер-министра Турции М.Йылмаза в страны Ближнего Востока (Иордания, Израиль, Палестина), где состоялись встречи с руководством этих стран. Наиболее впечатляющим стало подписание турецко-израильского экономического соглашения. По мнению турецких аналитиков, после долгого периода застоя турецко-израильские отношения поднялись на нынешний, чрезвычайно продвинутый уровень, и это вызвано не какими-то эмоциональными моментами, а соображениями взаимной выгоды и стремления к достижению стабильности в регионе²⁴.

Во время встречи с израильским премьер-министром Б.Нетаньяху М.Йылмаз указал, что «развитие отношений Турции с Израилем затрагивает не только обе эти страны, но имеет важное значение с точки зрения мира и стабильности в регионе». В ответной речи Нетаньяху подчеркнул следующее: «Как когда-то великий Ататюрк смог создать современную Турцию, так и мы приводим Израиль к современной западной модели. Революция, которую пережили обе страны, создала в регионе два больших демократических государства. Мы не забудем того, что когда во второй мировой войне истреблялись евреи, турки оказывали им всестороннюю поддержку». Йылмаз также имел встречу с президентом Израиля Э.Вейцманом.

В итоге визита Йылмаз подчеркнул значение договора о свободной торговле, подписанного в ходе визита, и высказал надежду на то, что экономические отношения укрепятся, а объем торговли двух стран составит 2 млрд. долларов²⁵.

Государственный министр Турции И.Челеби, отвечающий в правительстве за экономические вопросы, охарактеризовал соглашение об экономическом сотрудничестве как «исторический шаг» в истории двух государств. По соглашению предусматривается также транспортировка товаров в Израиль водным путем, а затем – через порт Хайфу в такие страны Ближнего Востока, как Кувейт и Саудовская Аравия. Таким образом, это соглашение открывает новые двери для Турции на Ближний Восток. Челеби указал также, что подписанная договоренность, над которыми работали около года, одобрены США. По его утверждению, соглашение будет способствовать мирному процессу в регионе и превращает здесь Турцию в ключевую державу²⁶.

Соглашение об экономическом сотрудничестве особенно выгодно для Турции по следующим соображениям: когда в 2000 году, как предусмотрено договором, будут сняты таможенные налоги на промышленную продукцию, турецкие производители текстиля смогут быстро завоевать текстильный рынок в Израиле, где себестоимость этой продукции очень высока, и она не сможет конкурировать с турецкой. В результате специального соглашения между Израилем и США Турция получит возможность продавать свой товар в США без квот и налоговых пошлин. Она получит высокоразвитую израильскую технологию, а также сможет делать совместные с израильскими предпринимателями капиталовложения в стране. Кроме того, Израиль заинтересован в ввозе, помимо текстиля, цемента и железных изделий. По мнению известного израильского предпринимателя Д.Наваро, израильский бизнес рассматривает турецкий рынок как огромный потенциал, а Турцию – как мост к среднеазиатским республикам²⁷.

Известный политический обозреватель Турции С.Кохен следующим образом характеризует результаты турецко-израильского сближения. У обеих стран выявились общие интересы по вопросам терроризма, безопасности и обороны в регионе. Турция, борясь с терроризмом, видит в Израиле хорошего партнера (от обмена информацией до вооружения). В

области обороны Израиль может обеспечить Турцию современной военной технологией. Безусловно, это принесет Израилю моральные и материальные выгоды.

Окружение двух стран, особенно «сирийский фактор», также сближает обе страны. Этот «стратегический союз» повышает возможности активизации и усиления обеих стран в регионе.

В экономическом плане союз основан не только на базе Турции и Израиля, но открывает богатые возможности для союза государств от США до Средней Азии. Здесь тоже пересекаются интересы обеих стран. Кохен делает следующий вывод: «По мере развития совместных интересов, несмотря на некоторое негативное внешнее влияние и разницу во взглядах, взаимные отношения будут развиваться по восходящей и впредь»²⁸.

Интересный подход к вопросам турецко-израильского сотрудничества был высказан Г.Фуллером, известным американским политологом, профессором Гарвардского института (20 лет он проработал в госдепартаменте США, из них 3 года – в Турции). По мнению американского эксперта, турецко-израильское сближение получает все большее развитие. Он приводит слова Нетаньяху о том, что формируется «региональная ось двух держав». Таким образом, подчеркивает Фуллер, вопрос идет о развитии стратегического турецко-израильского союза, и это особенно важно для турецкой армии. Вместе с тем, замечает Фуллер, подобный союз может нанести вред некоторым международным позициям Турции, негативно сказавшись на ее отношениях с арабскими странами. Далее американский ученый критикует позицию Нетаньяху, который наносит вред мирному процессу на Ближнем Востоке. «То, что Америка создавала в течение 10 лет, он разрушил за один год». А именно с Нетаньяху турецкий истеблишмент активно развивал отношения.

Особые опасения вызывают турецко-сирийские отношения. И причиной их обострения, по мнению Фуллера, является не столько курдский вопрос, сколько турецко-израильское сближение. Он считает, что при отсутствии этого сближения Турция и Сирия могли бы разрешить курдскую проблему гораздо быстрее, путем переговоров²⁹.

Вместе с тем заслуживают внимания итоги совещания министров иностранных дел Арабского союза, которое проходило за закрытыми дверями в Каире в сентябре 1998 года и в повестку дня которого были включены вопросы турецко-израильского сотрудничества. Любопытно, что подход арабского мира к этому сотрудничеству не был единодушным. На совещании прозвучали обвинения в адрес Сирии, оказывающей поддержку Курдской рабочей партии, и было заявлено о необходимости прекращения этой помощи. Все это не могло не вызвать негодования сирийской стороны, усиленного тем фактом, что большинство арабских стран отказалось принять законопроект (подготовленный Сирией и Ливаном) о суровом осуждении Турции. Инициатива заблокировать данный проект принадлежала палестинскому лидеру Я.Арафату.

«Холодным душем» для Сирии стали высказывания на совещании Арафата, а также представителей Иордании и Омана о том, что турецко-израильский союз не представляет опасности для арабского мира и ее не надо преувеличивать. Министр иностранных дел Иордании Абдул Элях эль-Хатип указал, что «турецко-израильское сотрудничество – ни что иное, как взаимная продажа технологий, и по этому вопросу мы не должны испытывать никаких волнений». Арафат, в свою очередь, также подчеркнул, что Турция не представляет опасности для арабского мира и она вовсе не собирается нападать на его членов. Это было подтверждено и его недавними переговорами с премьер-министром Турции М.Иылмазом²⁹. Здесь очевидны итоги недавних визитов турецкого премьер-министра в ряд арабских стран и его обоснование причин турецко-израильских связей.

После землетрясения в Турции в августе 1999 г. в Тель-Авиве была организована специальная телевизионная программа, посвященная турецкой трагедии. Программа носила благотворительный характер для сбора пожертвований израильского народа. Израильцы внимательно слушали премьер-министра Израиля Э.Барака и премьер-министра Турции Эджевита, который выходил на связь при помощи спутниковой антенны. В программе приняли также участие известные израильские деятели культуры, предприниматели, политические деятели. В результате подобной акции, продолжавшейся 6 часов, было собрано 1 340 млн. долларов. Эджевит выразил огромную признательность Израилю за помощь, оказанную в ликвидации последствий землетрясения. Он, в частности, указал, что с самого начала трагедии Израиль направил в Турцию передвижные госпитали, врачей, необходимое оборудование и продовольствие, и заявил: «Израильский народ проявил к нам большую щедрость. И это является важным доказательством укрепления дружественных отношений между нашими странами»³⁰.

В конце октября 1999 г. состоялся визит Барака в Турцию. После тайного посещения Турции в 1958 г. бывшего тогда премьер-министром Израиля Бен Гуриона этот приезд стал первым официальным визитом израильского премьер-министра в эту страну. Барак был также принят президентом Турции Демирелем. В ходе переговоров обсуждалась ситуация на Ближнем Востоке. Израильская сторона сообщила, что берет подряды на 900 млн. долларов для развития проекта ГАП. Турецкая сторона также заявила, что в повестке дня стоит вопрос о создании в Южной Анатолии зоны свободной торговли для Турции, Израиля и США. Были затронуты и вопросы расширения военного сотрудничества двух стран³¹.

Таким образом, стремительное развитие за последние годы турецко-израильского сотрудничества в различных областях, и в первую очередь в вопросах безопасности, стало важным этапом как в политике этих стран, так и в расстановке региональных сил. Подобное стратегическое партнерство, по мнению авторов изданной в 1999 г. солидной монографии «Безопасность Средиземноморья в наступающем тысячелетии», дало возможность Израилю выйти из региональной изоляции, в которой он находился

на протяжении десятилетий. Союз Анкары и Иерусалима позволил также ослабить опасность ирано-сирийского союза, который рассматривается в Турции как источник региональной напряженности. Турция и Израиль разделяют беспокойство по поводу сирийских угроз, включая ракеты и оружие массового поражения, а также поддержку Ираном исламского фундаментализма в регионе³².

Такое нынешнее состояние турецко-израильских отношений, которые получили всестороннее развитие в последние годы и которые, как представляется, могут оказать определенное влияние на ситуацию в регионе.

¹ Brecher B. The Foreign Policy of Israel. L., 1972. – С. 278.

² Cumhuriyet, 07.03.1981.

³ Nokta, 24-30.09.1981, № 31, с. 14. Ankara.

⁴ Там же.

⁵ Cumhuriyet, 12.12.1983.

⁶ Yanki, 15-21.07.1985, с. 18. Ankara.

⁷ Tercuman, 24.12.1984.

⁸ Cumhuriyet, 12.04.1985. •

⁹ Milliyet, 12.04.1985.

¹⁰ New York Times, 16.04.1997.

¹¹ Там же.

¹² Milliyet, 12.06.1997.

¹³ Там же, 17-18.06.1997.

¹⁴ Там же, 01.03.1997.

¹⁵ Milliyet, 03.10.1997.

¹⁶ New York Times, 14.05.1997.

¹⁷ Hurriyet, 27.05.97.

¹⁸ New York Times, 16.05.1997.

¹⁹ Milliyet, 20.10.1997.

²⁰ Там же, 10.04.1998.

²¹ Там же, 30.04.1998.

²² Там же, 17.03.1998.

²³ Там же, 09.09.1998.

²⁴ Там же, 09.09.1998.

²⁵ Там же, 08.09.98.

²⁶ Там же, 09.04.98.

²⁷ Там же, 09.09.98.

²⁸ Там же, 23.09.98.

²⁹ Там же, 19.09.98.

³⁰ Там же, 04.09.99.

³¹ Там же, 26.10.99.

³² «Mediterranean Security. Into the Coming Millennium». Strategic Studies Institute. – Wash., 1999. – С. 359.

Н.Г.Киреев,
доктор экономических наук, ИВ РАН

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ – УГРОЗА ВНУТРЕННЕЙ СТАБИЛЬНОСТИ ТУРЦИИ

Общеизвестно, что одним из фундаментальных принципов существования Турецкой республики является принцип светского государства. Провозгласив такую основу на заре республики, в середине 20-х годов, как главнейшее условие модернизации, европеизации общества, ее создатели во главе с Кемалем Ататюрком жестко следили за тем, чтобы ислам не выходил за ворота мечети, оставался религией, верой в Аллаха и не использовался бы в качестве орудия политической борьбы против светской власти. Основным и весьма эффективным средством и правового, и военно-полицейского контроля над религиозной ситуацией в стране долгое время была статья 163 Уголовного кодекса, предусматривавшая длительное тюремное заключение за эксплуатацию религиозных чувств верующих, использование религии каким-либо лицом или организацией в политических либо личных целях. На протяжении десятилетий в Турции не могло быть и речи о легальной деятельности религиозных орденов и обществ.

Изъяв из кодекса эту статью под давлением Запада в 1991 году, власти ныне могут преследовать радикальных исламистов уже по другой, 312-й статье УК, в которой предусматривается тюремное наказание от одного до трех лет за «подстрекательство населения к ненависти и враждебности» в отношении тех, кто отличен по «классовым, расовым, религиозным или региональным различиям». Также с 1991 года действует новый закон – «О борьбе с терроризмом», относящий к террористическим действиям те, которые направлены на нарушения основных положений конституции, включая положение о светском характере турецкого государства.

Однако итоги почти восьмидесятилетней эволюции республиканского режима в стране свидетельствуют, что конфликт между секуляризмом и исламом так и не завершился полной победой светских норм в жизни общества. Более того, пройдя этапы существенных метаморфоз, политический ислам обрел новый облик, новую силу и влияние, стал, по признанию светских лидеров страны, интеллигуалов, главной угрозой для ее внутренней безопасности и существования как светского государства. Подобная опасность возникала в стране постепенно, в результате изменений, произошедших в религиозной политике светской республиканской власти в 80-е и особенно в 90-е годы. Последовательные и бескомпромиссные сторонники светскости называют эти метаморфозы капитуляцией перед ныне влия-

тельными и многочисленными активистами политического ислама, принимающего подчас весьма радикальные формы. В результате, по их мнению, от принципов кемалистской секуляризации мало что осталось.

Осуществлено внедрение в школьные и вузовские программы курсов по Корану, исламу и др. В целом ряде университетов страны учреждены и действуют богословские факультеты. Проводится расширенное строительство мечетей при активном участии государства через Управление по делам религии, усилилась пропаганда религиозных идей через это учреждение, что противоречит его функциям как государственной структуре. Давно легализована деятельность исламистов в рамках политической партии. После своего создания в январе 1970 г. она уже не раз меняла название. Последняя вынужденная смена названия этой политической организации – превращение закрытой в 1998 г. судом Партии благополучия (Рефах) в Партию добродетели (Фазилет). В 1995 г. эта партия достигла пика своего влияния в стране, стала первой по числу депутатских мест в меджлисе.

Другим еще более влиятельным фронтом противостояния исламизма светскому режиму ныне являются мусульманские ордены, общества, группы и их финансовые фонды. Действовавшие совсем еще недавно подпольно, они вновь легализованы, в их распоряжении – тысячи мечетей, сотни религиозных вакуффов, приюты, интернаты, школы, земельные участки. На политическую арену ордены вышли по инициативе Т.Чиллер перед выборами 1995 г. В борьбе за лидерство в меджлисе ее партия публично обратилась за поддержкой орденов и вывела таким образом их из подполья.

Более других на виду в 90-е годы оказались орден накшбенди, религиозные общества нурджистов, сулейманистов, приверженцы «национального взгляда», идейно более всего связанные с Н.Эрбаканом, возглавлявшим Рефах. Лишь для последователей ордена накшбенди духовным вождем является личность из средневекового прошлого – Бахаэддин Мухаммед бин Мухаммед Эль-Бухари (1318-1389). Религиозная община сулейманистов основана современным проповедником, выходцем из Болгарии Сулейманом Хильми Тунаханом (1888-1959). Многочисленные же сообщества нурджистов исповедуют взгляды исламского проповедника курда Саид-и Нурси (1873-1960), преследовавшегося кемалистами за распространение своих рисале (Рисале-и Нур – «Книга Света», отсюда – нурджизм) и проведшего значительную часть своей жизни в заключении в тюрьмах Эскишехира, Анкары, Испарты, Денизли, Афьоне и в ссылке.

Решение курдского вопроса Нурси видел в исламском братстве, будучи уверенным, что только объединившись под знаменем ислама курды и турки смогут жить как братья. Поэтому вместо секуляризма, светскости он считал необходимым установление в стране режима шариата. По информации из турецкой печати, в настоящее время в стране действует около 20 тыс. медресе, в которых изучают произведения С. Нурси. Их называют иногда школами, «домами света». Некоторые из них, около тысячи, одновре-

менно служат учащимся жильем, являются своеобразными интернатами. В таких обителях живут иногда по 100 – 500 человек, чаще всего приехавшие из провинции, а иногда из-за рубежа студенты вузов, абитуриенты, готовящиеся к поступлению в университет, учащиеся средних школ, лицеев и колледжей – все, кто нуждается в средствах на время учебы¹. Самую влиятельную сегодня общину нурджистов возглавляет ходжа Фетхуллах Гюлен, его община часто упоминается в турецких СМИ как богатая и влиятельная общественная, религиозная организация, располагающая собственной газетой («Заман») и другими изданиями, телеканалом, школами, интернатами, приютами, – не только в самой Турции, но и за рубежом – в Болгарии, государствах Центральной Азии, России, и т.д.

Утверждение в политической жизни страны исламистской партии с ее радикальной идеологией антизападничества, антикоммунизма, антисемитизма, легализация мусульманских орденов и обществ сопровождается в 80-е и особенно 90-е годы стремительным возвышением исламистского капитала, тесно связанного с орденами и другими религиозными общинами. Турецкие исследователи считают, что после прихода к власти в 1983 г. послевоенного переворота первого гражданского правительства во главе с Т.Озалом во властной элите стало господствовать убеждение, что «государству надлежит открыть пути развития исламистам – капиталистам», перестать их преследовать, поощрить их усилия в ориентации на Иран, Ирак, Саудовскую Аравию и другие исламские государства. В короткие сроки предприниматели-мусульмане «обеспечили себе важное место в рыночной экономике, и что еще важнее, осуществилось взаимодействие капитала тарикатов с исламскими банками». Почти каждый джемаат оказался владельцем фирм, в том числе таких известных, как Ихляс холдинг, Фегазетджилик, Аль Барака – тюрк, Файсал финанс и др. Сравнявшись ныне по своему официальному статусу с самым влиятельным в турецком бизнесе, давно учрежденным либеральными предпринимателями Обществом деловых людей Турции (ТЮСИАД), его исламский аналог МЮСИАД утверждает своим существованием официальное представительство исламского капитала и орденов «в политической системе государства», свидетельствует о «возвышении мусульманского капитала». По мнению цитируемого нами Фаика Булута, исламский капитал заметно представлен в экспорте текстиля, особенно в мусульманские страны; в строительных подрядах, главным образом выполняемых на Ближнем Востоке, на Балканах, Кавказе, в Центральной Азии. В самой этой организации ассоциированы десятки фирм, владельцы которых являются приверженцами политического ислама. По утверждению руководства МЮСИАД, эта организация «становится источником надежды для турецких деловых людей в Европе».

Особенно активен конгломерат мусульманского капитала и джемаата в области информации, так сказать, «пропаганды и агитации». Он имеет в своем распоряжении новейшие средства полиграфии, издательского дела, активно использует такие достижения глобализации, как единое информационное пространство, экономическую и финансово-кредитную интеграцию.

По данным на 1994 г., мусульманский издательский сектор Турции насчитывал 200 издательств, выпускал более 600 журналов, его ежедневный газетный тираж достигал миллиона экземпляров, на своих витринах он сумел продемонстрировать более 6 тыс. книг различной тематики.

Определяя основные внешние источники финансовой поддержки исламского движения в Турции, Фаик Булут выделяет прежде всего организацию под названием Рабытат-уль Алем-уль Ислами (единство мира Ислама) – «детище саудовско-американской компании Арамко». Эту организацию автор считает одной из опор на Ближнем Востоке «ислама по-американски и капитализма под паранджой». Она создана в Мекке в 1962 г., в принятом в 1963 году уставе задача Рабыта сформулирована следующим образом: «предпринимать в мусульманских странах действия по формированию власти, отвечающей исламским принципам; готовить из прибывающих иностранных паломников исламских миссионеров с последующей отправкой их на родину; оказывать исламским органам печати материальную поддержку для выполнения ими своей деятельности». В ее учредительном совете турецким исламистам выделено два места. Рабыта поддерживает постоянные связи с турецкими исламистскими объединениями, предоставляет им денежное содержание, финансирует их учебные центры, молодежные лагеря, организацию хаджа для вали и руководства органов безопасности, строительство центров исламской культуры, мечетей. Помимо Рабыта, в стране со времен Т.Озала активно действуют саудовские компании Файсал финанс, Аль Барака, Исламский банк развития. Все они превратились в многонациональные корпорации и имеют в Турции свои дочерние отделения, установившие разнообразные связи с местными исламистами².

В период наибольшего успеха исламистов, когда они возглавляли правительство, одной из самых сильных «тарикатских» групп была та, которую объединял Ихляс-холдинг. В опубликованном газетой «Радикал» в январе 1997 г. списке 54 фирм этого холдинга значатся 17 компаний, действующих в сфере СМИ – телеканал, газета «Тюркийе», информационное и рекламное агентства, детский, спортивный, исторический, текстильный, медицинский, туристический, строительный журналы. Также 4 компании действовали в строительстве жилищ, 3 – представляли две поликлиники и один госпиталь, 4 – участвовали в автосборке, в списке прочих – финансовые, страховые, торговые, мебельные, транспортные и другие компании.

На втором месте по размаху деятельности среди турецких исламистских холдингов стоит Фетхуллах-ходжа – холдинг. В приводимом списке – 42 компании, действующие в Турции и за рубежом в статусе вакуфов, акционерных и лимитедных обществ, в том числе финансовая Асья, телеканал Саманюлу, газета «Заман», две журнала, 6 учебных зданий, несколько колледжей, лицеев, университет Фатих, Вакуф преподавателей Турции, Вакуф журналистов и писателей. В списке приводятся названия компаний, владеющих учебными центрами в России (Якутии, Туве, Хакасии, Баш-

кортостане, Чувашии, Татарстане), а также в Кыргызстане, Румынии, Молдове, Албании, на Украине (в том числе в Крыму), в Пакистане, Марокко, Иране, Ираке, Азербайджане, Узбекистане, Туркменистане, Таджикистане, Казахстане, Монголии³.

В системе турецкого исламистского предпринимательства, концентрирующегося вокруг МЮСИАД, немало предпринимателей, действующих в Европе. Печать Германии окрестила ее подопечных «анатолийскими тиграми», их джирос достигает 3,5 млрд. долларов. Руководимая 37-летним Эролом Яраром, специализировавшимся в США по компьютерам, МЮСИАД за 8 лет привлекла в свою организацию 3 тыс. членов, обеспечила работой 300 тыс. рабочих. Германская печать выделяет в этой организации как наиболее влиятельную исламскую группу Ихляс-холдинг с 3036 занятыми. Также отмечаются успехи компаний Улькер и Комбассан. По германским данным, в 60-ти фирмах Комбассан занято 26 тыс. человек. В год исламский капитал из Европы направляет Рефах в качестве финансовой помощи 250 млн. долларов. В Турции начато судебное преследование против МЮСИАД и ее президента по статье 312 УК за призывы к ненависти и враждебным действиям⁴.

Единый фронт сторонников шариата заявил о себе наиболее жестко и требовательно в 90-е годы, что особенно наглядно проявилось во время пребывания в правительстве на ключевых постах, включая пост премьера, представителей партии Рефах во главе с Эрбаканом. Первым ее крупным успехом стали итоги муниципальных выборов в марте 1994 г. На них ПБ оказалась главным соперником двух ведущих тогда правоцентристских партий – Партии отечества (лидер Месут Йылмаз, преемник Т.Озала) и Партии верного пути (лидер Т.Чиллер после избрания С.Демиреля президентом); по ряду позиций ПБ получила первые либо вторые места. Итоги этих выборов в Турции стали сенсационными, многие наблюдатели называли главными причинами успеха Рефах «ухудшающуюся экономическую ситуацию, разрастающиеся скандалы, связанные с коррупцией, социальные смуты и недовольство политической обстановкой»⁵.

Свой успех партия развила на парламентских выборах в декабре 1995 г., получив наибольшее число голосов – 22%, а затем, после полугодовой ожесточенной борьбы, в том числе с военным руководством, возглавила с лета 1996 г. правительственный кабинет в коалиции с партией Чиллер. Свою предвыборную кампанию ПБ строила на популистских лозунгах, утверждающих, и не без основания, что правящая верхушка светской элиты Турции отчуждена от нужд широких народных масс, средних слоев. Лозунги ПБ требовали также отказа от «угнетения верующих», прекращения «уничуждения нации», перехода «к подлинной демократии», во внешней политике – «спасения страны от роли сателлита». Партия заявляла о необходимости срочного принятия закона о свободе верования, который обеспечит свободу ношения женщинами головного покрывала, пятничного намаза, деятельности школ имам-хатибов, вакуфов, использования в молитве арабского языка и т.д.⁶

Уже в марте 1996 г., еще до прихода во власть, активисты Рефах попытались обвинить своего главного врага – армейское руководство – в стремлении насадить безбожие в армии. Газета «Хюрриет» объясняла выпад Рефах намерением сторонников шариата распространить в казармах шариат. «После мечетей и школ пришла очередь армии, хотя и здесь начало было положено раньше»⁷. Вынужденное согласие военных на приход летом 1996 года к власти Эрбакана (в коалиции с Партией верного пути) – свидетельство того, что в Турции время военных переворотов проходит, они не встречают поддержку ни США, ни стран ЕС, ни сочувствия гражданской элиты в самой стране. Ныне интеграция Турции в ЕС, по мнению ее западных партнеров, должна предусматривать поиски разумных компромиссов между светскими кругами и исламистами в модели «мягкого ислама», тем более что последние заверяли, что не собираются менять светский режим в стране на режим шариата.

Однако придя к власти, руководство Рефах предприняло шаги, которые впоследствии будут оценены Конституционным судом как несовместимые с режимом светской власти. Речь идет о заявлениях некоторых лидеров партии по поводу шариата, угрозах в адрес политических противников, скандалах по поводу одежды, и т.д. Заполучив в свои руки государственные механизмы управления религиозной деятельностью в стране, такие, прежде всего как Управление по делам религии, министерство просвещения, богословские факультеты и кафедры, иницируя происламскую активность в среде офицерства, опираясь на легализованные религиозные ордены и общины и социально зависимую от них разросшуюся паству, включая учащуюся бедноту, исламисты уже спустя несколько месяцев перестали осознавать реальную степень влияния в турецком обществе, сочли свой успех на выборах историческим шансом для реванша шариата в Турции. Несомненно, сказалась и слабость гражданской власти, готовность уступок со стороны Партии отечества (ПО) и особенно младшего партнера новой коалиции – Партии верного пути (ПВП). Интересно, что даже Б.Эджевит утверждал, что Фетхулла-ходжа, проповедник и руководитель наиболее влиятельной пропагандистской системы исламизма в отличие от других исламистов не представляет угрозы светскому режиму.

Уместно отметить, что определенная растерянность светской элиты перед «победным шествием» исламистов определялась и тем обстоятельством, что западные страны и прежде всего США в своих требованиях демократизации турецкого общества предусматривали и модель «мягкого ислама», которая, как некоторым представлялась, начала реализовываться в стране Эрбаканом. Об этом много писали и пишут критики американского вмешательства в дела Турции, обвиняя американских специалистов по исламу в намерении постоянно прилаживать к турецкой действительности очередную исламскую модель. Ныне, после выхода из-под контроля модели по Эрбакану, уже ведутся разговоры об «исламской власти, признающей светскость». В связи с этим оживились визиты новых лидеров Фазилет в США⁸.

Главным оплотом бескомпромиссной позиции в деле отстаивания принципов кемалистского секуляризма осталась армия в лице ее официального верховного руководства, представленного прежде всего Генштабом. Военная верхушка использовала свое весомое представительство в Совете национальной безопасности страны (СНБ) и попыталась остановить «победное шествие» на пути легального захвата власти исламистами. 28 февраля 1997 г. армейские представители в Совете во главе с начальником Генштаба решили «дать бой» Рефах, обвинив ее руководство (Н.Эрбакан присутствовал на этом заседании), по сути, в заговоре против светской республики. Поводов за несколько месяцев набралось немало, одним из последних стало участие иранских дипломатов на одном антиправительственном собрании исламистов. Перед заседанием СНБ распространились даже слухи об угрозе военного переворота. В связи с этим якобы С.Демирель обратился с письмом к Эрбакану умерить пыл. Сообщалось также, что Чиллер было предложено выйти из правительственной коалиции. На самом заседании, помимо других, в качестве свидетельства реакционной деятельности исламистов был показан видеофильм об одном из занятий на частных курсах по изучению Корана. Учащиеся курсов якобы по очереди подходили к бюсту Ататюрка и плевали на него⁹.

Итоги заседания СНБ не сразу стали достоянием СМИ, лишь позже стало известно, что принятые на нем решения представляли из себя чрезвычайно важную и срочную программу мер по пресечению сползания Турции к шариатскому режиму. В них указывалась необходимость совершенствования законодательства, касающегося защиты светских принципов. Предлагалось властям применить положения закона 1924 г. о единой системе образования в стране под контролем министерства просвещения, передать под этот контроль принадлежащие орденам частные интернаты, фонды и школы, ввести повсеместно обязательное 8-летнее образование, законодательно усовершенствовать систему контроля министерства просвещения над курсами Корана. Властям рекомендовалось способствовать подготовке таких кадров служителей ислама, которые «преданы принципам кемализма» и служили бы единению общества, а не его «поляризации». Серьезным требованием был пункт программы, ставивший вне закона большинство религиозных орденов: «Необходимо положить конец деятельности орденов и других учреждений, запрещенных по закону 677». (Кемалистский закон 1925 г. о запрете орденов и других культовых учреждений). В ряде пунктов содержались предложения о контроле над теми СМИ, которые сеют враждебность верующих к армии, о недопущении льготного приема на работу изгнанного из армии персонала в связи с его происламской деятельностью. Особо подчеркивалась необходимость мер против «разрушительной» происламской деятельности в Турции представителей Ирана. Последний пункт требовал «преследовать, согласно закону, действия, оскорбляющие Ататюрка»¹⁰.

Ответом на эти решения стало тщательно организованное массовое выступление сторонников шариата, которое можно оценить как кульминацию открытого массированного давления на светскую элиту и светский правопорядок в стране. 11 мая в Стамбуле на площади Султанлахмет по инициативе 142-х исламских организаций, прежде всего Рефах, при активном участии некоторых ее лидеров, депутатов, учащихся и преподавателей школ имамов-хатибов состоялся 30-тысячный митинг сторонников исламистского пути Турции. Журналисты отмечали раздельное присутствие на митинге множества женщин в черных одеяниях, бородатых мужчин, мальчиков 5-6 лет с чалмой или тюрбетейкой на голове. Приводилось содержание некоторых лозунгов на плакатах: «Прочь руки от школ имамов-хатибов», «Шариат или смерть», «Долой диктатуру», «Кемалистская диктатура – израильская марионетка». На некоторых зеленых знаменах по-арабски было написано: «Здесь Турция, а не Израиль», «Руки прочь от имама». Как сообщалось в «Джумхуриет», при упоминании выступающими Ататюрка слышен был гул недовольных голосов. Один из депутатов от Рефах, Хатипоглу, в своем выступлении потребовал защитить школы имамов-хатибов, требовал к ответу генерала Чевика Бира, главного участника переговоров с Израилем о военном сотрудничестве, кричал: «Турция не будет Израилем, да здравствует шариат, если потребуется, ударим и кулаком»¹¹.

Устроенный исламистами митинг напугал многих, даже сочувствующих исламистам, вызвал шок в кругах светских интеллектуалов, о чем свидетельствовали комментарии к информации и снимкам. После этого события армейская верхушка усилила давление на гражданскую власть, выступила с публичными разоблачениями исламистов. Да и светская неправительственная элита, правовые органы, СМИ подняли тревогу¹².

21 мая 1997 г. главный прокурор Кассационного суда Турции Вурал Саваш обратился с иском в Конституционный суд с требованием закрыть Партию благополучия – главного участника правительственной коалиции. Более чем на ста страницах иска излагались многочисленные нарушения Эрбаканом и другими лидерами партии законодательства страны по вопросам светскости во время их пребывания в правительстве, работы в парламенте. В заключении подчеркивалось, что «ни разу за всю историю Турецкой республики она не сталкивалась с такой опасностью реакции («иртиджа»), как теперь». Летом 1997 г. правительство Эрбакана ушло в отставку, его сменило новое коалиционное светское правительство во главе с лидером Партии отечества М. Йылмазом.

Приговор Конституционным судом был вынесен 22 февраля 1998 года, принятое им постановление о закрытии ПБ вступило в силу. Н. Эрбакан и еще пять руководителей партии были лишены депутатской неприкосновенности, самому лидеру к тому же было запрещено заниматься политической деятельностью и создавать политическую партию. На 329 страницах решения можно было найти немало положений, аргументирующих закрытие Рефах. Утверждалось, что Н.Эрбакан «безусловно в течение 28 лет остается последователем шариата», что он «призывал к строю,

основанному на религии». Не оспаривая неприкосновенность депутатов ПБ, документ подчеркивал, что «партия в качестве юридического лица не может пользоваться такого рода защитой... Партии не могут стремиться к учреждению государственного строя, порождающего религиозный раскол..., не могут опираться на религии, секты и учения, использовать соответствующие названия. Социальные, политические, правовые основы государственного режима даже частично не следует приспосабливать к религиозным верованиям и принципам». В решении отмечалась значимость для Турции светскости. Принятие этого принципа «разрушило средневековый догматизм, обеспечило преимущество разума, значимость науки, утвердило в качестве жизненного принципа цивилизацию, гарантирующую развитие свободы и демократии, национальное развитие, независимость, власть нации, гуманистических идеалов».

Отмечалось, что событием стали следующие слова Эрбакана: «Эта партия – исламистская армия джихада. Всеми силами вы должны стараться ради этой армии». В документе были приведены и другие высказывания представителей руководства партии, направленные против нынешнего конституционного режима, в поддержку шариата, например, следующая угроза депутата от ПБ Халиля Челика: «Если вы при власти Партии благоденствия закроете школы имамов-хатибов, прольется кровь, будет хуже Алжира». Министр юстиции от ПБ заявлял: «Мы принудительно сделаем интеллигенции инъекцию шариата»¹³.

Военные продолжали оказывать активное давление на власть и позже, уже на коалиционное правительство Месута Йылмаза. Весной 1998 года нажим на правительство и на самого премьер-министра Йылмаза заметно усилился и на одном из заседаний парламентской группы ПО премьер, не выдержав, попытался указать военным на то, в чем состоят их обязанности. Он заявил, что «борьба с реакцией – обязанность правительства», что «я не поручал армии принять меры против реакции», «пусть военные занимаются своим делом» ...Слова Йылмаза были немедленно размножены турецкими СМИ, военное руководство сразу же подготовило резкое заявление – «Обращение» к нации, которое было опубликовано 21 марта 1998 года и немедленно названо в СМИ новым меморандумом военных властям. В нем, в частности говорилось о том, что «никто, какой бы пост он ни занимал и какие бы обязанности он ни выполнял, не может выступать и действовать таким образом, чтобы бросить тень на ТВС или заподозрить их в нарушении своих обязанностей в отношении безопасности страны, борьбы с сепаратизмом и реакцией... ТВС – не угроза для нашей страны, как утверждает в некоторых безответственных заявлениях, а гарантия ее безопасности»¹⁴. Это Обращение Генштаба к общественности вызвало переполох в политических кругах страны. Начали возникать вопросы – «не произошел ли военный переворот, не уходит ли М.Йылмаз в отставку»? Только к полуночи стало ясно, что никакого переворота нет, а есть обращение к общественности¹⁵.

Продолжающийся нажим военных на правительство сопровождался многочисленными комментариями по поводу того, что решения 28 февраля «не выполняются», что сторонники шариата создали и сохраняют собственные партии, вакуфы, школы, холдинги и убеждены, что смогут разрушить республику, ориентированную на светскость и демократию. Видный экономист, представитель левоцентристских кругов Якуб Кепенек писал, что только левая НРП открыто выступает против политизации ислама. Все остальные партии смотрят на количество голосов, которые могут получить благодаря поддержке исламистов. По мнению Кепенека, нынешняя политизация ислама отличается по ряду признаков от прежней. Политический ислам все более множится, дробится внутри себя – от мягких вариантов до крайней жестокости, от скрытого арабского до открытого турецкого национализма. «Он не в состоянии по своей сути открыть перед обществом новые перспективы, комплексную экономическую, социальную, политическую и культурную программу 21 века». Кепенек утверждал далее, что «политический ислам с каждым днем все стремительнее берет в свои руки управление обществом. При открытой поддержке правительственных чиновников государственные структуры передаются шариатским кадрам. Практика свидетельствует, что это происходит повсюду – от образования до безопасности, от здравоохранения до постов вали и каймаков. В последнее время стало очевидным еще одно явление – духовная жизнь Турции в своей основе все более тяготеет к исламу. Интеллектуальная среда представлена прежде всего шейхами тарикатов либо духовными наставниками. Партии понимают, что без светскости не может быть демократии, но годами затягивают трансформирование этого в практику. В таких условиях общество никак не может избавиться от схемы «штык или реакционность»¹⁶.

Приводя некоторые подробности упомянутого заседания СНБ, пресса комментирует доклад на нем так называемой Западной рабочей группы, созданной при Генштабе. В нем поставлены вопросы о тюрбане, проникновении реакционеров в государственные кадры, о финансовых источниках, о положении в системе образования, о группе Фетхуллага Гюлена. Относительно Ф.Гюлена отмечено, что «община представляет собою тайную угрозу светскому режиму», «она завершила свое утверждение в органах безопасности и стремится превратить полицию в альтернативу армии»; «обладает готовыми управленческими кадрами, хорошо подготовленным составом, это прекрасно организованная группа». Контролируемые Ф.Гюленом школы по своему значению составляют альтернативу министерству национального образования¹⁷. В газете «Джумхуриет» обозреватель Четинкая, давно наблюдающий в печати за деятельностью Ф.Гюлена, считает, что с уходом правительства Эрбакана – Чиллер проблема шариата не решена. И Месут Йылмаз, и его заместители по коалиции «не замечают влияния во всех государственных организациях сторонников Фетхуллага, оказывают им всяческое расположение..., сдувают с них пылинки...» Между тем эти люди «представляют одну из ветвей нурджиз-

ма, заложившего динамит в фундамент светской демократической республики»¹⁸. В той же газете также упоминается, что представители военных в Совете национальной безопасности подготовили досье по обществу Фетхуллага Гюлена. «Обращено внимание на то, что цель Гюлена, действующего закулисно и в стране, и за границей в качестве лидера мусульман всего мира, – шариатское государство». Согласно этим материалам, «Фетхуллаг Гюлен и его группа преуспели в создании внутри и вне страны громадной организации, претендуют на лидерство в мировом мусульманстве». В перспективе Фетхуллаг Гюлен «поставит Турецкую республику в трудное положение и осуществит личное религиозное лидерство, которое будет невозможно увязать с демократическими светскими принципами». В докладе отмечается, что Фетхуллаг Гюлен осуществляет контроль над 9 отдельными группами нурджистов, в его распоряжении 90 вакуфов, 103 частные школы, 211 фирм, 460 учебных залов, и около 500 очагов для учащихся. Сообществу подконтрольны 14 журналов, 1 газета, 1 телекомпания и 2 радио¹⁹.

Круг организаций и партий, поддерживающих армию в ее борьбе с антиконституционным исламизмом, заметно сужался по мере приближения выборов, назначенных на апрель 1999 г. В самом же армейском руководстве решено было даже внести изменения в концепцию национальной военной стратегии, пересмотреть школьные учебники. По таким темам, как национальная безопасность, турецкий язык и литература, история революции, социология, география, религиозная культура и мораль, история религий, иностранный язык будут усилены акценты на кемализм, светскость и реакционность («иртиджа») ²⁰.

Новая происламская партия Фазилет, заполучив от запрещенной Рефах всех ее депутатов в парламенте, уже в августе 1998 г. начала переговоры о создании предвыборной коалиции между Фазилет и Партией верного пути с привлечением нескольких мелких партий. Руководство двух партий соглашалось с тем, что между ними нет подлинного доверия друг другу, однако интересы демократии требуют создания сотрудничества «перед давлением военных, Партии отечества и левого союза». Н.Эрбакан в связи с этим высказал убеждение, что такая коалиция сможет получить 65% голосов избирателей²¹.

О сохраняющемся расколе в обществе перед выборами напоминал президент страны С.Демирель: «Предвыборная пропаганда, эксплуатирующая религию и сеющая вражду против армии, вышла за рамки конституционных границ и заставляет государство принимать меры. Не может быть позволено покончить со светской демократической республикой, вытравить принципы, на которых она существует»²².

Итоги парламентских выборов 18 апреля 1999 г. свидетельствовали, что острый политический кризис, вызванный исламистами в 1997 году, возникшее в связи с этим глубокое противостояние в обществе, обнаружение негативных фактов, касающихся и Рефах, и религиозных орденов, подтверждавших стремление исламистских радикалов подорвать

светский режим в стране, – все это заметно сказалось на настроении избирателей. Как признавалось в одном турецком журнале, «нашему обществу не слишком улыбалась атмосфера политической дестабилизации, угрожавшей уже самому режиму, – оно уже достаточно натерпелось от всего этого»²³. Фазилет, преемница запрещенной Рефах, утратила свое лидерство в меджлисе, получив 15,4% голосов и оказавшись на третьем месте по числу депутатских мест.

Сохраняя ту же последовательность, какая была в предыдущем парламенте, в новом парламенте за Фазилет идут ее недавние соперники-союзники – Партия отечества (четвертое место, 13,2% голосов) и Партия верного пути (пятое место, 12 %). В лидеры нового парламента вышли Демократическая левая партия во главе с Б.Эджевитом, премьером переходного правительства (22,2%), и Партия националистического действия во главе с новым, после смерти А.Тюркеша, лидером Девлетом Бахчели (18%). Турецкая печать оценила успех этих двух партий как успех турецкого национализма и слева, и справа. Нет сомнения, этим двум партиям достались голоса тех представителей электората, которые ранее верили лозунгам социальной справедливости партии Эрбакана.

Можно считать, что выборы сняли остроту конфликта, но противостояние между исламистами и светским большинством общества сохраняется, поскольку живы его социальные корни и политические амбиции исламистских радикалов. Левая печать, например, считает, что убийство уже после выборов двух активных сторонников демократии, светскости, Шюкрю Демиркюрека, члена общества идей кемализма, и известного публициста Ахмеда Танера Кышлалы – дело рук террористов-исламистов. Поэтому вновь, уже который раз президент С.Демирель вынужден был повторить после выборов, что в Турции «не будут допущены сепаратизм и эксплуатация религии»²⁴. Начальник Генштаба Х. Кыврыкоглу заявляет, что «процесс, начатый 28 февраля 1997 года, не завершен. Некоторые из принятых тогда важных решений не стали законами»²⁵. Прокуратура Турции начала расследование антиконституционной деятельности религиозного сообщества Фетхуллага Гюлена²⁶. Судебные власти страны продолжают расследовать события, связанные с деятельностью активистов запрещенной Рефах в период ее пребывания у власти. Более того, судебные инстанции возбудили дело и против Фазилет, подозревая некоторых ее деятелей, бывших членов Рефах, в стремлении покончить со светским режимом. В печати отмечается, что внутривнутрипартийная борьба в этой исламистской партии пока не завершилась Ш. Алтай спрашивает в «Миллиет»: «Будет ли Фазилет «мусульманской демократической партией», исповедующей моральные ценности Ислама и одновременно являясь принадлежностью светского демократического режима, основанного на правах и свободах человека, либо она останется политическим движением, который является источником серьезного беспокойства»²⁷.

Исследуя нынешнюю деятельность турецких радикальных исламистов, их цели, тесно связанные с глобальными претензиями воинствующе-

го исламизма, мы приходим к неизбежному выводу о том, что дело не ограничивается результатами активности лишь в самой Турции. Политизация ислама, сопровождаемая конфликтами даже с местными властями давно стала реальностью в среде турецкого и курдского населения в Западной Европе, прежде всего в Германии, где проживает большая часть турецких эмигрантов – примерно 2,5 млн. человек. По состоянию на 1996 год в Германии насчитывалось более двух тысяч мусульманских общин со своими мечетями, принадлежащих различным турецким исламским организациям. Как считает турецкий автор Метин Гюр, некоторые объединения турецких исламистов, даже находясь в развитой Европе, преследуют одну цель – «во имя Аллаха укрепить исламизм и установить его господство над всем миром». Он приводит слова одного из германских исламистов, директора исламского архива Германии Салима Абдуллаха, опубликованные в «Милли газете» 29 сентября 1990 года: «Почему в 60-е годы нашего времени житель Анатолии оказался в Германии? По-моему, на этот раз Аллах избрал рабочих-эмигрантов чтобы утвердить свою религию. То, что не сумели сделать в 17 веке турецкие войска под Веной и Нюрнбергом, успешно проделали простые люди, отправившись из Анатолии зарабатывать свой хлеб. Повсюду, где появляется мусульманин с Кораном, он одерживает победу. Поэтому возвратиться в Анатолию – значит вновь исламу отступить от западного мира»²⁸.

Другие исследователи проблемы турецкой эмиграции в Западную Европу Фарук Шен и Седеф Корай отмечали в 1993 году, что «турецкая, в известном смысле исламская культура сегодня заявляет о себе в Европе во всех сферах. Там имеются турецкие газеты, каналы ТВ на турецком языке, центры по образованию, исламские школы, спортивные общества, турецкие магазины и предприятия, политические организации...» Отмечая политическую пестроту турецких организаций в Европе, авторы признают, что наибольшего влияния добились исламские организации, имеющие свои турецко-исламские центры, в 1975 году объединившиеся в единый союз. Предположительно уже в конце 70-х годов до 100 тыс. турецких детей посещали курсы Корана. Среди действующих ныне в Европе турецких происламских организаций самой влиятельной является «Национальный взгляд. Европейское отделение» (АМГТ) известная своими связями с исламистами в Турции, с партией Рефах²⁹.

Автор книги о турецком национализме Поултон пишет, что информационная революция, ТВ и другие СМИ как элементы глобализации используются турецкими националистами для сохранения обособленности турок в Европе, создания некоего замкнутого мусульманского сообщества, напрямую связанного с Турцией. По его мнению, «хорошо финансируемые и политически окрепшие исламские группы ныне стали главными актерами «государства-родственника», причем со своей программой действий, которая часто не совпадает с государственной. Более того, имеются признаки того, что турецкое правительство проявляет настороженность в связи с ростом исламского тюркизма...Для турка за рубежом ислам – прежде

всего признак турецкой национальной идентичности. Для него полностью адаптироваться в германскую культуру было и остается делом трудно преодолимым»³⁰.

Такого рода факты позволяют понять некоторые причины задержки принятия «христианским миром» Турции в ЕС. Для немцев, прежде всего националистов, исламизм – это троянский конь. Любопытна информация по этой острой теме в газете Хюрриет. В ней сообщается о намерении властей земли Гессен в Германии прекратить субсидирование преподавания турецкого языка и ислама в немецких школах. Министр внутренних дел этой земли заявил, что он не хочет, чтобы жители Германии представляли из себя два общества с различными языками и разными религиями³¹.

Если активная деятельность турецких исламистов в Западной Европе среди своих сограждан началась давно, вслед за массовой эмиграцией турок в Европу, и лидерство в ней принадлежало соратникам Эрбакана, то в России и в других странах СНГ эта деятельность стала возможной после распада СССР и оживления гуманитарных и экономических связей Турции с каждой из стран СНГ. Лидерство же в ней оказалось в руках сторонников Фетхуллага Гюлена и примкнувших к ним светских политических лидеров, прежде всего Чиллер. Здесь вполне отчетливо и эффективно проявляется подчас не всегда видимый на практике исламо-турецкий синтез. В постсоветских условиях турецкий исламизм в духе Фетхуллага-ходжи проявил себя как факт односторонней благотворительности на ниве просвещения, т.е. там, где у себя в стране турецкие светские власти видят угрозу светскому режиму. Причем некоторые турецкие публицисты, политики, ученые отмечают активную поддержку этой благотворительной деятельности Соединенными Штатами и официальными турецкими властями. Проф. Акчин, например, считает, что открытие Фетхуллагом-ходжей 250 прекрасно оборудованных школ при поддержке США расширило географию нурджизма, а портреты Ататюрка вывешены в школах лишь для того, чтобы остался довольным турецкий МИД. США же поддерживают такое распространение нурджизма с тем, «чтобы вновь Средняя Азия не оказалась в объятиях России. Это – продолжение все той же прежней политики США, когда утверждалось, что ислам – лучшее лекарство от коммунизма»³². Аналогичная просветительская деятельность турок уже в Крыму описана А.Севастьяновым, зам. директора Института стран СНГ³³.

Нынешний опыт противостояния в Турции стал уроком для ее светских кругов, уверовавших первоначально в модель мягкого ислама в условиях демократизации и европеизации, для тех, кто хотел «приручить» радикальных исламистов, сделать их орудием исполнения своих политических амбиций внутри страны и националистических – в турецких государствах. Этот опыт приручения исламистов дорого обходится Турции. Не в восторге от итогов приобщения турецких радикальных исламистов в Европе – они так и не стали интегрированной частью европейского общества. Политический ислам в стране подрывает шансы Турции быть приня-

той в ЕС. Более того, активизация исламистов может стать внутренней угрозой для ЕС. Германия – за интеграцию турок в европейское общество, а не за сепаратное общество в нем. Турецкое исламистское просветительство на просторах бывшего СССР не приносит спокойствия Киргизии, Узбекистану, российскому Северному Кавказу, украинскому Крыму, наоборот, обостряются этнические и религиозные конфликты. Конфликт между гражданской властью и радикальным исламом стал острой проблемой в тюркских республиках СНГ.

¹ Sabah, 19.01.1997.

² *Bulut Faik*. Tarikat Sermayesinin Yükselişi. Ankara, 1995, № 369-372, 376, 392-401, 404 -407, 428-430.

³ Radikal, 15.01.1997.

⁴ Cumhuriyet, 11.05.1997, 19.06.1998; Dünya, 9.06.1998.

⁵ Turkey. Almanac 1995. Executive's Handbook. Istanbul, Intermedia, 1995, с. 75.

⁶ 24 Aralık 1995 Refah Partisi Seçim Beyannamesi. 1995, с. 1, 3, 4, 17, 19, 29.

⁷ Hürriyet, 29.03.1996.

⁸ Cumhuriyet, 15.11.1999.

⁹ Cumhuriyet, 28.02.97; Finansal Forum, 20.05.1997.

¹⁰ Milliyet, 25.09.1999.

¹¹ Radikal, 12.05.1998. Cumhuriyet, 12.05.1997. Radikal, 12.05.1997.

¹² Cumhuriyet, 19.04.1997.

¹³ Radikal, 23.02.1998.

¹⁴ Radikal, 21.03.1998.

¹⁵ Cumhuriyet, 22.03. 1998.

¹⁶ Radikal, 21.03.1998. Cumhuriyet, 23.03.1998.

¹⁷ Radikal 28.03.1998.

¹⁸ Cumhuriyet, 22.03.1998.

¹⁹ Cumhuriyet, 27.03.1998.

²⁰ Milliyet, 29.06.1998.

²¹ Hürriyet, Milliyet, 14.08.1998.

²² Milliyet, 31.08.1998.

²³ Finans Dünyası, İbâis, 1999, № 16.

²⁴ Sabah, 07.05.1999.

²⁵ Milliyet, 25.09.1999.

²⁶ Независимая газета, 18.11.1999.

²⁷ Milliyet, 09.11.1999.

²⁸ Gür, Metin. Serial ve Refah. İstanbul, 1997. № 8-10.

²⁹ Şen, Faruk ve Koray, Sedef. Türkiye'den Avrupa Topluluğu'na göç hareketleri. – Köln, 1993. – С. 128-132.

³⁰ Poulton, Hugh. Top Hat, Grey Wolf and Crescent. – N.Y. 1997. – С. 303, 305.

³¹ Hürriyet, 28.11.1999.

³² Cumhuriyet, 09.11.1999.

³³ Независимая газета, 22.09.99.

Н.Ю.Ульченко,
Кандидат экономических наук, ИВ РАН

РОЛЬ ЭКСПОРТА И ИМПОРТА ЭНЕРГОСЫРЬЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ И ТУРЦИИ

Специфика международной торговли энергоресурсами состоит в том, что ее коммерческий аспект тесно переплетен с политическим. Стабильный импорт энергосырья, особенно в условиях ограниченности собственных источников первичной энергии, является важнейшей гарантией национальной экономической безопасности. В то же время поставки нефти и газа, обеспечивая экономические и политические преимущества экспортерам, обостряют конкуренцию между ними. В результате торговля энергоносителями и ее перспективы играют значительную роль в системе как двусторонних, так и международных политических отношений.

Названные проблемы оказывают самое непосредственное воздействие на формирование внешней политики Турции и России, поскольку первая является крупным импортером сырья, а ее геополитическое положение открывает широкие перспективы для транзитной торговли нефтью и газом, тогда как для России важнейшей проблемой на настоящий момент, когда доля энергосырья в экспорте достигает 85%¹, является обеспечение новых рынков сбыта.

Торговые отношения России и Турции уже более десяти лет в значительной мере базируются на поставках российского природного газа. Соглашение о поставках природного газа из СССР в Турецкую Республику, будучи подписанным в 1984 г. сроком на 25 лет, действует с 1987 г.² Маршрут транспортировки газа проходит через территорию Украины, Румынии и Болгарии в европейскую часть Турции, а оттуда – к Анкаре.

На протяжении всего периода фактических поставок газа реализация соглашения была направлена на решение не только экономических, но и определенных политических задач советской, а впоследствии российской стороны.

На первом этапе, охватывающем несколько лет с момента подписания соглашения до распада СССР, оставались актуальными задачи, решение которых побудило советскую сторону к подписанию соглашения о поставках газа. Эти задачи были predeterminedены особенностями развития советско-турецкого экономического сотрудничества в 60-70-е годы. Когда в начале 60-х годов во внешнеполитической ориентации Турции стала прослеживаться более разносторонняя направленность, советская сторона поспешила воспользоваться этим для развития отношений с Тур-

цией – южным плацдармом НАТО, имевшим к тому же общую с СССР границу. Поэтому весьма важным представлялось создать своего рода стратегический противовес в турецкой внешней политике, который по мере сил и возможностей советской стороны уравнивал бы оставшееся по-прежнему тесным политическое и экономическое сотрудничество Турции с Западом. При этом предполагалось, что в структуре советско-турецких отношений непременно должна присутствовать экономическая составляющая, поскольку политическое сближение Турции с западными странами во многом основывалось на различных формах их финансово-экономической помощи. В результате в 1967 г. СССР и Турция подписали соглашение о поставках оборудования, материалов и оказании Советским Союзом Турции услуг по строительству некоторых промышленных предприятий и условиях их оплаты³. Что касается последнего пункта, то турецкой стороне были предоставлены целевые льготные кредиты на сооружение согласованных промышленных объектов. Льготные условия кредитов предусматривали начисление невысоких процентов по ним, а также особую форму погашения: турецкая сторона должна была расплачиваться поставками своих экспортных товаров. Таким образом, СССР фактически вступил в экономическую конкуренцию с Западом, прежде всего США, за результативность политического сотрудничества с Турцией. Данный факт предопределил появление исследований турецких экономистов и политологов, в которых детально сопоставлялись преимущества и недостатки технико-экономического сотрудничества Турции с каждой из сверхдержав⁴. Стратегия турецкой стороны состояла в максимально выгодном для себя балансировании между двумя центрами мировой политики.

В целях получения долгосрочных политических выгод посредством развития технико-экономического сотрудничества с Турцией советская сторона действовала в рамках сложившейся к тому времени государственной концепции экономического сотрудничества с развивающимися странами. Поэтому соглашение 1967 г. концентрировалось на сооружении крупных промышленных предприятий, исключительно для государственного сектора турецкой экономики. Что касается их отраслевой специализации, то абсолютное предпочтение отдавалось объектам тяжелой промышленности. В результате выполнение соглашения 1967 г. приблизило достаточно ограниченный внутренний рынок страны к исчерпанию емкости по насыщению соответствующими видами продукции. Поэтому впоследствии Турция нуждалась лишь в расширении некоторых из построенных объектов, но не в сооружении новых. К тому же наметившееся ослабление интенсивности технико-экономического сотрудничества сторон неудачно совпало с периодом энергетических кризисов 70-х годов, весьма глубоко поразивших экономику Турции. И совсем уж невозможным использование прежних форм сотрудничества сделало принятие Турцией в начале 80-х годов в рамках антикризисной программы новой стратегии экономического развития, нацеленной на расширение использования рыночных факторов и на замещение в промышленности государственного сектора частным.

Таким образом, сложившийся инструментарий технико-экономического сотрудничества, который в 60-70-е годы довольно успешно использовался для стабилизации политических отношений с Турецкой Республикой, устарел, но осталась задача поддержания экономической заинтересованности Турции в СССР для обеспечения внешнеполитической лояльности турецкой стороны. Поэтому направление, которое могло бы экономически заинтересовать Турцию, предстояло найти заново. Это удалось успешно сделать, предложив долгосрочные поставки советского природного газа. Дабы укрепить заинтересованность Турции в закупках энергосырья из СССР, в текст соглашения была включена статья, в которой говорилось, что «советские внешнеторговые организации будут использовать выручку от экспорта в Турецкую Республику природного газа в основном на закупку на коммерческих условиях турецких товаров, исходя из возможностей турецкой стороны и потребностей советских внешнеторговых организаций»⁵, что и происходило на практике до окончания существования СССР.

После распада Советского Союза Российская Федерация подтвердила намерение продолжать экспорт газа в Турцию, но при этом всячески уклонялась от предоставления турецкой стороне прежних льгот по оплате газа⁶. Перестройка системы внешней торговли России, которая в значительной своей части сводилась к переориентации внешнеторговых связей с обслуживания внешнеполитических интересов государства на преимущественно коммерческие цели конкретных предприятий и фирм, лишила турецкую сторону надежды на сохранение компенсационной формы оплаты газа. В результате Турция была вынуждена принять фактический переход на новые платежные условия, хотя он и не был официально согласован сторонами. Таким образом, второй этап действия соглашения о газе, теперь уже между Российской Федерацией и Турецкой Республикой, ознаменовался его превращением из соглашения политико-стратегического в коммерческое.

Конец 1997 г. положил начало новому периоду в истории экспорта российского газа в Турецкую Республику. Относительная стабильность, обретенная Европой и Центральной Азией после геополитических потрясений начала 90-х годов, и следовавшее затем обозначение контуров внешнеполитических интересов старых и новых субъектов мировой политики потребовало от России более четкого определения и последовательной защиты на международной арене своих внешнеполитических и экономических целей. Настал момент и для определения перспектив России в связи с обсуждением проектов транспортировки каспийской нефти на мировые рынки. Реализацию проекта, являвшегося оптимальным с точки зрения российских интересов, а именно: транспортировка нефти по существующей системе российских нефтепроводов к российскому порту Новороссийск, а далее по морю, на широкий международный рынок, – очень осложнил демарш Турции по ограничению движения нефтеналивных судов через Босфор и Дарданеллы. Российская сторона, считая весьма сомнительной экологическую мотивировку мер по изменению порядка дви-

жения транспорта через проливы, убеждена, что прежде всего они нацелены на то, чтобы сместить акцент в пользу проекта транспортировки нефти Каспия через территорию Турции.

Поскольку носившее довольно напряженный характер выяснение проблемы черноморских проливов по дипломатическим каналам не дало удовлетворительных результатов, российское руководство, по-видимому, решило вспомнить старый опыт урегулирования политических отношений с Турцией посредством расширения экономического сотрудничества. В декабре 1997 г. в Турецкую Республику с визитом прибыл российский премьер-министр В.С.Черномырдин. Официально цель визита состояла в подписании весьма обширного пакета экономических соглашений, в том числе и нового, в дополнение к уже действующему, соглашения о поставках российского природного газа в Турецкую Республику через акваторию Черного моря с выходом в перспективе, после 2009 г., на ежегодный объем поставок 16 млрд. куб. м в год⁷. (По ныне действующему газопроводу Турция получает из России 6 млрд. куб. м в год)⁸. Новый газовый проект получил название «Голубой поток». Подписав соглашение, российская сторона пошла навстречу давнему желанию Турции о расширении объемов поставок газа. По всей видимости, перспектива расширения поставок газа была предложена турецкой стороне в обмен на ее уступки в вопросе о бесценом вывозе каспийской нефти из российского порта Новороссийск через Черноморские проливы в Средиземное море.

Правомерность предположения о том, что новый экономический проект был предложен Россией Турции в обмен на уступки по вопросу о проливах подтверждает активное обсуждение политических проблем двусторонних отношений, на фоне которого происходила подготовка к визиту, равно как и само подписание экономических соглашений. Газета «Türkiye» со ссылкой на российскую газету «Республика» привела перечень политических вопросов, которые В.С.Черномырдин выделил накануне визита в Анкару как требующих решения. Помимо проблемы проливов и транспортировки нефти, в списке также фигурировали проблемы Кипра, операция турецких войск в Северном Ираке, курдский вопрос и позиция Турции по российской ближневосточной политике. Причем в интерпретации упомянутой турецкой газеты данные проблемы фигурировали как такие, по которым Черномырдин собирается оказать давление на Анкару⁹. Еще более красноречиво выглядит то обстоятельство, что накануне визита в Турцию В.С.Черномырдин через Интерфакс передал заявление, адресованное официальной Анкаре, в котором принятый ею новый регламент движения транспорта через проливы расценивался как односторонний шаг турецкой стороны, с которым Россия не согласна. Данный регламент, – говорилось в заявлении, – противоречит международной Конвенции, принятой в Монреале в 1936 г., которая предусматривает свободное движение торговых судов через проливы. Отметив, что Россия готова к продолжению диалога с Турцией по данной проблеме, российский премьер подчеркнул, что весьма вдохновлен дошедшей до него информацией о том, что турецкая

сторона, приняв во внимание трудности России, готова произвести некоторые изменения в регулировании движения транспорта через проливы. «Если в этой области будут обеспечены какие-либо изменения, мы будем чрезвычайно довольны»¹⁰ – заявил он.

Заслуживает внимания и другое высказывание главы российского правительства, которое со ссылкой на российскую газету «Республика» привела газета «Türkiye» накануне прибытия В.С.Черномырдина в Анкару: «Россию невозможно вытеснить из проектов транспортировки кавказской и центральноазиатской нефти. Поэтому в выигрыше окажутся государства, которые будут сотрудничать с Москвой»¹¹. Показательно и заявление В. С. Черномырдина, сделанное уже в ходе визита, о том, что тесные экономические отношения между двумя странами сыграют свою роль в нормализации их политических отношений¹².

Таким образом, главное политическое требование Москвы состояло в пересмотре Турцией позиции по Черноморским проливам. В число важнейших экономических средств его проведения в жизнь вошло новое соглашение о поставках газа в Турецкую Республику.

Статья 4 соглашения оговаривает, что природный газ, поставляемый из РФ в Турцию, не может быть экспортирован в третьи страны без взаимной договоренности сторон, однако статья 5 предусматривает, что стороны могут рассмотреть возможность поставки газа из Турции в третьи страны с учетом взаимных интересов¹³. Тем не менее, на момент подписания соглашения главный акцент был сделан не на перспективах его превращения в международное газовое соглашение, а, скорее, на удовлетворение потребности Турции в дополнительном объеме импортного энергосырья, что подчеркивается и в самой преамбуле документа. Подписание соглашения в ней мотивируется целями расширения торгово-экономических отношений между двумя странами и *обеспечения потребностей Турции в природном газе*¹⁴ (курсив наш).

То обстоятельство, что «Голубой поток» может и должен быть реализован как проект доставки российского газа на географически гораздо более широкие рынки, а именно рынки южной Европы и даже Ближнего Востока, стало ясно в течение 1998-1999 г. Поводом для подобной переоценки стал переход в реальную плоскость реализации проекта газопровода, который обеспечит доставку газа в Турцию из Туркмении. В феврале 1999 г. в Ашхабаде было подписано соглашение о создании консорциума по строительству и эксплуатации Транскаспийского газопровода из Туркмении через Азербайджан и Грузию в Турцию¹⁵. Этот проект, еще пять лет назад задумывался как проект транспортировки туркменского газа через территорию Турции или Ирана в Европу. Его иранский вариант не вызвал поддержки США, тогда как турецкий, предусматривающий доставку газа по дну Каспийского моря, представлялся весьма перспективным. Реализация проекта позволит положить конец ситуации, когда единственным способом экспорта газа Туркменией остается его транспортировка по системе российских газопроводов. Следовательно, можно будет говорить и о бо-

лее или менее окончательном выходе Туркмении из-под влияния России. На церемонии подписания соглашения о строительстве транскаспийского газопровода специальный советник президента и госсекретаря США по вопросам энергетики Каспийского бассейна Ричард Морнингстар подчеркнул, что «проект станет крупным шагом в укреплении независимости Туркмении»¹⁶. Очевидно, в первую очередь имелась в виду независимость от России и российского «Газпрома».

Серьезность намерений Туркмении использовать турецкую территорию для транзитных поставок газа, видимо, актуализировала значение более широких, чем мыслилось первоначально, геополитических перспектив нового газопровода в Турцию и для России. Следует учесть и то, что рассматриваемые сегодня как наиболее вероятные маршруты транспортировки каспийской нефти не отвечают интересам России, несмотря на принятые ею усилия для того, чтобы отстоять возможности вывоза данного вида энергосырья через свою территорию. Таким образом, в конце 90-х годов перспективы поставок газа в Турцию вновь оказались связанными для России с попытками решения важных геополитических задач.

Председатель правления ОАО «Газпром» Рем Вяхирев, выступая на состоявшихся в сентябре 1999 г. парламентских слушаниях «Об участии России в международных инвестиционных проектах», отметил особую важность проекта «Голубой поток» в проектах расширения экспорта российского газа: его реализация позволит обеспечить как минимум двойное увеличение поставок на турецкий рынок и одновременно диверсифицировать транспортные маршруты с выводом напрямую в Турцию, минуя третьи страны. Вместе с тем Р.Вяхирев отметил опасность конкуренции поддерживаемого США Транскаспийского газопровода. «В результате конкуренции этих двух проектов – заявил он – выиграет тот, кто стартует первым. В случае если выиграет Транскаспийский газопровод, будут открыты ворота для поставок как туркменского газа, так и газа из других государств этого региона. Общие потери российских экспортных объемов в течение 15-20 лет могут составить порядка 800 миллиардов м³ газа на сумму свыше 60 миллиардов долл.»¹⁷. И если сам Вяхирев не уточнил, куда ведут упомянутые им ворота, то председатель подкомитета Госдумы по топливным ресурсам В.Язев прямо заявил: «Экономическое присутствие на территории Турции предоставит нам широкие возможности для проникновения на рынки Южной Европы»¹⁸. Таким образом, на сегодняшний день сторонники проекта подчеркивают его способность обеспечить России как экономическую, так и масштабную геополитическую выгоду.

Какова же позиция Турции по вопросу о реализации двух возможных проектов доставки газа на свою территорию?

Турецкая сторона неизменно подчеркивает важность проекта «Голубой поток» в рамках торгово-экономических связей с Россией. Возникшее было в ходе визита в Россию в ноябре 1999 г. премьер-министра Турции Б. Эджевита сомнение по поводу дальнейшей судьбы соглашения (дело в том, что протокол о его реализации в ходе визита так и не был подписан) разреши-

лось подписанием соответствующего документа в первых числах декабря 1999 г.¹⁹ При этом если для России в числе прочих важен и факт усиления энергетической зависимости Турции, то турецкая сторона обращает внимание на обратную сторону последствий, к которым приведет реализация нового газового проекта: «В начале 2000-х годов Турция станет вторым рынком природного газа после Германии. И хотя это фактор, показывающий, насколько Турция зависит от России, зависимость в не меньшей мере распространяется и на Россию: чтобы не упустить в перспективе такой важный рынок, Россия вынуждена будет с пониманием относиться к интересам Турции» – отмечалось в подготовленном по заказу Союза промышленников и бизнесменов Турции исследовании «Основополагающие проблемы в отношениях Турции и России и пути их разрешения»²⁰.

Вместе с тем представители некоторых деловых кругов страны выражают обеспокоенность в связи с перспективами расширения закупок газа из России. Так, еще в ходе подготовки проекта «Голубой поток» представители турецкой компании «Боташ», осуществляющей транспортировку природного газа по территории Турции, призвали пересмотреть готовящееся соглашение в направлении снижения объема закупок. Реализация соглашения, подчеркивали они, превратит Россию, которая будет обеспечивать около 60% энергетических потребностей Турции, в монополиста, а потому его подписание окажется «стратегической ошибкой Анкары»²¹.

Мысль о необходимости диверсификации поставщиков газа высказывалась представителями турецкого делового мира и в менее конъюнктурной ситуации еще за несколько лет до начала обсуждения в практической плоскости проекта «Голубой поток». Так, председатель действовавшего после распада СССР Делового Совета Турция-СНГ Нихат Гёкйигит, комментируя проблему перспектив импорта газа Турецкой Республикой, наряду с дополнительными закупками газа из России (тогда еще обсуждалось две возможности: через газопровод по дну Черного моря или же через территорию кавказских государств, используя уже существующие системы газопроводов) отмечал важность перспектив импорта газа из Турции, Ирана, Египта, Катара, Ирака²².

Проблему обостряет и периодическое повторение ситуации, когда Турция сталкивается с энергетическими проблемами в связи с недополучением газа по действующему газопроводу из России. Подобная ситуация возникла и в начале декабря 1999 г. Комментируя ее, министр энергетики и природных ресурсов Турции Дж.Эрсюмер подчеркнул: «Если бы количество и давление газа на выходе из России и при входе в Турцию оставались неизменными, не возникало бы никаких трудностей с энергообеспечением»²³. Речь идет об уменьшении давления при проходе газа через территорию Украины, где периодически неправомерно используется топливо, транспортируемое в Турцию. Как способ решения проблемы Эрсюмер указал на необходимость подключения Турции к новым газопроводам, правда, доставляющим газ как из России, так и из Туркмении²⁴.

Однако если исходить из необходимости более глубокой географической диверсификации импорта газа в Турцию, то следует признать, что наиболее близкими к возможности практической реализации являются его закупки в Туркмении.

Определенное значение для Турции, очевидно, имеет и негативная реакция туркменской стороны в связи с сохраняющейся, на ее взгляд, до сего дня неопределенностью будущего газопровода в Турцию. Из республик Центральной Азии Туркмения более всех других проявляет стремление к сближению с Турцией. То, что раздражение туркменской стороны достигло критического уровня, убедительно продемонстрировал состоявшийся в начале октября 1999 г. визит министра энергетики Турции Дж. Эрсюмера в Ашхабад, где, по свидетельству турецкой прессы, он испытал самые разнообразные формы давления Туркменбаши: от его отказа участвовать в официальном обеде в честь турецкой делегации до заявлений о том, что если Турция опоздает (поскольку переговоры о поставках туркменского газа не могут завершиться конкретными результатами вот уже восемь лет), то Туркмения может продавать газ и России, и Ирану, и что турецкие политики не думают о потребностях своего народа, так как все еще не делают выбор между российским газом, стоимость которого составит 114 долларов за тонну, и туркменским, который мог бы продаваться по цене 70 долларов²⁵. В результате Эрсюмеру пришлось дать многократные разъяснения в турецкой прессе о том, что цена, заявленная Туркменбаши, и цена, фигурирующая в соглашении, подписанном между Турцией и Туркменией, различны и что президент Туркмении, по всей видимости, имел в виду цену, которую туркменская сторона может предложить консорциуму по строительству газопровода, но не цену получения газа в Турции²⁶. Из интервью Эрсюмера, опубликованного в газете «Finansal Forum» от 9 октября 1999 г., следует, что в Ашхабаде Эрсюмер был вынужден оправдываться и по поводу состоявшегося несколькими неделями ранее своего визита в Москву, о котором, с его слов, Туркменбаши был неправильно информирован. Как заявил Эрсюмер, в настоящий момент Турция испытывает потребность в импорте газа в объеме 10 млрд. м³. С Россией была достигнута договоренность об увеличении объема импорта по существующему газопроводу до 8 млрд. м³. Однако в силу различных трудностей в 1999 г. объем поставок составит лишь 7 млрд. м³. Увеличение поставок газа посредством модернизации действующего на настоящий момент газопровода и было предметом обсуждения в Москве. Необходимый уже сегодня Турции газ никак не может быть закуплен в Туркмении, поскольку на настоящий момент не существует газопровода, соединяющего две страны, – убеждал читателей газеты и, видимо, туркменскую сторону Эрсюмер. При этом, как следует из материалов турецкой прессы, в ходе визита Эрсюмер неоднократно заверил своего партнера по переговорам в том, что для его страны проект туркменского газа имеет первостепенное значение²⁷.

Среди факторов, обеспокоивших президента Туркмении, фигурировали и упомянутые выше слушания в Российской думе по проблемам про-

екта «Голубой поток», имевшие целью создать благоприятные налоговые условия для его реализации. Российская сторона, в свою очередь, не оставила незамеченными «ценовые маневры» Туркменбаши. Именно во время пребывания Эрсюмера в Туркмении Р.Вяхирев предложил создать международную организацию ведущих экспортеров газа с целью повышения цен на данный вид энергосырья. С этим предложением он выступил в Париже на конференции глав европейских компаний газовой промышленности. Участвовать в обсуждении предложения Р.Вяхирев пригласил представителей Норвегии и Алжира²⁸. Таким образом, то, что Россия и Туркмения рассматривают друг друга как непримиримых конкурентов на турецком и региональном рынках газа, не вызывает сомнения. Именно с этой же точки зрения проблема анализируется и российской прессой.

Как же в этих условиях следует расценивать позицию Турции? Следует ли из сказанного, что она находится в состоянии опасного балансирования между двумя противниками, из которых победить суждено лишь одному? По всей видимости, нет. Намерения Турции не простираются дальше выгодного для себя использования создавшейся конкурентной обстановки в вопросе о цене газа, что и дал понять министр энергетики Турции Джумхур Эрсюмер в ходе визита в Ашхабад: в беседе с Туркменбаши он подчеркнул, что турецкая сторона будет закупать газ там, где он окажется «на лиру дешевле»²⁹. В остальном официальная и неоднократно подтвержденная позиция турецкой стороны состоит в намерении закупать газ как по новому газопроводу из России, так и из Туркмении, что, кстати, отвечает ранее упомянутой концепции географической диверсификации импорта при росте объема закупок из РФ. Президент Турции Сулейман Демирель в беседе с корреспондентами по окончании своего однодневного визита в Азербайджан в начале октября 1999 г. отметил необоснованность российской оценки туркменского газопровода как снимающего с повестки дня новый газопровод из России. «Мы будем получать газ ото всех, кто его имеет»³⁰. Подобным же образом Министр энергетики и природных ресурсов Турции Дж. Эрсюмер в беседе с Туркменбаши подчеркнул, что газ, который планируется закупать в России, не нанесет вреда проекту газопровода из Туркмении³¹. Свои намерения Турция мотивирует довольно часто приводимыми в печати оценочными данными о своей потребности в газе к 2010 году. Диапазон оценок колеблется от 53 млрд. м³ до 61 млрд. м³. В частности, последняя цифра была названа Джумхуром Эрсюмером в беседе с президентом Туркмении³². Расчеты, которые можно произвести, исходя из подобных оценок потребностей Турции, говорят о следующем: наращивание пропускной способности действующего газопровода между Россией и Турцией позволит осуществлять к 2010 г. поставки в объеме 14 млрд. м³, выход на проектную мощность газопровода «Голубой поток» обеспечит получение к той же дате газа в объеме 16 млрд. м³, Транскаспийский трубопровод обеспечит Турции в конечном итоге получение 30 млрд. м³, что в общей сложности и составляет заявляемые 60 млрд. м³. С одной стороны, казалось бы, нет оснований говорить

о конъюнктурном характере приводимых оценок. Впервые они появились в печати задолго до последнего обострения конкуренции между Россией и Туркменией. Так, оценка, в соответствии с которой потребности Турции в газе в 2010 году составят 60 млрд. м³, содержится и в упомянутой выше статье Нихата Гёкйигита, датируемой 1996 г. С другой стороны, нельзя не обратить внимания на практически точное совпадение итоговой суммы – 60 млрд. м³ – с предполагаемой потребностью Турецкой Республики в природном газе к 2010 году. К тому же данное обстоятельство лишает газовые проекты их транснационального характера. По всей видимости, некоторого прояснения в позиции Турции можно достичь, предприняв попытку самостоятельной оценки ее потребностей в природном газе к 2010 году. В качестве базы расчетов предлагается рассматривать потребность Турции в первичных энергоносителях, которая учитывает потребление, в том числе, природного газа не только в энергетическом комплексе страны, но и в целях отопления, а также в качестве транспортного топлива и промышленного сырья. В период с 1987 по 1997 г., то есть за десять лет, не считая базовый 1987 г., среднегодовые темпы роста потребления первичных энергоносителей в Турции составили 4,7%³³. Во второй половине рассматриваемого периода, то есть в 1994-1997 г. данный показатель повысился до 6,9%. Предположим, что в течение последующих 13 лет сохранится та же тенденция ускорения среднегодовых темпов роста потребления первичных энергоносителей, то есть они составят 10,3% в год. Настоящий прогноз отчасти подтверждается существующими оценками, в соответствии с которыми спрос на электроэнергию в Турции возрастает на 10% ежегодно³⁴. Тогда к 2009 г. потребность Турции в первичных источниках электроэнергии будет соответствовать эквиваленту 256,3 тысяч тонн нефти против 71,6 тыс. тонн в 1997 г. Предположим так же, что рост потребности в импорте первичных энергоносителей будет удовлетворяться только за счет расширения импорта газа, хотя в действительности в последние годы в энергетической стратегии Турции важное место занимают перспективы импорта не только газа, но и каспийской нефти, а в число фактически импортируемых энергоносителей входит и каменный уголь. Учтем также, что доля импорта в удовлетворении потребностей страны в первичных энергоносителях уже ныне составляет 60%³⁵, и энергетическая стратегия Турции не нацелена на ее дальнейшее увеличение. Напротив, в стране осознается важность расширения производства и использования собственных первичных источников, как то бурого угля, энергии рек. Исходя из этого, будем считать что роль импорта первичных энергоносителей останется неизменной. Тогда его объем в 2009 г. достигнет эквивалента 154 тыс. тонн нефти. Учитывая, что объем импорта газа в 1997 г. – 6 млрд. м³ – обеспечивал Турцию первичными энергоресурсами в объеме, эквивалентном 8,8 тыс. тонн нефти³⁶, получаем, что к 2009 г. потребность Турции в импорте газа (при неизменных объемах импорта нефти и каменного угля) превысит 80 млрд. м³. Таким образом, наши расчеты заметно превышают оценки турецкой стороны, которая, по всей видимости, исходит из

учета роста импорта нефти и возможности включения в структуру импорта первичных энергоносителей сжиженного газа. Тогда взаимоисключающий характер проектов «Голубой поток» и Транскаспийского газопровода во многом оказывается под сомнением, а само нагнетание страстей в какой-то мере было использовано Газпромом как инструмент давления на Думу в целях принятия решения о налоговых льготах для подрядчика и субподрядчиков, которые будут осуществлять строительство.

Конечно, следует иметь в виду, что, во-первых, подведение газа к турецкой территории и его реальное использование отдалены во времени: требуется строительство соответствующих газораспределительных сетей, новых электростанций, промышленных предприятий и проч. С этой точки зрения приход первым на турецкую территорию действительно важен: задержка с «усвоением» первой порции дополнительного газа может отодвинуть во времени практическую возможность использования второй или усложнить ее, вынудив искать потребителя на рынках третьих стран. Поэтому говорить о конкуренции России и Туркмении как экспортеров газа можно, но лишь в контексте временных преимуществ того продавца, который придет на рынок первым.

Во-вторых, заложенные в расчеты темпы роста потребностей Турции в первичных энергоносителях, возможно, окажутся чрезмерно оптимистичными. Так, 1998-1999 гг. уже оказались мало благоприятными с точки зрения развития экономики страны, а как показывает практика последних лет, ухудшающаяся общеэкономическая конъюнктура сопровождается снижением спроса на первичные энергоносители. Но в этом случае Турция, видимо, отнюдь не против роли ключевой державы в транспортировке энергоресурсов Центральной Азии на западные рынки, что возвратит ей былую стратегическую важность, особенно с учетом прогнозов, по которым нефтяные резервы Северного моря во многом окажутся истощенными к 2020 году. В ходе своего визита в Ашхабад Дж.Эрсюмер объявил следующую схему использования Турцией туркменского природного газа: из 30 млрд. м³ газа 16 млрд. м³ будут использоваться в самой Турции, а оставшаяся часть продаваться на рынки третьих стран³⁷. Но поскольку подобная схема приведет к тому, что заявленный Турцией в качестве собственных потребностей 61 млрд. м³ не будет получен, то она, очевидно, как раз исходит из учета тех возможных факторов сдерживания национального потребления, которые мы упомянули выше. Таким образом, транзит газа через территорию Турции благоприятно рассматривается правящими кругами страны как альтернативная (резервная) модель использования природного газа, который при любых обстоятельствах будет закупаться и у России, и у Туркмении.

И еще один весьма важный аргумент в пользу закупок Турцией газа у каждой из сторон, с которой подписаны соответствующие соглашения. Как уже упоминалось выше, балансирование между двумя центрами мировой политики – США и СССР – в предыдущие десятилетия обеспечивало Турции максимально эффективный результат, состоявший в получении эконо-

мической помощи от каждой из конкурирующих сторон. Сегодня важнейшей сферой противостояния России и США является вопрос об объемах и маршрутах транспортировки энергоресурсов в зоне Черноморского региона. По мнению представителей МИД РФ, США хотели бы вообще «запереть российский газ» в пределах России, не давая возможности нашей стране пополнять свой бюджет. Исходя из этого, следует предположить, что, действуя в соответствии со сложившейся внешнеполитической традицией, максимальную выгоду Турция сумеет себе обеспечить посредством параллельной реализации газовых проектов, за которыми стоят конкурирующие стороны, то есть и проекта «Голубой поток», и Транскаспийского проекта. В результате Турции не только удастся избежать резкого обострения отношений с заинтересованными странами (речь идет о США, России и Туркменинии), но и повысить свою значимость во внешнеполитической стратегии каждой из них, а следовательно, и в региональной, и даже в общемировой политике.

¹ Финансовая Россия. 1999. – № 41.

² См. текст соглашения: Т.С. Resmi Gazete. Ankara, 07.12.1984.

³ См. подробнее: СССР и Турция (1917-1979). – Москва, 1981. – С. 246.

⁴ См., например: *M. Altan. Süperler ve Türkiye...*

⁵ См.: Т.С. Resmi Gazete, 07.12.1984.

⁶ См. подробнее по данному вопросу: *Ульченко Н.Ю.* Поставки газа из России в Турцию: ретроспектива отношений. – *Анналы*, Выпуск II. – Москва, 1995.

⁷ См. Соглашение между Правительством Турецкой Республики и Правительством Российской Федерации о поставках Российского природного газа в Турецкую Республику через акваторию Черного моря. – Архив аппарата советника по торговле при посольстве Турции в РФ.

⁸ См. там же.

⁹ *Türkiye*, 15.12.1997.

¹⁰ *Milliyet*, 16.12.1997.

¹¹ *Türkiye*, 15.12.1997.

¹² *Cumhuriyet*, 16.12.1997.

¹³ См. Соглашение о поставках Российского природного газа в Турецкую Республику через акваторию Черного моря. – Архив аппарата советника по торговле при посольстве Турции в РФ.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См. *Коммерсант*, 23.02.1999.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Труд*, 18.09.1999,

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Российская газета*, 04.12.1999.

²⁰ См. *Perspektif*, Temmuz, 1999.

²¹ *Сегодня*, 02.09.1997.

²² *DEIK. An Impetus for Turkey's outward orientation.* – Ankara, 1996. – С. 112-113.

²³ *Finansal Forum*, 01.12.1999.

- ²⁴ Там же.
- ²⁵ См. Dünya, 09.10.1999, Sabah, 07.10.1999, Finansal Forum, 07.10.1999.
- ²⁶ Dünya, 09.10.1999.
- ²⁷ Sabah, 07.10.1999.
- ²⁸ Ведомости, 11.10.1999.
- ²⁹ Sabah, 07.10.1999.
- ³⁰ The Moscow Times, 13.10.1999.
- ³¹ Sabah, 07.10.1999.
- ³² Там же.
- ³³ Рассчитано по: Türkiye İstatistik Yıllığı 1995, 1998. – Ankara, 1996, 1999. – С. 364, 325.
- ³⁴ Finansal Forum, 02.12.1999.
- ³⁵ Подсчитано по: Türkiye İstatistik Yıllığı 1998, с.325.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Sabah, 07.10.1999.

В.М.Ахмедов,
кандидат исторических наук

СИРИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.

Последнее десятилетие XX века являет собой важную веху в историческом развитии арабских стран и довольно органично совпадает с формированием элементов нового миропорядка, новой структуры международных отношений, которые, есть основания полагать, могут утвердиться уже в начале следующего тысячелетия. При определении структуры международных отношений на Ближнем Востоке необходимо иметь в виду, что она сложилась в результате процессов мирового развития и находится на исходе текущего столетия в стадии трансформации. Послевоенное устройство межгосударственных отношений уходит в прошлое. Одни из созданных этим временем институтов отмирают. Другие пока сохраняются, с трудом приспособиваясь к новым реалиям. При этом фактически отсутствует общее представление о том, что в конечном итоге будет представлять собой новое мироустройство в этом регионе.

За последние сто лет арабский мир пережил крупные потрясения, сопровождавшиеся многочисленными восстаниями, революциями, войнами, реформами. С одной стороны они порождались внутренними обстоятельствами, несущими на себе отпечаток итогов колониального наследия, с другой – провоцировались глобальной борьбой двух мировых социальных систем, их мировым соперничеством за политическое влияние в стратегически важном регионе. Эти реалии международной политики сочетались с ожесточенными схватками крупнейших западных потребителей за ближневосточные источники нефти, тесно сплетаясь с различными внутриарабскими перипетиями, что оказывало мощное комплексное воздействие на всю систему международных отношений на Ближнем Востоке, определяло их остроту, общую направленность и особую специфику. Да и сегодня Арабский Восток – это весьма лабильный в политическом и экономическом отношениях конгломерат, где идет ожесточенная борьба мнений на региональном и внерегиональном уровнях по поводу будущего устройства государств, отработка подходов к решению наиболее актуальных проблем политики, хозяйственного возрождения и социального прогресса. Все это усугубляется периодически обостряющимися традиционно существовавшими серьезными противоречиями на региональном уровне, начиная от пограничных конфликтов и оспаривания принадлежности национальных территорий и кончая расхождениями в существующих подходах к «справедливому»

и «равному» доступу к природным богатствам региона между «бедными» и «богатыми» странами (проблемы создания общего рынка, заключения таможенных соглашений, распределения водных ресурсов и т.п.).

В данном контексте было бы правомерным, на наш взгляд, представить, в постановочном плане, сложившуюся к настоящему времени на Ближнем Востоке систему международных отношений в виде некоторой конфигурации «центров силы». Поиск основных направлений эволюции существующей здесь системы международных отношений с целью выработки долговременного внешнеполитического курса России в ближневосточном регионе обуславливает построение в некотором роде приближенных к реальности или высокоабстрактных моделей системы силового подчинения государств в их региональной политике. После распада СССР развитие международной и региональной обстановки привело к тому, что как Россия, так и государства Ближнего Востока фактически оказались в одном геополитическом, военно-стратегическом пространстве с «пограничными» проблемами, резко возросшей взаимозависимостью и взаимообусловленностью идущих здесь политических и экономических процессов. К тому же анализ хода событий в регионе с точки зрения приобретших международный характер конфликтов современности свидетельствует о том, что отношения между государствами региона в своем концентрированном виде все еще представляют собой отношения между национальными «центрами силы». А характер связей между основными элементами системы международных отношений по-прежнему, несмотря на различные многосторонние формы взаимодействия, детерминирован в первую очередь параметрами национальной мощи государств. С другой стороны, государства региона замкнуты на решении преимущественно своих внутрирегиональных проблем и относительно инертно реагируют на большинство вопросов международной жизни глобального масштаба, в первую очередь военного характера. Что же касается участия арабов в решении ряда затрагивающих их интересы международных проблем (экология, распространение наркотиков, ядерного оружия, ракетных технологий и др.), то здесь они могут проводить скоординированную политику со всем мировым сообществом. До настоящего времени Арабский Восток представляется весьма аморфной в военно-интеграционном отношении зоной. Значительное число стран региона имеют длительный опыт неприсоединения, отказа от участия в военных схемах под эгидой великих держав. Внутрирегиональные военно-политические объединения оказались на деле нежизнеспособными. А отдельные успехи в области формирования договорно-правовой базы обеспечения безопасности носили сугубо фрагментарный в масштабах региона характер. Реальные достижения имеются лишь на двусторонней основе. Заключены мирные договоры между Египтом и Израилем, Израилем и Иорданией; наработан определенный опыт разъединения сирийских и израильских войск – на Голанах, египетских и израильских – на Синае. Таким образом, вопрос о временных параметрах переходного состояния системы международных отношений на Ближнем Востоке фактически остается откры-

тым. А формирование здесь новых «центров силы» еще не началось или находится на первичной стадии.

В то же время Арабский Восток вряд ли сможет долго оставаться на периферии военно-политических раскладок международного и регионального характера. Так, Ближний Восток наряду с Восточной Европой – ближайший в геостратегическом отношении регион, примыкающий к НАТО, что в условиях отсутствия СССР и ОВД приобретает иное, нежели прежде звучание. Сохраняется для Запада, прежде всего для США, значение ближневосточного региона как одного из основных источников энергоресурсов. По уровню и результатам экономической интеграции Ближний Восток значительно отстает от наиболее динамично развивающихся районов мира, к тому же здесь, как было показано выше, имеется немалое количество нерешенных и потенциально острых территориальных вопросов. Решение этих проблем потребует коренного изменения политического климата в регионе, что возможно осуществить лишь на основе урегулирования арабо-израильского конфликта и формирования устойчивой схемы региональной безопасности.

Между тем, несмотря на достигнутый в рамках ОБСЕ некоторый прогресс общеевропейского миротворчества при активной роли США, подлинная основа для мирного урегулирования спорных вопросов так и не создана. По-прежнему велик потенциал разрастания межнациональных и межэтнических вооруженных конфликтов, которые в ряде случаев могут перестать быть относительно локальными и дать в какой-то момент повод для вооруженного вмешательства в них сильных в военном отношении держав. В тоже время в арабских странах, несмотря на все перемены в мире, по-прежнему распространено мнение, что основой безопасного существования может служить лишь сила сдерживания. Так, один из известных арабских специалистов по военно-политическим проблемам региона И.Дессуки указывал, что «холодная» война не закончилась, а продолжается в новых формах. Более того, на смену одной «холодной» войне пришло несколько, представляющих огромную угрозу для безопасности и стабильности в регионе. С учетом того, что переход региональных холодных войн в стадию горячих конфликтов может произойти в любое время, – подчеркивал Дессуки, – развитие вооружений и осуществление соответствующих мероприятий в плане подготовки к военным действиям является основным инструментом обеспечения национальной безопасности¹.

Однако законы действия механизмов сдерживания, которые можно было бы считать эффективными в условиях двухполюсного мира, вряд ли могут быть механистически применены к современному состоянию системы международных отношений. Опыт новейшей истории региона свидетельствует, что различия в количественных показателях военных и экономических потенциалов сторон, как правило, не срабатывали в качестве сдерживающего фактора для атакующей стороны (арабо-израильская война 1967 г., ирако-иранская война 1980-1989 гг.)². Несомненно, региональные системы безопасности должны наполняться институтами и механизмами, адекватными задаче создания эффективной и надежной обрат-

ной связи, релевантно реагирующими, а не просто фиксирующими эти обратные сигналы, прежде всего в целях поддержания исходного состояния стабильности и целостности системы международных отношений. Очевидно, что создание подобной устойчивой региональной системы потребует довольно длительного времени, однако уже сейчас на Ближнем Востоке предпринимаются энергичные поиски региональных и международных механизмов обеспечения безопасности.

Сегодня без преувеличения можно сказать, что Сирия является одной из ключевых фигур в затянувшемся арабо-израильском противостоянии, в других важных событиях непредсказуемо меняющих политический облик региона. О Сирии справедливо говорят, что без нее можно начать войну, но нельзя добиться мира. Данная, хотя и парадоксальная оценка является своеобразным признанием особой роли Сирии в регионе, ее возможностей влиять на ход событий на Ближнем Востоке, проводить самостоятельный курс на межарабской арене, активно участвовать в делах мирового сообщества. Статус региональной державы, имеющей эффективные рычаги воздействия на общий ход мирного ближневосточного процесса, на ситуацию в регионе в целом и особенно в Ливане, на решение палестинской проблемы, признание репутации Дамаска как опытного посредника, поддерживающего доверительные контакты с лидерами ряда государств мира и имеющего особые отношения с Тегераном, вынуждает зарубежных политиков, в том числе и из США, считаться с позицией Сирии в ближневосточных делах, учитывать мнение Дамаска по основным региональным проблемам.

Такое международное положение Сирии в значительной мере обусловлено беспрецедентным по политическим меркам региона почти 30-летним правлением Х.Асада, в период которого страна практически не знала политических потрясений и, несмотря на многочисленные проблемы, связанные в первую очередь с отвлечением огромных ресурсов на нужды обороны и безопасности, смогла добиться серьезных успехов в экономике, во всяком случае, оградив себя на наиболее уязвимом направлении – продовольственном. Предшественники Асада на влажном поприще в 50-е годы умудрялись за считанные месяцы продемонстрировать неспособность к управлению государством.

Приход к власти Асада и начало провозглашенного им «исправительного движения» ознаменовали новый этап во внутренней и внешней политике Сирии. Широкую поддержку новый политический курс Х.Асада получил в результате исправления ошибок, допущенных левыми баасистами. Х.Асад подошел к реформаторской деятельности более взвешенно. В области внешней политики он стал проводить более осторожную и взвешенную линию. Наиболее отчетливо это проявилось после октябрьской войны 1973 г., когда сирийский лидер начал придерживаться тактики уклонения от прямой военной конфронтации с Израилем и перевода основного фронта противоборства с израильтянами на юг Ливана. Тезис об арабском единстве в те годы для Х.Асада был наполнен конкретным содержанием – восстановле-

ние антиизраильского фронта арабов при доминирующей роли Сирии. Положение Сирии как страны, непосредственно противостоящей Израилю, обеспечивало режиму поступления материальных средств от арабского мира, позволяло получать советское оружие на льготных условиях, поднимало его престиж и авторитет на международной арене и внутри страны, расширяло рамки политического маневрирования.

Однако, широкое экономическое и политическое сотрудничество Сирии с Ливией и Ираном, связи с радикальными организациями в палестинском движении сопротивления (ПДС), поддержка боевиков Рабочей партии Курдистана (РПК) и ведущих организаций иракской оппозиции привели, с одной стороны, к резкому обострению отношений Сирии с США и государствами Западной Европы, которые включили САР в список государств, «поддерживающих международный терроризм», и ввели по отношению к ней ряд экономических санкций. С другой стороны, стали ухудшаться отношения Сирии со странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), которые фактически начиная с 1986 г. прекратили оказание ей финансовой помощи, достигавшей около 1,5 млрд. долл. в год. Обострились конфликты с Ираком, Иорданией и Турцией. В результате к концу 80-х годов наметилась тенденция к частичной изоляции Сирии как на региональном, так и на международном уровнях.

В сложившейся ситуации Асад проявил себя как блестящий геополитический стратег. Он быстро и мастерски использовал перемены в мире и регионе для того, чтобы укрепить позиции своей страны на Ближнем Востоке. Осознав всю глубину и необратимость геополитических преобразований периода конца 80-х, – начала 90-х годов, в частности в бывшем СССР, Асад оперативно отреагировал на события в Персидском заливе 1990-1991 гг., твердо встав на сторону Кувейта и сил антииракской коалиции, возглавляемой США. В марте 1991 г. он выступил в качестве одного из инициаторов принятия так называемой Дамасской декларации, которая предусматривала создание «арабской системы безопасности» в зоне Залива, что, по существу, означало попытку формирования военно-политического союза стран ССАГПЗ, Египта и Сирии. И хотя указанная попытка не была на деле реализована в полном объеме, предпринятые Асадом шаги позволили Дамаску получить целый ряд очевидных политических и экономических выгод. Это прорыв «враждебного окружения» и выход из грозящей изоляции, улучшение отношений с США и Западной Европой, с одной стороны, аравийскими монархиями и Египтом, – с другой, списание значительной части внешних долгов и т.п. При этом Асад сумел сохранить особые отношения с Ираном и обеспечить стабильность в вопросах военно-технического сотрудничества с Россией. Именно при нынешнем президенте САР двусторонние связи с ней достигли своего пика. Результаты прошедшего в июле 1999 г. визита Асада в Москву свидетельствуют, что сирийский лидер не забыл того позитива, который имел Дамаск от отношений с Москвой. Как многоопытный и взвешенный политик сирийский президент заинтересован в активизации всестороннего взаимовыгодного сотрудничества с Россией, полагая, что созданный при нем

определенный запас прочности российско-сирийских связей может послужить хорошей основой политики будущих преемников в руководстве Сирией.

Поведенческий стереотип Сирии определяется ее лидером. Его личный вклад в превращение страны в полноценного и равного партнера в региональных взаимоотношениях исключительно велик. События последних лет свидетельствуют, что Сирия исполнена достоинства, стремится к миру и имеет свои взгляды на проблему окончательного урегулирования ситуации в регионе. Заставить уважать себя и свои взгляды – вот идеология Асада на международной арене, и для этого он использует методы, которые помогли ему возвыситься в собственной стране. Неслучайно поэтому феномен Асада как политика и человека, слагаемые алгоритма его власти и механизм ее функционирования служат постоянным предметом практического и научного интереса политиков и политологов разного калибра, как из стана врагов, так и друзей Сирии. Например, репутация загадочного «дамасского сфинкса», каковую издавна снискал в западных политических кругах Асад, остается в силе и по сей день³. В отличие от большинства политических деятелей региона Асад не является нефтяным магнатом, однако роль нефти и газа в Сирии и регионе в целом – объект его постоянной заботы в борьбе за экономический паритет с Израилем. Он лично вырабатывает стратегию и принимает решения по ключевым вопросам нефтяной политики страны.

Сирийского лидера по праву считают также одним из ключевых игроков на поле затянувшегося процесса мирного ближневосточного урегулирования. Вступив в октябре 1991 г. в этот процесс и заявив, что «мир для Сирии является стратегическим выбором», Асад, тем не менее, заранее позаботился о создании запасных вариантов на случай изменения политической ситуации в Израиле и США с тем, чтобы избежать провала своих планов, основу которых составляет возвращение Голанских высот. Начавшиеся в конце 1992 г. в Вашингтоне сирийско-израильские переговоры, первоначально носившие неофициальный характер, хотя и сопровождались некоторым сближением позиций, однако не привели к достижению соглашения. Основным объектом разногласий стал уже не столько собственно вопрос о возвращении Голанских высот Сирии, на что Израиль в принципе готов пойти, сколько границы возвращаемой территории. Обсуждение подобного рода частных вопросов дает основание считать, что сирийский лидер сделал выбор в пользу диалога с израильтянами и руководствуется в повседневной политической деятельности прагматическими соображениями национальных интересов своей страны⁴. Вопросы «войны и мира» являются для Асада поистине судьбоносными, поскольку напрямую увязываются им с решением животрепещущих для режима проблем обеспечения преемственности власти в стране и политических перспектив семейного клана Асадов-Махлюфов, алавитской общины в целом⁵.

Прошедшие в Израиле 17 мая 1999 года парламентские выборы и выборы премьер-министра открыли «окно благоприятных возможно-

стей». Все стороны – новое израильское правительство Барака, сирийские власти и палестинское руководство – продемонстрировали явную заинтересованность в преодолении существовавшей в последние годы блокады мирных переговоров и доведении их до конца. Так, комментируя ракетно-бомбовый удар Израиля 24 июня 1999 г. по объектам инфраструктуры пригородов Бейрута, официальные сирийские СМИ возложили всю ответственность за эту акцию целиком на Нетаньяху, «который пытается затормозить развитие перспектив новых мирных переговоров с идущим ему на смену правительством Барака». Известный своей жесткой позицией в вопросах мира с Израилем сирийский президент Асад публично заявил что «Барак – это человек, с которым можно вести дела»⁶. Последовавшие вслед за этим подписания израильско-палестинских соглашений в Шарм Эш-Шейхе (Меморандум Шарм Эш-Шейх) в сентябре 1999 г. и международная конференция по Ближнему Востоку в Осло (1-2 ноября 1999 г.), которая дала новый импульс целой серии многосторонних и двусторонних арабо-израильских и арабо-арабских встреч на разных уровнях при активной роли США и Западной Европы, прежде всего Франции, а также появившиеся в западных и арабских СМИ сообщения о якобы ведущихся в Европе закрытых палестино-израильских и сирийско-израильских переговорах, очевидно, увеличивают шансы на решение все еще остающихся открытыми ближневосточных проблем. Эти события, несомненно, важные с точки зрения разблокирования арабо-израильского мирного процесса, сами по себе еще не являются гарантией успеха. Так, намечавшийся на 15 ноября 1999 г. второй этап «передислокации» израильских войск (передача под полный или частичный контроль властей ПНА 5% территории Западного берега р. Иордан) оказался сорванным. Несмотря на неоднократные призывы Тель-Авива, Дамаск не спешит с началом переговоров, выдвигая новые условия их возобновления (признание Израилем «пограничных линий» на Голанах по состоянию на 4 июня 1967 г.). Из-за этой сирийской «медлительности» открытым остается вопрос о юге Ливана, откуда, как обещал Барак, Израиль должен вывести свои войска к июлю 2000 года⁷.

Как свидетельствует ближневосточная практика, варианты сепаратных соглашений формируют предпосылки к новым конфликтам, ибо не учитывают в полной мере интересы сторон и достигаются, как правило, на основе «компромиссов» с позиции силы и под мощным давлением извне. Подобные соглашения не решают окончательно ключевых проблем, затрагивающих основы арабо-израильского конфликта, а могут лишь привести к временному затуханию конфронтации в регионе с перспективой нового, еще более мощного противостояния в результате воздействия долгоиграющих факторов. Поэтому арабо-израильский конфликт остается незавершенным.

Сирия и Израиль по-прежнему находятся в состоянии войны. Приостановленные в 1996 г. израильско-сирийские мирные переговоры ждут

своего возобновления^{*}. Вокруг оккупированной Израилем зоны на юге Ливана идет постоянная локальная война. Пробуксовывают подписанные Израилем с палестинской автономией соответствующие соглашения. Критические для «перманентного статуса» израильско-палестинских отношений темы: будущее Иерусалима и израильских поселений, международно-правовой статус и границы будущего палестинского государства, вопрос о палестинских беженцах – не дают оснований надеяться на легкие и быстрые переговоры, успех которых тем более не гарантирован.

В то же время императив магистральных направлений мирового развития в XXI веке позволяет предположить, что и в ближневосточном регионе уже в обозримой перспективе начнется становление новой парадигмы безопасности, непосредственно связанной с некоторыми качественными характеристиками складывающейся системы международных отношений. Уже сейчас Ближний Восток вступает в период напряженного и энергичного поиска конструкций региональных и международных механизмов обеспечения безопасности, подбора подходящих, «работающих» средств и организационных форм ее обеспечения. Конкретно, речь идет о большем, нежели просто формальное провозглашение палестинского государства и прекращение состояния войны между Израилем и теми его соседями, с которыми он до сих пор не подписал мирные соглашения. Возобновление серьезных мирных переговоров сопровождается, как правило, интенсивным обсуждением будущего регионального порядка. При этом важное значение придается институтам политики безопасности и отношениям между государствами Ближнего и Среднего Востока.

Арабо-израильский мирный процесс 90-х годов представляет собой определенный структурный элемент нового ближневосточного порядка, композицию принципов, норм и правил, помогающих воздействовать на региональные конфликты. Главная особенность ближневосточного мирного процесса – это переход от состояния войны в регионе к невоенным формам выяснения отношений по поводу власти и ресурсов. Такое стало возможным во многом потому, что Сирия, которая до сих пор ассоциируется в массовом арабском сознании с «локомотивом» арабского национализма, выдвинула, как указывалось выше, в качестве условия заключения мира с Израилем восстановление вполне определенной линии границ. Даже на юге Ливана, где противоборствующие стороны все еще прибегают к использованию военных средств, установлены определенные правила, которые должны воспрепятствовать неконтролируемой эскалации военных действий, ограничивать зоны их ведения и защищать мирное население. Образование ПНА и ее администрации представляет собой появление нового квазигосударственного субъекта и элемента регионального порядка, с кото-

^{*} Примечание: 15-16 декабря 1999 г. в Вашингтоне должны были возобновиться сирийско-израильские мирные переговоры. Однако, по признанию сторон, до выхода на какие-либо субстантивные результаты потребуется несколько месяцев.

рым вынуждены считаться даже те, кто в содержательном плане отвергает достигнутые в Осло соглашения. Таким образом, арабские государства не только согласились с фактическим существованием Израиля, но и в принципе признали его членом региональной системы государств.

Несомненно, те уступки и сближение позиций, на которые в ходе выработки мирного решения должны будут пойти отдельные стороны, окажутся нелегкими и спорными с внутривосточной точки зрения. Однако основополагающие контуры соглашения между Тель-Авивом и Дамаском и принципы урегулирования израильско-палестинского конфликта сторонам уже известны и включают в себя соответствующие меры двусторонней безопасности по типу мирных соглашений, которые Израиль заключил с Египтом (1979 г.) и Иорданией (1994 г.). Успехи двусторонних мирных переговоров сделают, очевидно, возможным возобновление многосторонних переговоров, что особенно важно для России, обеспечения ее участия и учета национально-государственных интересов в ходе формирования новых геополитических реалий в регионе.

Многосторонние переговоры – это уникальный в своем роде механизм, где при российском сопредседательстве было начато обсуждение проблем региональной безопасности на Ближнем Востоке. Это тем более важно, что запуск механизма многосторонних переговоров, несомненно, будет способствовать активизации деятельности некоторых региональных институтов, созданных в рамках мирного процесса на Ближнем Востоке, и прежде всего таких, как экономические конференции стран Ближнего Востока и Северной Африки, многосторонняя рабочая группа по контролю за вооружениями и обеспечению региональной безопасности. Завершение двусторонних мирных переговоров усилит комплексность региональных отношений, сделает возможными новые властно-политические расстановки сил и создание коалиций, включающих также и Израиль. Тем самым обострится соперничество за позиции в регионе, рынки, международные финансовые потоки. Уже сейчас многие арабские государства, в том числе Сирия и Египет обеспокоены тем, что военный потенциал Израиля может сказаться на региональном балансе сил. Ожесточится конкурентная борьба между Саудовской Аравией и Израилем за влияние на малые государства Персидского залива, между Сирией и Израилем – за влияние в Ливане и Иордании, между Египтом и Израилем – за ведущую роль в регионе.

Поэтому в настоящее время арабские государства, прежде всего Египет и Сирия, озабочены не столько созданием общих ближневосточных структур безопасности, сколько проблемой обеспечения арабской безопасности в противовес идее Израиля и США о «новом Ближнем Востоке», где Израиль станет центром экономического и интеграционного регионального пространства и создаст субрегиональное сообщество безопасности с Иорданией и Палестиной при активном участии Турции. Однако в отличие от не очень успешных попыток внести общеарабский вклад в создание системы внешней безопасности, арабские государства сумели добиться определенного прогресса в области внутренней безопасности. Подписанное весной

1998 г. министрами юстиции и внутренних дел стран-членов ЛАГ соглашение о борьбе с терроризмом послужило основой для регулярных встреч арабских министров внутренних дел, обмена мнениями о путях дальнейшей кооперации органов безопасности, оказывающих существенное влияние на развитие внутривнутриполитических процессов в арабских странах. В тоже время действующая в большинстве этих государств жесткая структура власти и высокая степень централизации органов, принимающих решения, создают более благоприятные условия для двусторонних отношений и осложняют многосторонние формы сотрудничества. Поэтому в конструкции будущей безопасности существенную роль будут по-видимому, играть прежде всего сильные двусторонние элементы. При этом речь идет не только о соответствующих мирных договоренностях, которые Израиль уже заключил или еще заключит со своими соседями, но также и о том, что арабские страны будут, по-видимому, заключать скорее двусторонние, нежели многосторонние соглашения о мерах кооперации в области обеспечения внешней безопасности. Эти двусторонние элементы могут быть дополнены созданием общеарабских рамочных условий по вопросам внутренней безопасности, а также при участии ЛАГ в качестве политического координатора, где небольшая группа арабских стран будет доминировать при принятии решений и добиваться единства позиций в вопросах ближневосточной политики и региональной безопасности.

Проблема регионального порядка основывается на различных интересах региональных фигурантов, включает в себя разные геополитические концепции и подходы (некоторые из которых мы попытались рассмотреть в данной статье), а главное – является новым для Ближнего Востока делом. В настоящее время можно, по-видимому, говорить о поэтапном построении некоторых элементов «общего дома», в котором когда-нибудь должны будут жить ближневосточные страны. Создание же системы коллективной региональной безопасности потребует длительного времени, тщательной разработки концепции этой системы, выработки эффективно действующих механизмов, а также убежденности правящих региональных элит в том, что прочные ближневосточные договоренности отвечают их национальным интересам.

1. Курасат истратиджийа. – 1996. – № 42. – С. 5. Цит. по: *Бакланов А.* Ближний Восток: Региональная безопасность и интересы России. – М., 1999. – С. 12-13.
2. *Кривохижа В.И.* Россия в новом мире: Время решений. – М. 1997. – С. 79.
3. Jerusalem Post, 8.09.1996.
4. The APS Review, vol. 31. № 3, 18.03.1996, с. 79.
5. Азия и Африка сегодня. – 1999. – № 8. – С. 12.
6. Economist, 3.07.1999, с. 40.
7. Economist, 22.05.1999, с. 15.

А.З.Егорин,
академик РАН, доктор исторических наук, профессор

БЛИЖНИЙ ВОСТОК: ГОНКА ВООРУЖЕНИЙ... «ВО ИМЯ МИРА»

С тех пор как 1 ноября 1991 г. в Мадриде был дан старт миротворческому «экспрессу», которому предрекалось пройти через все узлы ближневосточной напряженности, мы все ждали, что вот-вот в регионе заалет долгожданная заря мира.

Увы, мир, о котором так много говорили демократы США и России, арабские оракулы и израильские пацифисты и многие, многие другие, так и не наступил. И похоже, в ближайшее время вряд ли наступит.

По ближневосточному небу низко плывут тучи недоверия и взаимных притязаний, и о Мадриде и о тех, кто снарядил экспресс с оливковой ветвью, говорят и пишут сегодня все меньше и меньше. Процесс миротворчества явно пошел на убыль и замер на отметке, худшей, чем было до начала арабо-израильских переговоров

Дело, конечно, не только и не столько в арабах или Израиле. Дело в общих тенденциях, словно возродившихся из небытия, – из кровопролитной истории фараонов и царей, халифов и президентов. Великие мира сего, похоже, снова не прочь побряцать оружием, как это делали их предки, их «крестные отцы и деды». Те формировали альянсы, чтобы переделывать мир по-своему, эти, по существу, занялись тем же. В конце XX века США, в первую очередь, явно торопятся расширить зону своих «жизненных интересов», так как их модель однополярного мира – этот холодный айсберг – тает на глазах. Как в недобрые времена, снова воскресла политика «разделяй и властвуй». Это – расширение НАТО на восток, к границам России, и одновременно – на юг к нефтеносным арабским берегам. На восток Запад расширяется за счет приема в свой союз восточноевропейских государств, некогда союзников бывшего СССР. На юг это планируется предпринять с помощью сил быстрого реагирования «Евромарфор» и «Еврофор», созданных в 1996 г. Италией, Францией, Испанией и Португалией для проведения операций «по ту сторону Средиземного моря». Что же осталось делать арабам? Конечно же, вооружаться. А Израилю или Ирану, их соседям? То же самое. Печально, но факт.

Из приведенной ниже таблицы на нас смотрит ближневосточная реальность: по населению арабы превосходят Израиль в 38 раз, по валовому национальному продукту (ВНП) – в 9,4 раза, по бюджетным военным расходам – в 4,56 раза, по численности вооруженных сил – в

15,5 раза. У арабов больше, чем у Израиля, танков – в 4,7 раза, БТР – в 4,5 раза, боевых кораблей – в 8,6 раза, боевых самолетов и вертолетов – в 6,36 раза.

Таблица 1

**Вооруженные силы Ближнего Востока и Северной Африки
(1996 г.)**

Страна	Население (млн. чел.)	ВВП (млрд. долл.)	Воен. Бюдж. (млрд. долл.)	Числ. во- ор. сил (тыс. чел.)	Танков	БТР и БМП	Боевых кораб- лей	Самоле- тов и вертоле- тов
Алжир	28,2	48,3	1,33	121,7	960	1495	39	230
Бахрейн	0,57	4,6	0,25	10,7	106	281	25	34
Египет	57,74	46,15	2,96	436,0	3500	5327	123	667
Палестинская автономия	2,0	2,4	0,09	16,5	-	-	-	-
Ирак	21,04	18,5	2,7	382,5	2700	4400	22	483
Иордания	4,4	6,1	0,45	98,6	1141	1304	5	106
Кувейт	1,5	25,4	2,91	16,6	220	283	4	92
Ливан	4,0	7,1	0,34	44,3	330	690	20	72
Ливия	5,4	29,7	0,96	80	2210	2620	103	469
Мавритания	2,3	1,34	0,37	15,6	35	105	11	11
Марокко	27,7	28,7	1,21	195,5	624	1290	92	123
Оман	1,8	12,2	1,59	43,5	128	39	24	46
Катар	0,6	7,8	0,32	11,1	24	238	23	32
Саудовская Аравия	18,6	128,1	13,2	105,5	1055	2905	88	295
Сирия	14,3	28,1	2,62	423	4600	5350	74	679
Тунис	9,1	16,4	0,26	35,5	169	327	47	39
ОАЭ	1,83	36,7	1,88	70	247	882	45	139
Йемен	14,24	7,9	0,34	39,5	1125	1140	15	77
Итого у арабов¹	215,32	670,81	33,78	2146,1	19174	28676	760	3594
Израиль	5,7	71,1	7,4	138,5	4095	6300	88	565
Иран	64,8	59,8	2,3	513	1555	950	119	295

Источник: The Military Balance, 1995-1996. L., 1995, с. 128-150.

¹ Без Судана

В регионе Египет занимает 1-е место по численности населения, вооруженных сил и количеству боевых кораблей, 3-е место (после Саудовской Аравии и Алжира) – по валовому национальному продукту, 2-е место (после Саудовской Аравии) – по бюджетным расходам на военные цели и 2-е место (после Сирии) – по численности танков, бронетранспортеров и боевых машин пехоты, а также самолетов и вертолетов. То есть Египет на финише XX века – это такой центр силы, с которым в регионе не могут не считаться. В первую очередь это, конечно, касается Израиля, восточного соседа Египта. Думаем, что и другие региональные

«тигры», такие как Иран, Ирак, Саудовская Аравия и Сирия не могут не считаться с Каиром, особенно, если в регионе, не дай Бог, снова запахнет войной.

Теперь возьмем в фокус Израиль и его соседей. Кто кого должен больше бояться?

Соседи Израиля – это Египет, Иордания, Сирия, Ливан, Палестинская автономия. У них вместе: численность вооруженных сил – 1018,4 тыс. человек, или в 7,35 раза больше, чем у Израиля; танков – 9571, или в 2,3 раза больше; БТР и БМП – 12671, или в два раза больше; боевых кораблей – 222, или больше в 2,2 раза; самолетов и вертолетов – 1524, или в 2,7 раза больше, чем у Израиля.

Количественное соотношение, как видим, явно в пользу арабских соседей Израиля как по численности вооруженных сил, так и по их вооружению, но чистых побед в пяти минувших войнах не одержал никто, потому что дело, по-видимому, не в горах вооружений, а в чем-то еще – в политических, военных, экономических, моральных и других факторах, сводящих на нет превосходство (заметим, по валу) одной стороны (в данном случае арабской) над другой (Израилем).

Отношения внутри арабского братства

Но не только арабо-израильское противостояние определяет военно-политическую погоду на Ближнем Востоке. В 80-х и 90-х годах здесь возникло по меньшей мере еще два очага напряженности: между арабами и Ираном, с одной стороны, и между самими арабами, – с другой.

Длившаяся восемь лет (1980-1988) ирано-иракская война и кувейтский кризис (1990-1991 гг.) «зацепили» прямо или косвенно все побережье Персидского залива, где местные режимы получили самую чувствительную в XX веке встряску, едва не стоившую им самостоятельности, а то и жизни.

Спасли их не собственные вооруженные силы, а те, кого они веками называли империалистами или колонизаторами, «неверными» или еще кем-то. Но никто из арабских стран после того, как осела пыль сражений, не пошел по пути политических договоренностей или компромиссов, не сел за стол переговоров с грозными соседями – Ираном и Ираком, а – в который раз – взялся за модернизацию вооруженных сил, ничем себя не показавших ни в войне с Ираном, ни в войне с Ираком. По существу, по Персидскому заливу так и проходит линия противостояния между арабами и Ираном, а по пустыне – между самими арабами, тревожно посматривающими на горизонт, откуда снова слышится воинственный рокот боевых машин Ирака.

В цифрах это молчаливое противостояние Союза арабских стран Персидского залива (Саудовская Аравия, Оман, Объединенные Арабские Эмираты, Катар, Бахрейн и Кувейт) с Ираном и Ираком к началу 1997 года выглядело так.

Таблица 2

**Соотношение сил между Ираком, Ираном
и странами Персидского залива (1996 г.)**

	Числен. вооруж. сил (тыс. чел.)	Танки	БТР и БМП	Корабли	Вертолеты, самолеты
Страны Залива	257,4	1780	4628	209	638
Ирак	382,5	2700	4400	22	483
Соотношение	0,67	0,66	1,05	9,5	1,3
Иран	513	1555	950	119	295
Соотношение	0,5	1,14	4,87	1,8	2,2

Подсчитано по: The Military Balance, 1995-1996. L., 1995, с. 128-150.

По численности вооруженных сил страны Залива значительно уступают своим соседям, зато по оснащенности боевой техникой они их превосходят и на суше, и на море.

Казалось бы, в чем же тогда дело? Почему так нервничают аравийские шейхи и султаны? Потому, что внутри их «аравийского союза» силы и средства войны распределены крайне неравномерно. Саудовская Аравия, уступая своим союзникам по численности военнослужащих, явно превосходит их по количеству танков, БТР и БМП, хотя несколько меньше у нее боевых кораблей и летательных аппаратов (заметим, кстати, что Саудовская Аравия, Ирак и Оман не имеют на своем вооружении боевых вертолетов).

Таблица 3

**Соотношение вооруженных сил Саудовской Аравии
и других стран Персидского залива (1996 г.)**

	Числен. воор. сил (тыс. чел.)	Тан- ки	БТР и БМП	Кораб- ли	Вертоле- ты, само- леты
Саудовская Аравия	105,8	1055	2905	88	295
Бахрейн, Кувейт, Оман, Катар, ОАЭ (вместе взятые)	151,9	755	1723	121	343
Соотношение	0,7	1,4	1,7	0,7	0,9

Подсчитано по: The Military Balance, 1995-1996. L., 1995, с. 128-150.

Отсюда напрашивается вывод: великие правители малых княжеств арабского побережья Залива, если бы они составляли единое государство, по-видимому, меньше опасались бы угрозы как со стороны Аравийской пустыни, так и со стороны морского побережья. (Напомним историю: с середины VIII до начала XIX веков здесь существовал единый и неделимый Оманский имамат, представлявший собой грозную империю. Распад этой империи, ее дробление на ряд шейхств привели к потере ими независимости, которая вновь была восстановлена только через полтора века.) И сейчас, конечно, вопрос обеспечения безопасности – самый главный для ара-

бов Персидского залива. Но у них, как видим, не все гладко не только с давним соперником – Ираном, но и с воинственным Ираком, да и отношения внутри «братства» не такие уж семейные (есть пограничные споры, есть притязания Саудовской Аравии на руководящую роль в Заливе, есть многое другое, мешающее этим странам выступать единым фронтом).

Опыт многочисленных местных конфликтов и региональных войн показал, что только через политическое урегулирование можно построить новый Ближнийорческому «экспсожалению, и на финише XX века мы были вынуждены констатировать, что оно, урегулирование, остается мечтой.

«Нефтяные доллары» летят в трубу войны

Хотя в 90-х годах доходы арабов от продажи нефти непрерывно падали, расходы 22 стран-членов Лиги арабских государств (ЛАГ) на оборону непрерывно росли. В 1991 г. они составляли 24,7% от общих расходов, в 1992 г. – 25,7%, в 1993-1995 гг. – около 25%. Где-то 19-22% в год тратил на те же цели Израиль. У всех один год мало отличался от предыдущего, но и та и другая стороны постоянно утверждали, что оружие к ним идет якобы по контрактам, заключенным в предыдущих годах.

В принципе, определить достоверно, сколько они тратят на военные цели, весьма сложно. Лондонский институт стратегических исследований, например, публикует два вида данных: официальные, то есть, бюджетные ассигнования, которые приведены нами выше, и отдельные расходы на закупку вооружения. Эти расходы за один год следующие: Алжир – 1,36 млрд. долл. (1993), Бахрейн – 2,51 (1993), Египет – 2,48 (1993), Иран – 4,86 (1993), Ирак – 2,7 (1994), Израиль – 6,2 (1993), Иордания – 0,433 (1994), Кувейт – 3,09 (1994), Ливан – 0,275 (1993), Ливия – 1,091 (1993), Мавритания – 0,036 (1993), Марокко – 1,09 (1993), Оман – 1,9 (1994), Катар – 0,33 (1993), Саудовская Аравия – 16,5 (1993), Сирия – 2,38 (1993), Тунис – 0,231 (1993), ОАЭ – 2,11 (1993), Йемен – 0,355 млрд. долл. (1993). Всего, кроме расходов на содержание вооруженных сил по бюджету, арабы, по данным ежегодника «Military Balance», тратят дополнительно 38,871 млрд. долл.

Если учесть это, то тогда станет ясно, откуда Лига арабских государств взяла данные для своего доклада, к примеру, за 1993 г. По подсчетам ЛАГ, арабские страны тратили на оборону: Оман – 45,7% от общих расходов государства ежегодно, Йемен – 44,55%, Катар – 36%, ОАЭ – 35,89%, Бахрейн – 34,53%, Саудовская Аравия – 31,37%, Кувейт – 29,28%, Египет – 19,58%. Сведения по Ираку и Ливии, против которых действовали санкции ООН, ЛАГ не публиковала, данные по Сирии ЛАГ посчитала неполными (29,03%).

Естественно, невиданные расходы на оборону от преподнесенного Ираком «урока с Кувейтом», не могут не сказываться на экономическом развитии стран-участниц гонки вооружений. Общий дефицит бюджетов членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива в 1991 г. достиг 65 млрд. долл., что стало рекордом. В 1993 г. он составил 29 млрд. И, несмотря на огромный бюджетный дефицит, эти страны, кото-

рые еще содержат и объединенные силы «Щит полуострова», тратят в год около 80 млрд. долл. на военные нужды, а общие затраты арабских государств на оборону в 1993 г., согласно данным ЛАГ, оценивались в 162,9 млрд. долл. В 1995 г. они превысили 180 млрд. долл. Небывалые цифры, сравнимые только с самыми «горячими периодами» ближневосточной драмы!

Из калейдоскопа этих цифр нельзя не сделать другого вывода, кроме того, к которому пришел автор: на Ближнем Востоке пахнет не миром, а новой войной. И ждать ее надо не со стороны Израиля, как это ни парадоксально, и, конечно же, не со стороны Египта, миротворческие усилия которого явно превышают его возможности, а вполне возможно, с северного побережья Персидского залива. Там, на острове Сирри, что в 70 километрах от береговой линии Ирана, развернуты ракетные установки «Хок», взявшие под прицел Ормузский пролив. Иран увеличил также свое военное присутствие на трех островах у входа в Персидский залив, которые он отторг у ОАЭ еще в 1973 г. В октябре 1994 г. на этих островах было 700 иранских военнослужащих, через два года их число превысило 4000 человек. Там размещены ракеты, артиллерия, танки. По видимому, именно это вынудило США и некоторые страны Залива регулярно проводить у названных островов военные учения, держать крупные морские силы, вести патрулирование.

Такой же холодный ветер войны вновь потянул со стороны Ирака, демонстрирующего свою возросшую мощь то у границ Кувейта, то у границ Турции и Сирии против курдов. В свою очередь, Турция под предлогом подавления тех же курдов, нарушая границы Ирака, ведет на его территории военные действия.

И все молчат: ООН, НАТО, другие. Снова чего-то ждут? Новой войны в аравийских песках? Или в горах Курдистана? Или еще где-нибудь в регионе?

США и Россия призывают арабов к миру и продают им ору-

жие

Из всего этого США сделали вывод: отмена санкций ООН против Ирака приведет не к улучшению жизни иракского народа, а к реставрации военной силы, что чревато новыми военными авантюрами вроде тех, которые мы наблюдали в 80-х – 90-х годах.

С 1995 г. страсти разыгрались не только вокруг гонки обычных вооружений, но и вокруг средств массового поражения. Причем они накалились так, что напомнили времена противостояния между НАТО и организацией Варшавского договора, словно на смену бродившему по Ближнему Востоку призраку коммунизма пришел ядерный призрак. «Яблоком раздора» стало предложение Вашингтона ближневосточным странам присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия, которое, кстати, подписали

более 160 членов ООН. Арабы на требование США подписать Договор отреагировали очень жестко. Собравшись на совещание в Каире, министры иностранных дел Сирии, Египта и шести стран Персидского залива дали понять, что ждут от Израиля ликвидации ядерного потенциала. Израиль, естественно, сразу же обвинил ряд арабских государств и Иран в том, что те ведут активную работу по созданию ядерного потенциала. К тому же, что известно и без заявлений Израиля, у ряда арабских государств есть и иные средства массового поражения – химическое и бактериологическое оружие (например, у Ирака, Ливии). Пока министры и президенты консультируются, как выйти из тупика, влиятельные политики и ученые уже призывают арабов к объединению имеющегося у них потенциала, чтобы построить свое собственное «всеарабское» ядерное оружие. Ну, и что станет с регионом, если их призывы будут услышаны?

Печально, что страны Ближнего Востока, ведя переговоры о мире, покупают, продают, производят оружие под самыми различными предлогами. Еще печальнее, что коспонсоры ближневосточного миротворчества – США и Россия – были и остаются самыми крупными экспортерами вооружений. И это – на фоне умилительных миротворческих шоу, нередко разыгрываемых Вашингтоном и Москвой.

США всегда производили оружие, продавали его и одновременно критиковали других за то, что те делают то же самое. Но критиковать было сравнительно легко, например, в 1986 г., когда на долю США приходилось 13% мирового экспорта оружия. Это труднее стало делать в 1995 г., когда американская доля составила почти 70%. В 1993 г. Вашингтон заключил соглашения о поставках оружия на общую сумму 22,3 млрд. долл., намного обогнав Россию, доля которой составила 2,8 млрд. долл., а также Великобританию, занимающую третье место, соответствующая сумма поставок которой достигла 2,3 млрд. долл. Пентагон финансировал продажу оружия 86 государствам и одобрил его бесплатную поставку в почти 50 стран на сумму 2,2 млрд. долл. Да еще санкционировал соглашения на его продажу в 146 стран.

Нетрудно сделать вывод, что увеличение доли США на мировом рынке оружия произошло за счет конкурентов. Например, за период между 1986-1989 гг. и 1990-1993 гг. объем британского экспорта оружия сократился на 76%, а российского и китайского упал на 68%. За тот же период общая сумма контрактов на поставку оружия, которые заключили США, выросла на 134%, как это следует из подсчетов, произведенных Ричардом Гримметом, экспертом библиотеки Конгресса.

Доминирующая роль США обусловлена экономическими бедами России и политической наивностью тех в Москве, кто способствовал Пентагону зарекомендовать себя с лучшей стороны еще во время войны в Заливе. Хотя американские поставки вооружений продолжают еще превалировать на мировом рынке (причем они запаздывают по оговоренным срокам, и это хорошо известно заказчикам), игнорирование возможностей России уже вряд ли разумно. Война в Чечне, плохая или хорошая, дала возможность Москве многое проверить, исправить, обстрелять. Произве-

дена реконструкция военно-промышленного комплекса России, и он постепенно возвращает себе имидж мирового монстра, которого не без оснований побаиваются конкуренты. Участие России в оружейном салоне «IDEX-93», «IDEX-95», «IDEX-97» в Абу-Даби – ярчайшее тому подтверждение. На всеобщее обозрение были представлены новинки, которыми вряд ли кто, даже американцы, может похвастаться. Это: ракетный катер со сверхзвуковыми противокорабельными ракетами «Москит-Э», многоцелевой катер на воздушной подушке типа «Гепард», зенитный пушечно-ракетный комплекс «Тунгуска-М», бронетранспортер БТР-80А со 100-мм пушкой, 120-мм кассетный снаряд с кумулятивно-осколочными боевыми элементами. А вместе с ними в Абу-Даби демонстрировались бесшумное оружие для оснащения специальных подразделений, средства борьбы с подводными диверсантами, зенитно-ракетная система С-300В и С-300, ПМУ-1, ПЗРК «Игла», танк Т-80У, гаубицы «Мста-С», «Нона-СВК» и др. Для показа боевых возможностей российской техники Москва зарезервировала половину всего времени, отведенного на полигонные стрельбы в ходе работы выставки.

Что все это значит? А то, что, во-первых, соперничество в области продажи оружия может в самое ближайшее время превратиться в заметную проблему российско-американских отношений. Во-вторых, ни в одной из стран, числившихся среди главных покупателей советских вооружений (Ирак, Алжир, Иран, Сирия, Ливия), США не смогли заменить Россию в качестве основного поставщика. Именно эти страны Запад рассматривает как неблагонадежные. В-третьих, невозможно вести переговоры о новом и мирном Ближнем Востоке, наращивая одновременно собственный оборонный потенциал. Горы оружия – это непроходимые завалы на пути к миру в регионе. Гонка вооружений – это поток, способный унести в море невзгод любые ростки миротворческих договоренностей. Значит, наряду с поиском политических решений, устраивающих все стороны, по-видимому, настало время договариваться и об уровне оборонной достаточности, и о коллективной модели региональной безопасности, и о совместных мерах против терроризма и экстремизма, и о многом другом, что невозможно и нельзя решать одной только силой.

А пока на Ближнем Востоке – мир милитаризованный. И лексика общения – ультимативная. И действия – на грани срыва мирных договоренностей. И только кое-кто изредка напоминает, что где-то в пути, у какого-то светофора, арабского или израильского, среди гор оружия застрял «мадридский экспресс», надежды на миссию которого еще возлагают и в регионе, и во всем мире.

Ю.Н.Рахманинов,
чрезвычайный и полномочный посол,
доктор исторических наук, почетный член РАЕН

ДОСТИЖЕНИЯ И ПРЕПЯТСТВИЯ НА ПУТИ БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВА В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Вопросы, относящиеся к безопасности и сотрудничеству в Средиземноморье, в виде программного документа о намерениях государств были сформулированы в Заключительном акте, подписанном 1 августа 1975 года в Хельсинки. Отмечалось, что пути решения этих проблем следует рассматривать в более широком контексте, исходя из складывающейся ситуации в мире в целом, в других районах мира, прилегающих к Средиземноморью, а также, естественно, с учетом развития обстановки в самом регионе. При этом важно принимать во внимание интересы безопасности всех стран, которые затрагиваются развитием ситуации в этом районе.

Исторический опыт подсказывает, что при нахождении путей и методов решения средиземноморской проблемы, как и других международных проблем, необходимо придерживаться системно-комплексного и конкретно-исторического подхода к каждому аспекту безопасности и сотрудничества в регионе. Имея в виду многолинейность и неравномерность развития мира и его составных частей, целесообразно соблюдать нормы плюралистического подхода, предпринимать новые односторонние, двусторонние и многосторонние усилия заинтересованных государств для более или менее синхронного решения вопросов безопасности и сотрудничества в Средиземноморье не только по частям, как это происходит в настоящее время, но и в целом путем созыва международных конференций.

Через Средиземноморье проходят морские пути, связывающие континенты мира. В силу такого геостратегического положения этот регион представляет собой узел совпадения и переплетения глобальных, региональных и национальных интересов, в том числе и России.

В геополитическом плане этот регион представляет собой исторически меняющуюся систему международных отношений, состоящую из взаимодействия мирового сообщества через ООН с участниками «Большого Средиземноморья», в которое входят прибрежные страны северной, южной и восточной части данного региона, а также балканские, черноморские, ближневосточные государства и участники ОБСЕ, включая США. Соответственно усилия по обеспечению общей и всеобъемлющей безопасности для Средиземноморья XXI века идут по следующим основным направлениям: преодоление балканского кризиса; ближневосточное уре-

гулирование; кипрское урегулирование; развитие евросредиземноморского партнерства между странами ЕС и Средиземноморья, начало которого было положено в ноябре 1995 года в Барселоне; рассмотрение вопросов безопасности и сотрудничества в Средиземноморье в рамках ОБСЕ и участников «группы восьмерки».

На ситуацию в Средиземноморье, как и в мире в целом, оказывает воздействие борьба двух противоположных тенденций в историческом процессе. Одна из них представлена активностью прогрессивных действующих сил, ведущих единство человеческого рода на качественно, иной, высший уровень развития, позволяющий раскрыть все его богатства и многообразие и потенциальные возможности каждого человека, на основе формирования здорового и рационального общества, его гармонии с природой, сотрудничеством цивилизаций, гуманизмом и солидарностью людей.

Другая тенденция развития, наоборот, порождается деятельностью разного рода негативных разрушительных и паразитических сил, угрожающих перерастанием планетарного кризиса современной цивилизации в катастрофу, которая может стать непреодолимой. Этими силами зла становятся воинствующий милитаризм, агрессивный национализм, религиозный фундаментализм, международный терроризм, наркобизнес и другие виды теневой экономики. Конечно, эти разрушительные силы будут разъедаться внутренними противоречиями. Но опасность состоит в том, что до своего распада они, как раковая опухоль, могут обречь общество на вымирание. Поэтому в настоящее время на первый план обеспечения безопасности выдвигается предотвращение угрозы наступления рукотворного «конца света», разработка и претворение в жизнь стратегии выживания человечества. В этом отношении приобретают особую актуальность последние исследования академика И.Моисеева «Судьба цивилизации. «Путь разума» (1998 г.) и «Быть или не быть... человечеству?» (1999 г.).

Наличие упомянутых противоположных тенденций в мире связано со спецификой самого исторического процесса, который осуществляется как единство, взаимодействие и соотношение двух форм объективного процесса: с одной стороны, развитие и функционирование закономерностей природы и общества, независимых от желания и воли человека, но которые ему необходимо познавать и использовать; с другой стороны, объективная целеполагающая деятельность человека, которая может быть рациональной, ошибочной или просто глупой и невежественной. И последние трагические события в Средиземноморье, в частности на Балканах, подтверждают это.

О кризисе на Балканах. В связи с событиями на Балканах некоторые политики вспомнили о «Концепции Вильсона», изложенной в его 14 пунктах. Расшифровывая содержание этих пунктов, ближайший соратник Вильсона полковник Хаус писал, что ставилась такая задача: путем проповеди национализма расчленив Австро-Венгрию и Россию, оторвать от последней Кавказ, а Среднюю Азию отдать под протекторат союзных держав. Уже в то время такой выдающийся мыслитель и экономист, как Дж. М.Кейнс писал, что «Вильсоновская догма, которая ставит расовые и

национальные различия выше экономических и культурных уз», содействует «усилению национализма»¹. Такой подход Кейнс охарактеризовал как «глупость», которая будет порождать конфликты.

Однако в начале 90-х годов в некоторых кругах стран НАТО, в частности в США и ФРГ, вопреки трагическим урокам истории решили снова воскресить замысел Вильсона для расчленения Югославии и Советского Союза. С этой целью было решено «заменить» принцип права народов распоряжаться своей судьбой на право наций на самоопределение вплоть до отделения и создания государств на этнической основе. Несомненно, такое решение является попыткой повернуть вспять прогрессивный исторический процесс интеграции – перерастания наций и национальных меньшинств в единый народ при уважении прав человека и основных свобод. Такая «замена» поощрила появление агрессивного национализма и воинствующего сепаратизма, которые стали препятствием на пути обеспечения безопасности и сотрудничества между государствами и народами. По мнению французского ежемесячника «Ле Монд дипломатик» (июнь 1999 г.), в результате этого националисты подняли голову. В Хорватии вновь активизировались сторонники создания этнически чистой «Великой Хорватии», которую пыталась образовать летом 1941 г. фашистская организация усташей, в Сербии появились последователи четников, а в Косово албанские сепаратисты стали требовать независимости.

Желая не допустить того, чтобы стремление к этническому единству приводило к нарушению прав национальных меньшинств, к этническим чисткам и вспышкам вооруженных конфликтов на этой почве, специальная комиссия по конституционному праву ЕС под руководством француза Бадинтера предложила в свое время не признавать новых государств на территории бывшей Югославии до тех пор, пока они не откажутся от претензий к соседним странам и не станут уважать права лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам. Эту точку зрения разделяли тогда бывший Президент США Дж.Буш, СБ ООН и другие².

Однако вопреки мнению своих партнеров по ЕС правительство Германии признало 26 декабря 1991 г. в одностороннем порядке суверенитет Словении и Хорватии, что привело к распаду Югославии. Одновременно на сербов обрушилась организованная рядом стран НАТО пропагандистская война, изображающая сербов как «варваров» и «насильников». Все это подстегнуло националистские круги Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговины к вытеснению сербов из своих стран, что вызвало вооруженные конфликты на этнической и религиозной основе. В связи с этим итальянский журналист Т.Ди Франческо на страницах французского журнала «Ле Монд дипломатик» (ноябрь 1998 г.) отмечал, что НАТО несет ответственность за развязывание конфликтов в бывшей Югославии, содействуя формированию там государств на основе этнического единства. Директор указанного журнала И.Рамонэ заключал: «народы Балкан продолжают дорого расплачиваться за слепоту Запада, который в 1991 г. допустил поспешный распад Югославии, осуществленный националистами». Даже Р.Холбрук признал в

январе 1999 г. такую политику «самой большой коллективной ошибкой Запада в области безопасности со времен 30-х годов»³.

В ходе вооруженных конфликтов сербы одержали ряд побед и контролировали Крайну в Хорватии. Но в конце августа 1995 года хорваты при поддержке авиации НАТО перешли в наступление, начав этническую чистку, сжигая сербские города и села. Армия Хорватии, вооруженная США, обратила в бегство 150 тыс. сербов и ликвидировала Республику Сербскую Крайну. Страны НАТО, да и Европы не реагировали на данное проявление геноцида сербов в Хорватии. Этот факт был справедливо оценен профессором института истории Сербской АН С.Терзиным как «серьезный кризис европейской либеральной и демократической традиции»⁴.

Аналогичную антисербскую линию НАТО проводила и при боснийском урегулировании. В 1992 г. в Боснии и Герцеговине обострились противоречия между боснийскими сербами, мусульманами и хорватами. В октябре 1992 г. мусульмане и хорваты заявили о суверенитете республики, а сербская община заявила о создании Сербской Республики Боснии. США, страны ЕС и Россия признали независимость Боснии и Герцеговины. Вместе с тем возник вооруженный конфликт между боснийскими сербами, с одной стороны, и хорватами и мусульманами, с другой.

В марте 1994 г. в Вашингтоне было заключено секретное соглашение между хорватами и боснийскими мусульманами о создании федерации. 10 августа 1995 г. за спиной России между командующим войсками ООН и главнокомандующим объединенными войсками НАТО в Южной зоне Европы был подписан меморандум о «миротворчестве». Это миротворчество свелось к нанесению НАТО 28 и 29 августа бомбовых ударов по боснийским сербам. Под прикрытием натовской авиации началось наступление мусульмано-хорватских войск. 20 тысяч сербов были вынуждены покинуть свои дома. Такой «миротворческий» подход был положен в основу Общего рамочного соглашения о мире в Боснии и Герцеговине, подписанного 21 ноября 1995 г. в Дейтоне (Огайо). 14 декабря 1995 г. в Париже было заключено Соглашение о мирном урегулировании в Боснии и о размещении в соответствии с резолюцией 1035 СБ ООН вооруженных сил ООН (КФОР) с условием, что руководители КФОР могут принимать «все необходимые меры». Была достигнута договоренность о создании Совета по выполнению мирного соглашения, который проводил бы периодические конференции.

В соответствии с принятыми решениями Босния и Герцеговина были разделены на Хорватско-мусульманскую Федерацию (49% территории БигГ) и Сербскую Республику (51% территории БигГ). Каждая из них имеет собственную конституцию, но сохраняет одного президента, единый парламент и центральный банк, который ведет расчеты преимущественно в немецких марках и долларах. Но фактически власть в БигГ принадлежит Верховным представителям международных миротворческих сил. Мир держится лишь благодаря присутствию 30-тысячного корпуса КФОР, который, по существу, стал выполнять роль оккупационных сил в протекторате. Через три месяца после подписания Дейтонских соглашений из Сарае-

во было выслано около 120 тыс. сербов, а с президентом БиГ был подписан договор о размещении «миротворческих сил» в течение 25 лет.

За последнее время был опубликован ряд мемуаров, книг и статей, касающихся боснийского урегулирования. Один из главных участников этого урегулирования Р.Холбрук в своих воспоминаниях «Конец войны» (1998) при всем стремлении оправдать политику США, все же был вынужден признать призрачность Дейтонских соглашений, которые не достигли намеченной цели – создания единого государства. Он отметил также, что в администрации Клинтона и в руководстве НАТО верх взяли фракции «ястребов», сторонников действий с позиции силы и войны. Бывший командующий силами ООН в БиГ британский генерал М.Роуз в своей книге «Борьба за мир» отмечал, что НАТО начала военные действия против сербов, но игнорировала при этом насилия, которые совершали мусульмане и хорваты. Двойной стандарт и двусмысленность позиции США и Европы в отношении прав человека отмечались во многих газетных и журнальных статьях. Исследователь из фонда Рокфеллера Б.Камар в статье «Беспокойная история раздела» («Форин Аффферс», январь-февраль 1977 г.) писал, что «попытки создать государство на основе доминирующей этнической группы приводят в дальнейшем к его распаду и конфликтам». Поэтому, заключал он, Дейтонские соглашения дают мало надежд на прочное мирное решение. На страницах того же журнала за март-апрель 1998 г. профессор Х.Ханнум из Тафтского университета отмечал, что создание «системы государств, основанных на этническом принципе или на исторических претензиях, определенно недостижимо». Французский ученый Пьер Магнучевский, критикуя методы дипломатии США и НАТО, пришел также к выводу, что Дейтонские соглашения, заключенные не мирным путем в результате добровольного согласия, а посредством принуждения насилеием, не могут быть прочными и «страдают юридической несостоятельностью»⁵. Все это дало основание бывшему генеральному секретарю ООН Бутрос Бутрос-Гали в «Годовом докладе о работе Организации, посвященной 50-й годовщине, 1996» заявить в разделе о ситуации в Боснии и Герцеговине: «Мирный процесс пока еще не стал необратимым. Сохраняется реальная угроза того, что страна будет разделена на части по этническому принципу и что это может привести к возобновлению военных действий». (с. 403). Однако Бутрос-Гали считает, что на основе Мирного соглашения при совместных усилиях международного сообщества и подлинного сотрудничества всех сторон в самой БиГ можно добиться восстановления «многоэтнического характера Боснии и Герцеговины».

15-16 декабря 1998 г. в Мадриде состоялась очередная конференция Совета по выполнению Мирного соглашения (СВМС) по Боснии и Герцеговине. В работе приняли участие представители 57 государств. Министр иностранных дел РФ И.С.Иванов заявил, что Россия придает важное значение мирному урегулированию в Боснии и Герцеговине. Конференция завершилась принятием Декларации по БиГ. В Декларации содержится призыв добиться укрепления БиГ «как единого государства, состоящего из двух

равноправных этнитетов». В ней ставилась «общая цель – не создание своего рода международного протектората, а последовательный запуск всех предусмотренных Соглашением государственных механизмов», то есть добиваться принятия и самими боснийцами ответственности за решение проблем страны, постепенно передавать им необходимые полномочия. Участники Мадридской конференции выступили «за придание мирному процессу в БиГ необратимого и самоподдерживающего характера. Это отвечает интересам безопасности на Балканах и в Европе в целом»⁶.

Таким образом, участники Мадридской конференции отвергли домогательства воинствующих кругов НАТО превратить БиГ в базу и протекторат этого блока.

Косовская проблема заняла одно из центральных мест в международной жизни. Только в России вышли в свет два солидных труда на эту тему: «Косово. Международные аспекты кризиса» (М. 1999 г.) и «Европа и Россия: проблемы южного направления» (М. 1999 г.). Масса статей о трагедии в Косово появилась в газетах и журналах во всех странах.

Косово – автономный край в составе Республики Сербии; подавляющее население края составляют албанцы. Для сербов Косово – один из исторических центров формирования их государственности и культуры. Албанская и сербские общины ведут обособленный друг от друга образ жизни. В феврале-марте 1998 г. в Косово усилились сепаратистские тенденции среди албанцев. Одновременно группа террористов так называемой «Освободительной Армии Косова» (ОАК), обучение и подготовка которых осуществлялись в других странах, а финансировались на доходы от наркобизнеса, проникла на территорию Косово. Весной того же года косовские террористы, как их тогда справедливо называли и западные политики, развязали крупномасштабную войну с частями югославской армии и полиции. Сепаратисты-боевики, не имеющие югославского гражданства, стали втягивать в конфликт с силами правопорядка также часть местного албанского населения. В связи с этим страны-члены Контактной группы (Великобритания, Германия, Италия, Россия, США и Франция), созданной в свое время для решения боснийского кризиса, стали подключаться к решению косовской проблемы. На заседании Контактной группы 9 марта 1998 г. в Лондоне было принято заявление с осуждением сепаратизма и терроризма. По предложению России в документ включены положения об осуждении зарубежных сил, финансирующих, вооружающих и обучающих террористические группы в Косово.

22 марта 1998 г. в Косово прошли так называемые параллельные «президентские» выборы, которые в Белграде были оценены как очередное проявление сепаратизма. В то же время правительство Сербии предложило 28 апреля начать переговоры с представителями косовских албанцев. Однако лидеры албанской общины на призыв не откликнулись.

Осенью сербские силы практически освободили Косово от вооруженных формирований ОАК. Но тогда в дело вмешались страны НАТО, угрожая начать бомбить Белград, если не будут прекращены действия серб-

ских сил. Это вынудило Милошевича подписать 13 октября договор с Холбруком. Документ предполагал отвод сербских сил из края, размещение в Косово 2000 наблюдателей ОБСЕ, установление режима воздушного контроля самолетов НАТО над территорией края, размещение «сил Альянса в соседних странах в случае возникновения проблем».

Когда сербские военные были выведены с территории края, то Запад не воспрепятствовал ОАК вновь занять значительную часть территории Косово. Таким образом, руководители НАТО от осуждения на словах сепаратистов и террористов ОАК открыто перешли к их поддержке и сотрудничеству. И это нашло свое подтверждение в последующих шагах натовцев.

С 7 по 23 февраля 1999 г. в местечке Рамбуйе состоялись переговоры представителей Контактной группы, Сербии и Косово. При содействии Вашингтона в Рамбуйе первую роль играли представители ОАК, которые отеснили на задний план «президента Республики Косово» Ибрагима Ругову. Это был признак того, что Вашингтон рассчитывал сделать ОАК инструментом достижения своих целей в Косово и в целом в СРЮ. Переговоры в Рамбуйе напоминали театр абсурда. Представители западных стран до прибытия в Рамбуйе согласовали без участия России главы 2, 5, 7 документа о «мирном соглашении» по Косово, названные его имплементационной частью в дополнение к политической части. Эти главы предполагали, в частности, ввод войск НАТО в Косово и фактическое отделение края от Сербии. Российский представитель предлагал изъять те главы документа, которые были включены за его спиной. Конференция в Рамбуйе закончилась безрезультатно.

С 15 по 18 марта в Париже прошел второй тур переговоров, в ходе которых представители США продолжали выдвигать неприемлемые для сербской стороны условия. При этом раздавались угрозы применения силы, если Белград не примет ультимативных требований. Создавалось впечатление о преднамеренном расчете сорвать переговоры. Так и произошло. Хотя Белград был готов продолжать поиски решения, Вашингтон, не дожидаясь формального завершения переговоров, стал готовить операцию по нанесению воздушных ударов по Югославии. Несмотря на все предупреждения со стороны России об опасных последствиях такого трагического шага, 24 марта 1999 г. началась агрессия НАТО против СРЮ.

Называют ряд причин, толкнувших администрацию Клинтона пойти на такую авантюрную операцию. Среди них был расчет, что СРЮ не сможет оказать долгого сопротивления и капитулирует. В Косово будет создана новая база НАТО, что приведет к сплочению рядов участников альянса под руководством Вашингтона. Это содействовало бы осуществлению стратегического плана США по формированию однополярного американского мира. Об этом свидетельствуют решения, принятые на юбилейной встрече в верхах с участниками Североатлантического союза 23-24 апреля, о новой стратегической концепции на XXI век.

Согласно этой новой стратегии, НАТО наделяет себя в одностороннем порядке правом вооруженного вмешательства по своему усмотрению

в дела любого государства в любом регионе мира без санкций Совета Безопасности ООН. Это – заявка НАТО на роль международного жандарма, то есть на узурпирование полномочий Совета Безопасности и оттеснение на задний план ОБСЕ, Совета Европы и других региональных организаций. Ставится под сомнение жизнеспособность всей системы международных отношений, сложившихся после второй мировой войны, а также вся система международного права. Перечеркиваются положительные достижения в рамках ООН и ОБСЕ по претворению в жизнь превентивной дипломатии, миротворчества и поддержания мира. Массовые убийства и ранения гражданского населения, разрушение их домов, а также исторических памятников и другие варварские акции воздушных сил НАТО являются грубым нарушением как международного права в период вооруженных конфликтов, так и общепризнанных норм морали и религии.

Другой причиной, толкнувшей руководство НАТО осуществить нападение на СРЮ, многие политологи называют стремление оттянуть надвигающийся финансовый и экономический кризис, признаки которого обозначились в Латинской Америке, а затем и в Азии. В качестве одного из средств для достижения этой цели называется оживление военно-промышленного комплекса США и ведущих его союзников. Поэтому не случайно при осуществлении военных акций НАТО в Югославии испытывались новейшие образцы оружия. В то же время стремление США склонить Европу к перевооружению, к разработке и наращиванию новых видов оружия может вызвать очередной тур гонки вооружений, что явилось бы одним из источников угрозы миру. Такой подход есть проявление пагубного наследия прошлого в сознании определенных правящих кругов и не только стран НАТО. Он дает аргумент тем силам, в частности в Азии, чтобы выступить против соблюдения режима нераспространения ядерного оружия и других средств массового поражения. В этой связи следовало бы напомнить мысли Карла Либкнехта, изложенные в его классическом труде «Милитаризм и антимилитаризм». Выступая за отказ от военного соперничества государств и за разоружение, он отмечал, что пора исключить из сознания людей древнюю поговорку: «Если хочешь мира, готовься к войне» Он подчеркивал: «Нет большей опасности для возникновения войны, чем такой метод обеспечения мира!».

В анализе политики США упоминаются и другие мотивы: стремление помешать формированию ЕС единой экономической политики и введению единой европейской валюты – евро, которая оказалась бы серьезным соперником доллара. Касаясь этого вопроса, журнал «Евро» (1999, № 5, с. 31-32) отмечал, что военные действия НАТО в СРЮ вызвали резкое ослабление евро и способствовали укреплению доллара на мировом рынке. Имелись и соображения внутривнутриполитического порядка в связи с предстоящими президентскими выборами: был расчет на то, что быстрая капитуляция Белграда усилит позиции Демократической партии на выборах. Однако разведывательные службы и рекомендации госдепа дали президенту Клинтону ошибочные сведения на этот счет.

НАТО проиграла также пропагандистскую войну, которую ведут ЮСИА, ЦРУ, структуры психологических операций Пентагона и соответствующие службы в других странах Североатлантического союза через средства массовой информации путем использования фабрикаций фактов и ложных сведений. Пример тому – показ по телеканалам сюжетов «бойня сербами мирных жителей в селе Рачек» (хотя телами оказались трупы боевиков из ОАК, напавших на сербские силы), «убийство ребенка» (вместо тела которого была подложена кукла) и т.д. В современный век выхода народных масс на историческую арену и их стремления к самостоятельному политическому мышлению нельзя долго манипулировать их сознанием. Подлинная правда в конечном счете возьмет верх, а те, кто распространяет ложные сведения и клевету, окажутся в изоляции. Более того, они должны понести ответственность за нарушение резолюции ООН «Ложная или извращенная информация» от 15 ноября 1945 г., которая призывает вести борьбу с распространением ложных или извращенных известий.

Если в первые дни нападения НАТО на Югославию эта акция была осуждена половиной человечества в лице Китая, Индии, России и некоторых других стран, то впоследствии и в общественном мнении политиков и населения стран-участников НАТО стал происходить поворот в сторону требований о прекращении войны против СРЮ. С критикой действий администрации Клинтона выступил Г.Киссинджер, который отметил, что балканская кампания НАТО может подорвать единство этого союза, вызвать осложнения в отношениях США с Россией и Китаем и показать некомпетентность руководства США в международных вопросах. Операция «союзническая сила» была осуждена и известной консервативной организацией США – «Фондом наследия», который заявил, что «ни США, ни их партнеры по блоку не имеют достаточных ресурсов для военного вмешательства повсюду»⁷.

С осуждением войны НАТО против СРЮ выступил также один из претендентов на пост президента США республиканец П.Бьюкенен, бывший вице-президент США Д.Куэйл, бывшие министры юстиции США Р.Кларк и обороны Р.Макномара и другие. Папа Римский Иоанн Павел II во время встречи с президентом Италии 23 марта 1999 г. заявил, что всякий акт войны – преступление против Бога.

К непредсказуемым опасным последствиям может привести блокирование США с албанскими боевиками в расчете сделать ОАК главной ударной силой в Югославии и Албании, доведя их численность до 100 тыс. чел. Это угрожает военным переворотом или возобновлением гражданской войны и в самой Албании. Ставка на албанских экстремистов с их планами «Великой Албании» приведет к расширению этнического конфликта в Македонии, где албанцы уже требуют предоставления им «статуса народа». Линия США и их союзников на образование множества «независимых» государств на территории бывшей Югославии по этническому признаку (Косово, затем Черногория, Воеводина, Санджак) превратит Балканы в «пороховую бочку». Более того, такой подход ударит рикошетом и

по ряду самих европейских стран, где имеются национальные меньшинства (Испания, Франция, Великобритания, Румыния). А поддержка Вашингтоном, ФРГ и другими странами НАТО ОАК, существующей на средства наркобизнеса и прибегающей к терроризму, является нарушением Декларации ООН о мерах по ликвидации международного терроризма от 9 декабря 1994 г., конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, Международной конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников» от 4 декабря 1989 г. В составе ОАК – наемники из Албании, Саудовской Аравии, Йемена, Афганистана, Хорватии, Боснии и других стран. Проблема ОАК – одна из главных в ходе проведения миротворческой операции в Косово. В первую очередь надо добиться полного разоружения ее подразделений и выдворения из Косово всех наемников из других стран. Без этого не может быть мирного будущего не только в Косово, но и на Балканах в целом.

Югославский кризис и последовавшие за ним события показали, что политика воинственных фракций США и НАТО и их попытка разрушить сложившуюся систему международных отношений и международного права дала осечку. Опыт истории вновь подтвердил несостоятельность и опасность политики с позиции силы. Бесплодными оказались намерения утвердить однополюсный миропорядок, в котором судьбы народов вершились бы из Вашингтона. В основе стремления установить однополярный мир лежит политика силы и гегемонии, которая была осуждена международным сообществом в Уставе ООН, в резолюциях этой организации о недопустимости применения силы или угрозы силой, а также в резолюции ООН от 14 декабря 1979 г. о недопустимости политики гегемонизма в международных отношениях. В ней подчеркивалось: «Гегемонизм является проявлением политики государства или группы государств, стремящихся политическим, экономически, идеологическим или военным образом контролировать, доминировать или подчинять себе другие государства, народы или районы мира». Силы мира и сотрудничества оказались сильнее, чем демонические силы зла и насилия.

Вместе с тем трагические события на Балканах показали, как отмечалось в Заявлении МИД России от 27 апреля 1999 года, что «реальной трансформации НАТО из военной в преимущественно политическую организацию, о чем столько говорилось в последние годы, так и не произошло». Военная операция НАТО в СРЮ, комментировал американский журнал «Ньюсуик» от 5 апреля 1999 г., означала кардинальное изменение союза, его переход от права на индивидуальную или коллективную самооборону для отражения агрессии извне к наступательному союзу для поддержки одной из сторон во внутреннем гражданском или этническом конфликте. Таким образом, перечеркиваются статьи 1, 5 и 7 Североатлантического договора, утрачивается сама правовая основа его существования и подрывается репутация НАТО с правом выступать в роли партнера для сохранения мира.

На страницах таких известных американских журналов, как «Форин Афферс», «Форин Полиси», «Интернэшнл Афферс», французских изданий «Дефанс Насиональ», «Ле Монд дипломатик», «Ле Монд» и других стали появляться критические статьи о деятельности НАТО и о гегемонизме США. Так, в октябрьском номере «Дефанс Насиональ» была опубликована статья генерального контролера вооруженных сил Франции А.Колле «Балканы – театр войны». Автор отмечает, что «одностороннее развязывание НАТО военных операций означает возвращение к биполярному миру «холодной войны и вновь вызывает на свет призрак третьей мировой войны». В ноябрьском номере журнала «Ле Монд дипломатик» появилась статья известного американского историка Г.Колко «Уроки войны. Косово: военный успех и политическое поражение». Автор статьи пишет, что война НАТО против СРЮ подорвала «репутацию» союза, внесла разногласия как среди его участников, так и внутри них, особенно в Италии, Германии и США. Война была осуждена мировым общественным мнением, что явилось «решающим фактором ее прекращения». США «вышли из этой новой трагедии более изолированными» как в Европе, так и во всем мире». Сходную оценку дал и известный американский политолог Ф.Хантингтон в статье «Одинокая сверхдержава» в «Форин Афферс» (март-апрель 1999 г.). Анализируя ряд вышедших в США книг о положении на Балканах, консультант из «Рэнд корпорейшен» М.Ван Хеувен сделал заключение, что основным выводом для Запада должно быть умение вести дела с Сербией, поскольку она представляет главное действующее лицо на Балканах. Значительный отклик во Франции и не только в ней вызвала статья Реже Дебре в газете «Монд.» Р.Дебре – писатель, философ, бывший советник Миттерана – побывал в Косово и сделал вывод, что средства пропаганды НАТО распространяют фальшивые сведения и клевету в отношении сербов.

В силу приведенных выше данных стал происходить сдвиг в правящих кругах ведущих стран НАТО в сторону более реалистической оценки своих возможностей, осознания бесперспективности решения косовской проблемы военной силой и установления однополюсного мира под гегемонией США.

В этой обстановке должное понимание нашло заявление Президента Б.Ельцина на церемонии вручения верительных грамот группой послов в конце августа 1999 г. о том, что главной задачей мирового сообщества в XXI веке является создание прочного многополюсного мира на демократической основе. 12-13 мая 1999 г. по инициативе французской стороны в России находился Президент Франции Жак Ширак. В ходе встречи президентов России и Франции была подчеркнута важность построения многополярной модели мира, усиления роли и авторитета ООН и верховенства международного права.

Следовательно, линия на возврат решения острых международных проблем, в том числе и косовской, в политико-правовое поле ООН, на повышение роли ОБСЕ и других региональных организаций, несмотря на все препятствия, набирает силу.

В этом плане можно рассматривать решение совета министров иностранных дел группы «восьмерки» от 6 мая 1999 г. и резолюцию СБ ООН 1244 от 10 июня по Косово, в которых говорилось о самоуправлении Косово при соблюдении принципов суверенитета и территориальной целостности СРЮ, а также о необходимости разоружения ОАК. Эти обязательства были подтверждены на совещании МИД «группы восьми» в Кельне 10 июня, а позднее на встрече «большой восьмерки» в Кельне 18-20 июня 1999 года. На этих форумах были рассмотрены и другие вопросы, относящиеся к безопасности и сотрудничеству в Средиземноморье и Юго-Восточной Европе.

О кипрском урегулировании. В июле 1974 г. афинской военной хунтой была осуществлена попытка устроить на Кипре государственный переворот. В ответ Турция как «гарант» обеспечения безопасности туркокипрской общины ввела на остров войска. В 1983 г. в условиях размещения на Кипре турецких войск было провозглашено создание так называемой «Турецкой Республики Северного Кипра». Ее признала только Турция, а ООН осудила этот акт.

Совет Безопасности ООН в резолюции 1092 от 23 декабря 1996 г. по инициативе России поставил задачу добиваться возобновления межобщинного переговорного процесса. В апреле 1997 г. российская сторона выдвинула предложения относительно «Базисных принципов урегулирования на Кипре», которые учитывались кипрскими сторонами в ходе их диалога.

В Заявлении «группы восьми» по региональным вопросам, сделанном в июне 1999 г. в Кельне, содержался призыв к генеральному секретарю ООН на основе соответствующих резолюций СБ ООН пригласить лидеров обеих общин на переговоры при принятии или на себя обязательства соблюдать следующие принципы: 1) невыдвижение каких-либо предварительных условий; 2) вынесение на обсуждение всех вопросов; 3) добросовестное ведение переговоров до достижения урегулирования; 4) полное следование соответствующим резолюциям ООН и договорам.

Ближневосточное урегулирование. Россия наряду с США является коспонсором ближневосточного мирного процесса (СССР и США сопредседательствовали на Мадридской встрече). Вслед за состоявшейся в 1991 г. Мадридской мирной конференцией по Ближнему Востоку были начаты двусторонние арабо-израильские (по палестинскому, иорданскому, сирийскому и ливанскому направлениям) и многосторонние (по общерегиональной проблематике) переговоры. В 1994 г. был заключен мирный договор между Израилем и Иорданией. Между Израилем и ООП были подписаны в 1993 г. Декларация о принципах и в 1995 г. Временное соглашение, в соответствии с которыми в секторе Газа и на части Западного берега р. Иордан была создана Палестинская национальная администрация (палестинское самоуправление).

Во время нахождения у власти в Израиле правительства во главе с Б.Нетаньяху (май 1996 г. – май 1999 г.) мирный процесс переживал кри-

зис. Были прерваны двусторонние переговоры с Сирией и Ливаном, а также многосторонние переговоры по общерегиональной проблематике.

23 октября 1998 г. в Вашингтоне был подписан палестинско-израильский Уай Меморандум о передислокации израильских войск в течение 12 недель тремя фазами с 13% территории Западного берега р. Иордан, 20 декабря 1998 г. правительство Б.Нетаньяху приостановило его реализацию (осуществлена лишь первая из трех фаз передислокации), обвинив палестинцев в невыполнении договоренностей, прежде всего в сфере безопасности.

На выборах в Израиле 17 мая 1999 г. новым премьер-министром избран лидер Партии труда Э.Барак, который высказывается за возобновление мирного процесса на всех треках. Во время визита в США в июле 1999 г. он заявил, что завершить переговоры с палестинцами по окончательному статусу и достичь соглашений с Сирией и Ливаном можно было бы за 15 месяцев, к ноябрю 2000 г. Э.Барак не исключил возможности создания палестинского государства, но высказался против компромисса по Иерусалиму, демонтажа израильских поселений и возвращения палестинских беженцев 1948 г. Премьер-министр Израиля допустил возможность подвижек навстречу сирийцам в вопросе о Голанах и учета взаимосвязи урегулирования с Сирией и вывода израильских войск с юга Ливана. На палестинском треке Э.Барак предлагает сразу перейти к переговорам об окончательном статусе, тогда как палестинцы настаивают на завершении сначала передислокации израильских войск на Западном берегу в соответствии с Уай Меморандумом.

В заявлении «группы восьми» по региональным вопросам содержится призыв к израильской и палестинской сторонам в полной мере и незамедлительно выполнить положения Уай Меморандума и в течение приблизительно года завершить переговоры по вопросу о постоянном статусе. Предлагалось также вернуться к скорейшему возобновлению переговоров между Израилем, Сирией и Ливаном в целях достижения мирных соглашений.

Пакт стабильности для Юго-Восточной Европы был предложен в конце марта 1999 г. Германией и поддержан ЕС. 30 июля в Сараево по инициативе ЕС состоялась встреча глав государств и правительств, участвующих и содействующих международных и региональных организаций, принявших Пакт стабильности. Россия была одним из соавторов Пакта стабильности. Благодаря ее участию удалось снять неприемлемые положения его первоначального проекта при сохранении его главной направленности – содействие международного сообщества, прежде всего Евросоюза, постконфликтному восстановлению на Балканах и долгосрочной работе в интересах стабилизации обстановки в регионе. Предусматривается создание в ближайшие месяцы регионального стола и рабочих столов по безопасности, экономике и гуманитарным вопросам, на которых будет весомо представлена Россия. При этом российская сторона высказалась за скорейшее присоединение к Пакту Югославии, без чего он не сможет оправдать возлагаемых на него надежд.

В настоящее время одним из направлений обеспечения безопасности и сотрудничества в Средиземноморье является развитие евросредиземноморского партнерства. 15-16 апреля 1999 г. в Штутгарте произошла встреча 27 министров иностранных дел Евросоюза и Средиземноморья, которая одобрила документ «Основные направления разработки евросредиземноморской Хартии мира и стабильности». В послании участникам конференции министр иностранных дел РФ И.С.Иванов отметил, что созыв этой конференции свидетельствует о том, что набирает силу тенденция к осуществлению провозглашенной в ноябре 1995 г. в Барселоне цели превращения Средиземноморья в зону мира, стабильности и партнерства с участием всех заинтересованных государств. На международном семинаре на острове Форmentor (остров Мальорка) И.Иванов сказал, что Россия готова внести вклад в подготовку Хартии мира и стабильности в Средиземноморье, которая стала бы кодексом поведения средиземноморских государств в XXI веке.

В последнее время в ряде средиземноморских стран высказывались различные мнения относительно путей решения проблемы безопасности данного района. Так, свои взгляды изложили представители Средиземноморского фонда стратегических исследований, находящегося во Франции. Его директор Ф.Гутманн подчеркнул, что невозможно решать человеческие, культурные, исторические, а также экономические аспекты безопасности Средиземноморья без участия самих стран региона, включая государства, примыкающие к каспийскому морю. Таким образом, происходит как бы возврат к идее созыва в новых исторических условиях совещания по безопасности и сотрудничеству в Средиземноморье (СБСС), которая была конкретизирована в известном предложении Франции, Италии, Испании и Португалии в 1991 году и поддержана большинством заинтересованных государств. Да иного и не может быть, поскольку эта идея представляет собой наиболее правильный ответ на вызов исторических перемен средиземноморского процесса.

Другой руководитель упомянутого фонда Ж.-Ф.Дагузан выступил за использование опыта как ОБСЕ по миротворчеству и предупреждению кризисов, так и заключения Пакта стабильности в Европе. В частности, он предложил начать разработку Средиземноморского Пакта стабильности, который увенчал бы усилия по обеспечению безопасности и сотрудничеству в регионе и стал бы основой для создания соответствующего «постоянного органа». В этом плане предлагается в соответствии с п. 13 Мадридской декларации НАТО по безопасности и сотрудничеству от 8 июля 1997 года перестроить деятельность Североатлантического союза в направлении диалога и партнерства на более широкой основе⁸.

Возобновление переговоров относительно организации СБСС было бы желательно начать на различных уровнях: консультации по линии МИД, межпарламентское сотрудничество и контакты между неправительственными организациями, в частности между научными кругами.

В связи с формированием многополярного мира возрастает значение регионов, сотрудничества между ними по поддержанию и обеспечению международного мира и безопасности, а также повышение роли региональных соглашений, в том числе и в усилении влияния ООН. Для этого необходимо создать эффективные структуры и институты региональных систем государств, приступить к институализации региональных процессов. Такое решение представляет собой императивный ответ на объективный вызов всемирно-исторического процесса перемен в международном сообществе. При этом неотложность институализации средиземноморского процесса диктуется и фактором времени. Опыт истории говорит о том, что выработка региональных соглашений и создание региональных организаций требуют длительных переговоров. Европейским странам, США и Канаде понадобились многие годы упорных переговоров для того, чтобы пройти нелегкий путь от выдвижения самой идеи общеевропейского совещания до завершения его на высшем уровне с подписанием в 1975 г. в Хельсинки Заключительного акта.

В итоге следует сказать, что проблеме безопасности данного региона необходимо решать на основе учета новых черт международных позитивных закономерностей современного развития самого средиземноморского процесса в целом и особенностей каждой страны региона. Поэтому нельзя подходить к средиземноморской проблеме лишь с мерками безопасности одной какой-либо страны или отдельных групп государств.

В силу цикличности исторического процесса не исключено, что возрождение Средиземноморья как зоны мира и стабильности позволит ему вновь стать одним из важнейших центров развития человечества.

¹ Кейнс, Дж. Майнард. Пересмотр Версальского договора. – Петербург. 1992. – С. 9 и 20.

² Уткин А. За кулисами югославской стратегии. // Свободная мысль. – 1999. – № 2. – С. 48.

³ Le Monde Diplomatique, Fevrier 1991, с. 1.

⁴ Терзин С. Сербский вопрос в истории и ныне. // Международная жизнь. – 1998. – № 4. – С. 77.

⁵ Magnuszewski, Pierre «Bosnie; vues sur le passe, images du present, perspectives.» // «Defence nationale». – 1999. – № 3. – С. 114, 119.

⁶ Дипломатический вестник. – 1999. – № 1. – С. 22-23.

⁷ Независимое военное обозрение. – 15-21 октября 1999 – № 40.

⁸ Gutmann, Francis La Méditerranée, mythes et réalités. Daguzan, Jean– Français La Mériderrannée en quete d'ane organisation politico-strategique. // «Défense nationale». – Octobre 1977. – С. 6, 23-24.

АЛЖИР И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Алжир, как и другие страны Магриба, во многом, в том числе и населением, отличается от стран Арабского Востока (Машрика). Прежде всего, это – наличие берберов (около 20 % населения), сохранивших свой язык, фольклор, правовые институты, нравы, обычаи и – в значительной мере – патриархальные связи общинного и племенного характера. Самобытностью отмечены и местные арабы, в большинстве своем являющиеся потомками не завоевателей VII-XI вв., а тех же берберов, только воспринявших арабский язык и ислам. Мало отличаясь поэтому от берберов в быту, образе жизни и социокультуре, они им ближе, чем жителям Машрика¹. В формирование интеллектуальной, экономической и иной элиты Алжира решающий вклад внесли мавры, изгонявшиеся из Испании в ходе Реконквисты XI-XV вв., но сами бывшие потомками от браков арабов и берберов с европейцами. Среди военно-политической элиты велика была доля «мевлед-руми» («урожденный европейцев») из числа принявших ислам бывших христианских пленников, а также присылавшихся османскими султанами в XVI-XVIII в. «потурченцев» (омусульманившихся греков, славян, кавказцев)².

Важным отличием Алжира, как и в целом Магриба, от Машрика всегда была гораздо большая близость к Западной Европе. Пребывание арабов на юге Европы и на островах Средиземноморья заложило основу их интенсивных вплоть до XVII в. контактов в сферах науки, медицины, экономики, архитектуры и военного дела. Несмотря на морское пиратство, с XIII в. постоянно практиковавшееся государствами Магриба, и Европы (особенно Генуей, Венецией, Каталонией, Сицилией и Мальтой), торговля, обмен опытом и людьми между югом и севером не прекращались³.

Вторжение Франции в 1830 г. и последующая колонизация привели к господству в Алжире французского языка и культуры, а также к переселению в Алжир европейцев из Франции, Испании, Италии и других стран. Обусловленная этим «офранцузенность» Алжира породила соответствующий комплекс у алжирцев и крайне болезненные формы в стремлении избавиться от него вплоть до наших дней в ходе трудного процесса модернизации жизни страны, особенно после обретения ею независимости в 1962 г.⁴

Эта особенность положения в Алжире наряду с другими обстоятельствами (большой укорененностью Франции в Алжире и ее геополитической и геостратегической заинтересованностью в нем, сохранением ведущих позиций в экономической и культурной жизни Алжира, а также посто-

янным проживанием во Франции до 1 млн. алжирцев – трудовых мигрантов, учащихся, политических беженцев, не считая многочисленных стажеров – военных, полицейских, административных служащих, научных кадров и технических специалистов) определила более трудный, чем в иных бывших владениях Франции, переход к самостоятельной жизни. Традиции военного насилия, порожденные веками корсарства, полувековым сопротивлением колонизаторам, многочисленными впоследствии антиколониальными мятежами и восстаниями, из которых наиболее кровавым было майское восстание 1945 г., наконец, – освободительная война 1954-1962 гг. – все это, существенно повлияв на политическую культуру алжирцев, составило как бы изнанку поверхностной «офранцузенности» и непосредственно вело к жесткому, иногда жестокому разрешению всех проблем и противоречий как внутри страны, так и вне ее.

Вплоть до настоящего времени алжирцы помнят войну 1954-1962 гг., которая привела к разрушению французской авиацией и артиллерией до 9 тыс. деревень, к гибели почти 1,5 млн. чел., бегству в города около 700 тыс. крестьян и перемещению 2 млн. чел. в концентрационные лагеря «перегруппировки», заключению 400 тыс. алжирцев в тюрьмы, эмиграции 300 тыс. чел. в соседние страны. После войны осталось 500 тыс. вдов и 350 тыс. сирот, а количество раненых и калек не поддавалось счету. К тому же, свыше половины алжирцев потеряли крышу над головой и оказались вне привычных рамок патриархальной семьи вследствие смерти главы семьи, его ареста, ухода в партизаны (их насчитывалось до 300 тыс. чел.) или мобилизации во французскую армию или полицию (там служило до 200 тыс. чел.)¹¹. Все это глубоко потрясло страну в общечеловеческом плане (как и последующий отъезд во Францию большинства алжиро-европейцев и служивших им алжирцев), закрепившись в памяти народа и сказавшись на его отношении к соседям, не пережившим такой катастрофы, а также – к инакомыслию в собственной среде, воспринимаемому как государственная измена или разрушение единства нации.

Вместе с тем алжирцы, убежденные во всемирном значении своей революции (такой считается война за независимость 1954-1962 гг.), с 1962 г. стремились проводить активную самостоятельную внешнюю политику, в том числе – в регионе Средиземноморья. Для первого президента независимого Алжира Ахмеда Бен Беллы (1962-1965 гг.) внешнеполитические ориентиры во многом определялись его убеждением, что «Кастро – брат, Насер – учитель, но Тито – образец»¹². Тем самым он указывал на свое стремление к революционной диктатуре кубинского типа, но основанной, как и у руководителя Египта Гамалы Абдель Насера (1952-1970 гг.), на идеологии арабского национализма, включающей ислам, и абсолютной власти единоличного лидера. Вместе с тем, допуская элементы самоуправления в экономике и другие заимствования из опыта Югославии, Бен Белла подражал Тито в его политике «равноудаленности» от всех блоков и полной независимости от какой-либо силы на международной арене. Пограничный конфликт 1963 г. с Марокко, трения с Тунисом (также из-за

спорной территории), перманентный спор с Францией из-за компенсации за национализированную собственность эмигрировавших алжиро-европейцев и использование французских баз (которые были ликвидированы в 1964 г.) лишь еще больше сблизили Алжир того времени с Египтом и Югославией. В США же и даже в Китае Алжир Бен Беллы называли «африканской Кубой»¹³.

Свержение Бен Беллы 19 июня 1965 г. и замена его Революционным советом во главе с полковником Хуари Бумедьеном означали конец революционного романтизма и приход к власти более жестких прагматиков и националистов. Бумедьен быстро наладил диалог с Францией, заключив в июле 1965 г. соглашения о новых (более выгодных Алжиру) условиях совместной эксплуатации нефти и газа в Сахаре, что не помешало ему уже в 1966-1968 гг. национализировать принадлежавшие в основном французскому капиталу шахты, промышленные и страховые компании, а в 1971 г. – нефтегазовую промышленность. Наряду с этим Алжир продолжал сотрудничество с Францией в экономической, финансовой, культурной, технической и военной сферах, одновременно периодически обостряя и даже доводя до разрыва отношения с США и Великобританией, в основном – по причине поддержки ими (особенно в 1967 г. и 1973 г.) Израиля.

Проблемы безопасности Средиземноморья вообще постоянно находились в центре внимания Алжира, последовательно выступавшего за превращение Средиземного моря в «озеро мира и сотрудничества» путем ликвидации там иностранных баз, вывода военных флотов несредиземноморских стран и установления равноправного сотрудничества всех стран региона. Такова была и позиция Алжира на созывавшихся с 1969 г. конференциях за мир и безопасность Средиземноморья.

Однако эти конференции были малоэффективны, поскольку носили характер преимущественно общественных форумов и не привлекали должного внимания со стороны правящих кругов средиземноморской Европы. Большее значение для Алжира имели, несмотря на его четкий курс после 1965 г. на «диверсификацию внешних связей», все же сохранявшиеся «особые» отношения с Францией. Франция продолжала играть значительную роль в экономике и культуре Алжира, французский язык фактически (но не формально) был государственным, французская пресса, французские товары и специалисты в Алжире предпочитались (и предпочитают сейчас) всем прочим, а французские преподаватели (во Франции и в Алжире) были главными учителями, советниками, помощниками и консультантами алжирцев. С 1976 г. Алжир, как и другие страны Магриба, получил с помощью Франции доступ на рынки Европейского сообщества и заключил соответствующее соглашение¹⁸. Однако это было только начало. Страна тогда стремилась не столько к сотрудничеству, сколько к реализации амбиций малой (региональной) «сверхдержавы».

После 1967 г. Алжир активно действовал в Лиге арабских государств (в связи с ослаблением позиций Египта и Сирии, потерпевших поражение в июньской войне 1967 г. с Израилем) и в Организации африканского един-

ства, ранее не прощавшей Бумедьену свержения Бен Беллы. В 1973 г. Алжир стал местом проведения 4-й конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран. Выработанная по инициативе Бумедьена программа перестройки экономических отношений в мире в рамках нового мирового экономического порядка (НМЭП) была провозглашена и одобрена на специальной сессии ООН в 1974 г. В дальнейшем Алжир неизменно выступал за реализацию НМЭП и за объединение усилий всех развивающихся стран в этом направлении. Эти усилия страны были наиболее впечатляющими в середине 70-х годов, когда объем ВВП ежегодно возрастал на 6,5-8 %, на образование и подготовку квалифицированных кадров тратилось свыше 25-30 % расходов бюджета, что стало возможным благодаря росту почти в 10 раз доходов от добычи нефти и газа за период 1972-1977 г. Алжирцы тогда с гордостью повторяли: «Мы будем японцами Африки и Средиземноморья»¹⁹.

В какой-то мере эти мечты при всей их, казалось бы, нереальности имели под собой основание, так как Алжир по числу студентов на душу населения приближался к Италии, по доле затрат на подготовку кадров превосходил США, по другим показателям догонял Грецию и Португалию. Конкурируя с Египтом (особенно после 1967 г.) за первое место в арабском мире, противопоставляя ему Сирию, а союзной Египту Саудовской Аравии – Южный Йемен, поддерживая палестинцев и (с 1970 г.) режим Каддафи в Ливии, Алжир в целом занимал до конца 70-х годов лидирующее положение среди арабских стран Средиземноморья. Наряду с доходами от нефти и газа, позволявшими алжирскому руководству тратить значительные средства на социальные расходы (строительство жилья, здравоохранение, просвещение, пособия и общественные работы), большую роль сыграла умелая дипломатия правительства Алжира, старавшаяся еще с 60-х годов поддерживать нормальные отношения с полярно противоположными силами, как бы противопоставляя друг другу на основе принципа «равноудаленности» Кубу и США, Францию и ФРГ, Югославию и Албанию, СССР и Китай.

Особенно эффективно алжирцы использовали поддержку СССР, еще в годы революционной войны 1954-1962 г. помогавшего алжирским патриотам по линии дипломатии в ООН и на многочисленных форумах международных общественных организаций, через общества Красного Креста и Красного Полумесяца, профсоюзы, комитеты афро-азиатской солидарности. Политическая, моральная и материальная помощь (продовольствием, одеждой, техникой, медикаментами, лечением раненых бойцов) подкреплялась поставками вооружения и обучением военных кадров. После завоевания Алжиром независимости, по словам Бумедьена, «советские военные специалисты проявили подлинный героизм, очищая от мин алжирскую землю». Всего было ликвидировано до 1,5 млн. мин, при этом несколько саперов из СССР были ранены, а один погиб. Советские врачи, инженеры и техники во многом заменили уехавших французских специалистов. В 70-80-е годы они (а также геологи, преподаватели, металлурги, агрономы, геодези-

сты) работали уже в 26 городах Алжира. «Каждый день, – говорил в 1981 г. президент Алжира, – на стройках, на заводах, в институтах или в больницах советские специалисты и их алжирские коллеги трудятся бок о бок и совместно ведут начатую Алжиром битву за развитие»²⁰.

Тем не менее, опора на СССР никогда не доминировала в политике Алжира и лишь использовалась им как одна из выигрышных карт, тем более – в регионе Средиземноморья. Правители страны вынуждены были считаться с тем, что основные ее интересы все же были связаны не с глобальными, а с региональными проблемами, не с СССР, а с Францией и арабским миром, т.е. со Средиземноморьем. А здесь ситуация складывалась, особенно после смерти Х. Бумедьена в 1978 г., явно неблагоприятно. Хотя пограничный спор с Тунисом был урегулирован, конфликт с Марокко разгорелся с небывалой силой из-за поддержки Алжиром стремления Западной Сахары, избавившейся от господства Испании, к самостоятельности. На территорию Западной Сахары претендовало Марокко, которое в 1976 г. фактически ее оккупировало, чем в ответ спровоцировало партизанское движение. Поддерживая это движение, Алжир рассчитывал через территорию Западной Сахары получить прямой выход к Атлантическому океану, минуя Марокко.

Так на западе региона завязался новый узел противоречий, возник новый источник напряженности, сохранявшийся всю последнюю четверть XX в. К тому же, помимо самой Западной Сахары, Алжира и Марокко, в конфликт оказались вовлечены и другие страны: Испания – как бывшая метрополия, стремившаяся не ссориться с Марокко, США – оказывавшие Марокко военную, финансовую и политическую поддержку, Франция и Мавритания – как союзники Алжира.

Помимо общего ухудшения обстановки на западе Средиземноморья, западносахарский конфликт имел и другие негативные последствия. Он обострил социальную напряженность внутри Алжира в связи с необходимостью дополнительных военных и иных расходов, в том числе – на содержание сахарских партизан и беженцев. Алжир попал в трудное положение в середине 80-х годов, когда стал оформляться Союз Арабского Магриба (САМ) в составе Алжира, Марокко, Туниса, Ливии и Мавритании. Неурегулированность алжиро-марокканских отношений из-за Западной Сахары (несмотря на их восстановление после 12-летнего перерыва в 1988 году) мешала реализации договора 1989 г. о политико-экономической интеграции государств САМ, включая координацию их политики в сфере обороны и безопасности. К тому же в это время Алжир столкнулся и с другими, более тяжелыми для разрешения проблемами.

Наступили сроки погашения внешнего долга и одновременно снизились доходы от нефти (вследствие падения в 1981-1988 гг. цен на нее на мировом рынке в 4 раза и уменьшения объемов добычи ввиду истощения ее запасов, ранее казавшихся неисчерпаемыми). Все это привело к сокращению социальных расходов, дотаций, закупок продовольствия, к росту безработицы до 22 % трудоспособного населения. Новый президент Шадли

Бенджедид не пользовался таким авторитетом, как Бумедьен, и вынужден был идти на уступки. Однако дальнейшее ухудшение положения (в 1989-1991 гг. цены на питание выросли в 5 раз, а число безработных – с 2,5 млн. до 4 млн. чел.) выдвинуло на авансцену исламских фундаменталистов»²¹.

Еще в 1980-1982 гг. в Алжире появились приверженцы идеи исламской революции 1978-1979 гг. в Иране и ее вождя Хомейни, особенно в сфере городской бедноты и нетрудоустроенной молодежи. Они критиковали власти за искажение и «порчу» ислама, за забвение Корана и шариата. Частично эти идеи привнесли в Алжир прибывшие из Египта и Сирии, а также Иордании и Судана сторонники «братьев-мусульман». У себя на родине они подвергались преследованиям и поэтому воспользовались приглашением алжирских властей, искавших по всем странам ислама преподавателей классического арабского языка, которых в Алжире почти не готовили. Новоиспеченные «преподаватели» одновременно с выполнением прямых обязанностей занялись широкомасштабной пропагандой своих идей. Ситуация все усиливавшейся социальной напряженности, экономического и идейного кризиса в стране способствовала усвоению и быстрому распространению исламо-экстремизма, сторонники которого в Алжире получали также поддержку из Туниса и Судана. Их ряды, к тому же, стали пополнять представители интеллигенции, учащиеся, духовенство, политически активизировавшиеся в соответствии с новыми положениями февральской конституции 1989 г. Из 24 возникших тогда в Алжире политических партий 4 были исламистскими, в том числе – Исламский фронт спасения (ИФС), пользовавшийся поддержкой до 3 млн. чел.²²

Успех ИФС на парламентских выборах в декабре 1991 г. создал угрозу прихода исламистов к власти. Однако в Алжире, по мнению известного историка Мухаммеда Харби, не государство имело армию, а «армия имела свое государство». Поэтому армия, отстранив в январе 1992 г. заколебавшегося президента Ш. Бенджедиде, отменила результаты выборов. Был образован Высший государственный совет (ВГС), начавший управлять страной в условиях чрезвычайного положения. ИФС, объявив, что армия «бросила вызов шариату, народному выбору и конституции», перешел к открытой вооруженной борьбе, образовав Исламскую армию спасения (ИАС). Кроме того, возникло еще множество различных исламо-экстремистских групп, нередко боровшихся не столько с властями, сколько друг с другом²³.

Январь 1992 г. явился, таким образом, началом жестокой гражданской войны, в которой, по разным данным, к началу 1998 г. погибло до 80-100 тыс. чел.²⁴ В стране непрерывно происходили бои, стычки, партизанские налеты, засады, нападения на официальные учреждения, военные штабы, полицейские комиссариаты, банки, частные виллы. Бомбы и заряды динамита постоянно взрывались в магазинах, поездах, автомобилях, кинотеатрах, иностранных посольствах, на предприятиях и рынках. Уже почти 9 лет алжирцы не знают, что такое личная безопасность, ибо никто из них не защищен от террора, жертвой

которого стали наряду с десятками тысяч простых людей многие известные писатели, журналисты, бизнесмены, министры, высокопоставленные служащие²⁵.

Представляется весьма вероятным дальнейшее затягивание войны ввиду давней укорененности в алжирском обществе привычки к насильственному разрешению всех конфликтов, а также вследствие многообразия противоречий между противоборствующими сторонами. ИФС, ИАС и другие группы исламистов были поддержаны прежде всего социальными низами города и деревни, широкими слоями безработных и молодежи, а также (менее явно и более осторожно) – частью торговой и аграрной буржуазии, некоторыми слоями чиновничества и молодой интеллигенции, получившими арабоязычное образование и сильно исламизировавшимися за последние 15-20 лет. Против исламо-экстремизма и угрозы установления в стране «теократического режима» выступила армия (большинство ее офицерства и генералитета учились во Франции, СССР и Египте и официально осуждало исламо-экстремизм). Армию поддержали бюрократия и технократия госаппарата и госсектора экономики, опасавшиеся утраты власти и положения, большинство буржуазии, заинтересованной в займах, кредитах, товарах и технологии Запада, а также преобладающая часть интеллигенции, связанной преимущественно с франкоязычным образованием, культурой и образом жизни. Наконец, против исламо-экстремизма выступила основная часть берберов, среди которых немало военных, госслужащих, интеллектуалов и предпринимателей, но гораздо больше крестьян горных районов, без опоры на которых в Алжире не было долговечно ни одно революционное или партизанское движение²⁶.

Таким образом, тугой узел экономических, социальных, политических, идеологических и даже культурно-этнических противоречий в Алжире делает исключительно трудным прекращение гражданской войны в этой стране, особенно в условиях непрекращающегося вмешательства извне. С самого начала исламо-экстремистов Алжира поддержали Иран и Судан, что вызвало разрыв отношений с ними в 1992 г. Это не уменьшило финансовой помощи исламистам, шедшей до 1994 г. в основном из Саудовской Аравии, Бахрейна, Омана и некоторых других нефтедобывающих стран Арабского Востока. Однако, столкнувшись у себя с проблемой исламо-экстремизма, эти страны прекратили помощь. С тех пор главный спонсор алжирских экстремистов – различные мусульманские фонды и благотворительные организации в США, Великобритании и других странах Западной Европы. Когда алжирские экстремисты занялись в 1993-1995 гг. террором во Франции, по их подполью в этой стране были нанесены серьезные удары, во многом подорвавшие их влияние среди 3 млн. магрибинских иммигрантов во Франции. Позже была также раскрыта международная сеть их военно-технической и финансово-пропагандистской поддержки во Франции, Бельгии, Германии, Италии, Великобритании, Швеции и Польше²⁷.

Практически международный характер носит и самая непримиримая и беспощадная из экстремистских организаций Алжира – «Вооруженная исламская группировка» (ВИГ), провозгласившая своей целью «восстановление халифата» путем ликвидации в Алжире «евреев, христиан и всех неверующих». Особенно жестоко она расправлялась с интеллигенцией, иностранцами и женщинами с открытыми лицами. Основу ВИГ составили 2 тыс. алжирцев, в свое время долгие годы сражавшиеся в Афганистане и получавшие по 1,5 тыс. долларов в месяц (из отчислений США и Саудовской Аравии) на борьбу с коммунизмом». После 1989 г. они, приняв участие в различных конфликтах в Афганистане, Пакистане (где в спецлагерях прошли военную подготовку), Йемене, Судане, на юге Ливана и в Палестине (в рядах известного «Движения исламского сопротивления», сокращенно – ХАМАС, от арабского «Харакат аль-мукавама аль-исламийя»), в Таджикистане, Боснии и Чечне, стали профессиональными боевиками. Те из них, кто вернулся в Алжир, образовали в 1993 г. ВИГ, быстро превзошедшую прочие группы экстремистов по жестокости совершаемых варварских актов (вплоть до сожжения заживо стариков, женщин и детей). Потери, понесенные ВИГ в боях с армией и спецслужбами Алжира, вынудили ее пополнять свои ряды за счет единомышленников из других стран (в основном из Туниса, Египта, Судана и Йемена, но также – из Ливана, Ирана и Афганистана), ранее воевавших в рядах афганских моджахедов. Известно, что сотни из них прошли дополнительную военную подготовку на базах проиранской группировки «Хезболлах» на юге Ливана и ею же были вооружены и оснащены. Весной 1995 г. алжирская армия впервые объявила о захвате ею в плен боевиков из Афганистана, Египта, Марокко, Туниса, Ливии и Судана. Задолго до этого в Алжире говорили о наличии среди исламо-экстремистов «неалжирцев» и «неарабов», а также – о поддержке их со стороны США. Впрочем, поступали также, особенно в 1994-1996 гг., сведения о том, что ВИГ объявила джихад своим основным конкурентам, в том числе ИАС, и что в самой ВИГ кипит ожесточенная междоусобная борьба²⁸.

Вмешательство извне в дела Алжира, стимулирующее продление войны, заставило его правящие круги пойти на большее, чем им хотелось, сближение с Францией. В 1992 г. Франция не одобрила военный переворот и отмену результатов выборов в Алжире. Однако реальная угроза захвата власти исламо-экстремистами заставила Париж изменить свою позицию. В 1993-1995 гг. Франция предоставляла Алжиру ежегодный кредит в 6 млрд. франков (т.е. примерно 1 млрд. долларов). Занимая 1-е место в импорте и 3-е место в экспорте Алжира, Франция содействовала (вместе с Италией) реструктуризации и отсрочке выплаты долга Алжира МВФ, а также – обновлению и укреплению связей Алжира с ЕС. Заинтересованность в этом проявила и Испания, являющаяся, наряду с Францией и Италией, крупнейшим импортером алжирской нефти и газа. На встречах в Риме, Тунисе и на острове Майорка еще в 1990 г. упомянутые выше три державы поддержали стремление Алжира участвовать в системе сотрудничества Западного Средиземноморья. Алжир поддержал в 1991 г. инициативу Египта по созданию

«Средиземноморского клуба» и участвовал в 1994 г. в форуме 11 стран (от Португалии до Мальты и Турции) в Александрии. Наконец, в ноябре 1995 г. Алжир принял участие в Барселонской конференции министров иностранных дел 27 государств региона (были представлены 15 стран – членов ЕС, а также Алжир, Египет, Израиль, Иордания, Кипр, Ливан, Мальта, Марокко, Палестина, Сирия, Тунис и Турция)²⁹.

Франция и раньше оказывала Алжиру достаточно серьезную поддержку, предоставив ему в 1985-1991 гг. 618 млн. долларов экономической помощи и посодействовав в получении 483 млн. от ФРГ, 426 млн. от Италии и 229 млн. из общей кассы ЕС. После же 1995 г. Алжир оказался подключенным к начатому в Барселоне «евросредиземноморскому процессу», хотя еще в начале 1995 г. Алжир обвинял Париж во «вмешательстве во внутренние дела своей бывшей колонии». Но это была лишь временная (как и в 1992 г.) размолвка, так как стратегические интересы сторон совпадают: ни в Алжире, ни в Париже не хотят ни прихода исламистов к власти, ни усиления позиций США в Средиземноморье. Франция стремится быть во главе всех акций ЕС по сближению с югом и востоком Средиземноморья, немало преуспев в этом плане за последние годы в Тунисе, Египте и Ливане. Алжир для нее значит экономически, стратегически и геополитически даже больше, чем эти страны. Поэтому она и намерена вовлечь его во все формы «евросредиземноморского сотрудничества», охватывающего сферы безопасности, экономики, социального развития, культуры и образования. Для Алжира это – шанс выйти из гражданской войны³⁰.

Для России это тоже чрезвычайно важно. Алжир – наиболее тяготеющая к союзу с ней арабо-мусульманская страна Средиземноморья. Геополитически это обусловлено объективной заинтересованностью обеих стран в мирном и нейтральном статусе Средиземноморья, отсутствием здесь военных баз великих держав и их вооруженных сил, географической отдаленностью, исключающей какую-либо почву для территориальных или иных претензий (России) и опасений (Алжира). Отсутствует здесь и фактор Израиля, непосредственно воздействующий на позицию Египта или Сирии. Россия и Алжир, если исключить эпизодическое участие алжирских эскадр в составе воевавшего против России османского флота в XVIII-XIX вв., практически никогда не воевали друг с другом. Вместе с тем долгая история наших отношений, наработанный потенциал экономического, технического, культурного и военного сотрудничества, заинтересованность Алжира в опоре на великую державу, не имеющую гегемонистских замыслов или колониальных поползновений в регионе Средиземноморья, заинтересованность возрождающейся России в восстановлении своего исторического влияния в арабских странах, особенно – имеющих богатый опыт совместной деятельности с нами, объективно делают Алжир и Россию естественными союзниками. Собственно, пониманием этого и направлялась всегда политика России в отношении Алжира.

¹ Алжир: (Справочник). – М., 1997. – С. 28-60; *Ланда Р.Г.* История Алжира. XX век. – М., 1999. – С. 5-10.

² Europe, the Mediterranean, Russia: perception of strategies. – М., 1998. – С. 89-95.

³ *Омар А.А.* Западноевропейское политико-культурное влияние на развитие стран Магриба в новейшее время и этнокультурный фактор. – М., 1994. – С. 24-25; *Monlail J.* Les Etats barbaresques. – Р., 1973. – С. 37.

⁴ *Аргентов В.А.* Алжир на новом пути. – М., 1982. – С. 42; *Eveno P.* L'Algérie. – Р., 1994. – С. 92; *Viratelle G.* L'Algérie algérienne. – Р., 1970. – С. 241.

⁵ *Аргентов В.А.* Указ. соч., с. 19; *Ланда Р.Г.* Указ. соч., с. 121; *Bourdieu P., Sayad A.* Le déracinement. – Р., 1964. – С. 13; *L'ère des décolonisations.* Aix-en-Provence, 1995. – С. 65.

⁶ Time. Chicago. 20.09.1963, с. 4.

⁷ *Merle R.* Ahmed Ben Bella. – Р., 1965. – С. 152.

⁸ Europe, the Mediterranean, Russia..., с. 12-13.

⁹ *Аргентов В.А.* Указ. соч., с. 31, 37; Новейшая история арабских стран Африки, с. 239-240.

¹⁰ *Аргентов В.А.* Указ. соч., с. 37; Визит Шадли Бенджедиды в Советский Союз. – М., 1981. – С. 10-11, 14-15; *Шведов А.А., Подцероб А.Б.* Советско-алжирские отношения. – М., 1986. – С. 81-85.

¹¹ Азия и Африка сегодня. – 1991. – № 12. – С. 29; Восток. – 1993. – № 1. – С. 141; Maghreb-Machreq. – 1990. – № 1286. – С. 78; El Moudjahid, 10.03.1991.

¹² *Аргентов В.А.* Указ. соч., с. 31; El Moudjahid, 09.07.1990.

¹³ *Бабкин С.Э., Миронова Е.И.* Алжир: три года на грани Гражданской войны. – М., 1995. – С. 24; *Burgat F.* L'islamisme en face. – Р., 1995. – С. 150-159; Le Monde, 08.10.1988.

¹⁴ Компас. – М., 1999. – № 38-39. – С. 101; Русская мысль. Париж, 04-10.09 и 23-29.10.1997, 15.11.1998.

¹⁵ Ислам и исламизм. – М., 1999. – С. 149-150.

¹⁶ *Аргентов В.А.* Указ. соч., с. 3; *Ланда Р.Г.* Указ. соч., с. 217, 236.

¹⁷ *Миронова Е.И., Бабкин С.Э.* Алжир: поиск гражданского согласия. – М., 1999. – С. 8-9; *Labat S.* Les islamistes algériens, – Р., 1995. – С. 332; Le Monde, 11.05.1996.

¹⁸ *Миронова Е.И., Бабкин С.Э.* Указ. соч., с. 24, 29-31, 40, 58-61; Азия и Африка сегодня. – 1993. – № 12. – С. 33-34; Известия, 24.08.-05.11.1995; *Charef A.* Algérie: autopsie d'un massacre. – Р., 1998. – С. 231; *Labat S.* Op. cit., с. 90-94, 97, 227-231.

¹⁹ Европа и Россия: Проблемы южного направления. Средиземноморье – Черноморье – Каспий. – М., 1999. – С. 23-24; Europe, the Mediterranean, Russia..., с. 122.

²⁰ Азия и Африка сегодня. – 1998. – № 11. – С. 19; Европа и Россия..., с. 24-25; Russia: the Mediterranean and Black Sea Region. – Moscow. – 1996. – С. 74.

Л.И.Медведко

доктор исторических наук, академик РАН

РОССИЯ И БЛИЖНИЙ ВОСТОК: СТО ЛЕТ В СОПРЯЖЕНИИ ВОЙНЫ И МИРА

Пожары имеют свойство разрастаться и время от времени снова воспламеняться там, где их, казалось, уже потушили навсегда. Это неоднократно происходило на Балканах. Затем на Ближнем Востоке. Теперь – на Кавказе...

«Балканизация», связанная с распадом Австро-Венгерской империи в Европе, привела к Первой мировой войне. Завершилась она крушением монархий не только в России и Германии, но и в Турции. Процесс «палестинизации» как составляющая раздела Османской империи и заката западного колониализма отозвался затем еще более громким отголоском после окончания Второй мировой войны. Палестинская проблема стала тогда сердцевинной самого продолжительного в XX веке регионального конфликта на Ближнем Востоке. Он сопровождался многими войнами и революциями. Народ Палестины – пишет Абу Мазен, – пережил четыре восстания и пять так называемых «малых» войн после ухода оттуда Англии [1]. Ближний Восток не миновали и обе Великие мировые катастрофы. Каждая из них имела свои «холодные» войны. Отмечавшееся на исходе века пятидесятилетие холодной войны проецировалось на такую же годовщину полувекового арабо-израильского конфликта.

После перенесения его центра тяжести в Персидский Залив новый региональный кризис, вызвавший «иракизацию» Ближнего Востока, стал рассматриваться как одно из главных препятствий и тормозов распространения на него процесса глобализации, набирающего в конце века все большую силу. Ближневосточный конфликтный узел стал после этого многосоставным, можно сказать, многоочаговым.

В столетней ретроспективе просматривается определенная взаимосвязь не только между разными его очагами. Происходит своеобразное сопряжение между вспыхивающими здесь великими войнами и поиском выхода из них. Пики той и другой активности, можно сказать, с точностью до года, повторяются в трехгодичном диапазоне, совпадая с подъемом и спадом солнечной активности продолжительностью 10-11 лет. Такая взаимосвязь солнечных и земных явлений была прослежена великим русским ученым-энциклопедистом А.Л.Чижевским. Она отмечалась не только на протяжении последних двух тысячелетий, но, как это выясняется к концу нынешнего столетия, и в течение последних двух веков [2]. Это происхо-

дит как на региональном, так и глобальном уровнях. Ближнее зарубежье России ныне сталкивается тоже со своеобразной российской моделью «палестинизации». Появление уходящих своими корнями в конец прошлого века самых заметных движений в планетарном и региональных масштабах – коммунизма, сионизма и исламизма, – которые возникали под лозунгами объединения пролетариев, евреев или мусульман всего мира, предстает теперь как проведение первых экспериментов своеобразной «глобализации» и «регионализации» по классовому, национальному или религиозному признакам. Пережив за прошедшее столетие свои взлеты и падения, они завершили и на его исходе не столь уж триумфально. Собрать и соединить воедино ни тех, ни других, ни третьих не удалось. Не менее безуспешными оказались и проводившиеся опыты собирания в едином государстве всех арабов, тюрков или персоязычных мусульман в региональных масштабах.

Процессы, называемые ныне на научном языке «глобализация и регионализация», проходят то параллельно, то сливаясь на новых постимперских витках и на Ближнем Востоке, и в наших «родных палестинах». Их сопряжение происходит и на геополитическом, и социальном, и на *геоцивилизационном* уровнях. В отличие от геополитики, отдающей приоритет «местоположению», геоцивилизационные процессы обусловлены в большей степени многомерными параметрами «условия пребывания». Они выступают как компоненты синергетической триады социоестественной истории «Природа – Человек – Общество». В этих измерениях проблемы глобализации экономики сопрягаются в многополюсном мире со многими духовно-культурными составляющими. На языке информатиологии их можно назвать информационной энергетикой социумов.

Затянувшийся постколониальный «транзит»

Для России Ближний Восток всегда был и остается самым близким географическим, историческим, во многом даже родственным по духу зарубежьем. Это родина трех авраамистических верований – христианства, ислама и иудаизма, которые издревле исповедуются на Руси. «Святая земля» и распространенное на Руси понятие «родные палестины» выражают идею их цивилизационного родства.

Большинство арабских стран Ближнего Востока в обеих мировых войнах оставалось как бы в стороне от основных театров военных действий в Европе и Азии. Но арабские народы вовсе не были безучастными наблюдателями двух великих войн XX века. Однако характер их последствий в значительной степени определялся не столько самостоятельной ролью этих стран, сколько тем местом, которое им отводилось инициаторами и участниками возникших кризисов. Сами ближневосточные страны и их народы выступали, как правило, не субъектами, а скорее объектами той политики, продолжением которой становились эти войны. Отсюда вытекает и противоречивость геоцивилизационных итогов двух мировых войн для нынешних стран Ближнего Востока. После них они начали

отстаивать свое законное право полноправных субъектов международных отношений.

Ближний Восток, часто называемый «колыбелью цивилизаций», после двух мировых войн, можно сказать, снова стал на этот раз постколониальной колыбелью возрождения «прерванных» цивилизаций. Процесс этот, сопровождаемый становлением новых государственных образований, оказался мучительно затяжным. Иначе и не могло быть. Он развивается в двух противоположных направлениях. Веками и даже тысячелетиями закупоренная «свободолюбивая» энергия арабов, как и других этносов, народностей и непризнанных наций, стремилась найти выход, чтобы развиваться в «свободном», то есть «открытом» режиме. По разным причинам они не сумели самоидентифицироваться как социумы. Теперь эта энергетика вырвалась наружу. Различные векторы сил приобретали как центробежное (на этноконфессиональном уровне), так и центростремительное (в параметрах прерванных макро– и микроцивилизаций) направления. На Ближнем и Среднем Востоке это стало находить проявление, с одной стороны, в гиперэтнизме, когда едва ли не каждый этнос или конфессия стремятся, если не к государственности, то к автономии. С другой стороны, – в супердержавности на основе собирания всех арабов, евреев, тюрок или персоязычных народов. Каждый из них хранит историческую память о своих «золотых периодах» некогда великих древних или средневековых империй [3].

Если арабы и тюркские народы обращают свою память к Великим халифатам, «мировым» империям «чингисидов» «великих моголов» и османских династий, то евреи и персоязычные народы, включая курдов, не в меньшей степени подпитываются энергетикой своей исторической памяти о могущественных империях Дария и Кира, царей Давида и Соломона и еще более древних халдейских, ассирийских, мидийских владык и египетских фараонов. Такой исторической памятью подпитывались и идеологии, взятые на вооружение различными современными националистическими и освободительными движениями на Ближнем Востоке.

На смену оставшейся не у дел после распада Советского Союза «советологии» ныне в западной политологии появилось новое направление, называемое «транзитологией». Как правило, оно ведет исследования общественных, в том числе цивилизационных, процессов постсоветского периода, оперируя понятием «транзита». Связывают его в основном с тоталитаризмом бывших коммунистических стран. Между тем ряд режимов периода колониального правления в ближневосточных странах тоже мог быть отнесен к «транзитам» инационального господства. Это особенно наглядно проявлялось в Палестине. Она пережила наиболее длительную «постколониальную трансформацию». Преодоление связанных с ней «транзитов» на Ближнем Востоке оказалось чревато рецидивами старых и появлением новых видов авторитарности теократии и этнократии. Опасности и последствия порождаемых ими войн и кризисов оказываются не менее ощутимыми, чем те, что исходят от «посткоммунистических транзитов».

Затянувшиеся на Ближнем Востоке и по соседству с ним сложные формационные и цивилизационные процессы, безусловно, связаны с такими постколониальными «транзитами». Трудности их преодоления обусловлены причудливым сплавом древних мифов, полузабытой или искаженной историей со всеми сопутствующими им традиционными и модными идеологиями, воинственными доктринами и противоречивыми экономическими интересами.

Сравнительный опыт трудного рождения новых государственных образований на Ближнем Востоке дает достаточно оснований для более глубокого переосмысления недавнего прошлого и более широкого видения будущего через настоящее. Оно может формироваться в их временной взаимосвязи в рамках складывающейся синергетической парадигмы геочивилизационного видения истории и политики в их пространственно-временном сопряжении.

Мир ислама в преддверии и в ходе мировых войн, в их размытых хронологических рамках и пространственных границах оказался ареной не столько «глобальной идеологической конфронтационности», сколько межимпериалистической, а затем и межблоковой борьбы за раздел колоний и зон влияния. Но и здесь не менее остро продолжают давать о себе знать кризисы и войны цивилизационного характера, связанные и с обострением межнациональных и межрасовых отношений. Указывая на особенность войн «цивилизационного типа», К.Клаузевиц писал, что без накала чувств и страстей никакая война не начнется и не продлится сколько-нибудь долго [4].

Во временных измерениях социоформационной истории весь период мировых войн для Ближнего Востока был, по предлагаемой И.Дьяконовым периодизации, переходным этапом двух поздних исторических фаз – «шестой» (с относительно стабильно-абсолютистским постсредневековьем) и «седьмой» (с устоявшимися или развивающимися капиталистическими отношениями). «Восьмая фаза», в которую ныне на Ближнем Востоке вступает лишь один Израиль, для ряда мусульманских стран ассоциируется не только с некой неопределенной для них «постколониальной эпохой», но и с выбором их собственного исламского пути. Он видится им как нечто среднее между посткапитализмом и постсоциализмом, с внедряемой в ряде из них так называемой «таухидной экономикой» [5].

Выбор этого пути связывается с начавшимся в 70-х годах процессом «возрождения» ислама. После победы иранской революции этот процесс получил более динамичное распространение как на Ближнем Востоке, так и во всем афро-азиатском регионе. Он стал приобретать характер межцивилизационного противостояния восточного «мира ислама» («дар-уль-ислам») с западным «миром войны» («дар-уль-харб»).

В условиях неурегулированности арабо-израильского конфликта «дар-уль-харб» в глазах мусульман стал ассоциироваться прежде всего с той частью «иудейско-христианского мира», которая поддерживает Израиль. К ней стала теперь причисляться и Турция. С ней арабские идеологи и раньше связывали и начало, и закат исламской цивилизации из-за паде-

ния авторитета религии, отчуждения власти от общества и привлечения к управлению государством «инородных групп».

Мировые войны в глазах мусульман до сих пор воспринимаются как проявление отголосков межцивилизационных войн. Прогнозируемые С.Хантингтоном на грядущие столетия «столкновения на разломах цивилизаций» циклически повторялись и до, и после мировых войн XX века. Они сопровождались локальными, региональными и «межмировыми» войнами как на «разломах», так и на стыках субцивилизаций и суперэтносов. В годы Первой мировой войны тоже имело место столкновение арабо-мусульманского и тюрко-мусульманского миров. После Второй мировой войны началось противоборство между «иудейско-христианским» и мусульманско-арабским мирами, между арабо-суннитским и арабо-шиитским направлениями ислама, между арабами и персами, турками и курдами, между индусами и мусульманами в Индостане.

Это обуславливалось не только геополитикой, но и ее цивилизационной природой. Эволюционные процессы в ней проявляются прежде всего в определенной цикличности самой истории человеческой цивилизации, самовоспроизводящей конфликты и узлы противоречий [5].

Все это определяет насущность и актуальность в наши дни историко-политологической проблемы взаимосвязи итогов мировых войн XX века в геополитических и геочивилизационных параметрах. Исследование их имеет две взаимосвязанные цели. Во-первых, – пересмотр существующего европоцентристского подхода к хронологическим и географическим координатам мировых войн и обоснование геополитическо-фазовой периодизации этих войн как межцивилизационных столкновений. Во-вторых, – подведение геополитических итогов мировых войн в расширенных хронологических и географических рамках, с учетом демографических сдвигов и территориальных изменений, последовавших за распадом прежних империй. Отсюда вытекает новая расстановка сил в системе геополитических координат, в которых определялся ход и исход мировых войн. Они обусловили и то особое место Ближнего Востока, куда во второй половине XX века начал перемещаться один из основных центров противоборства как по линии Восток-Запад, так и по линии Север-Юг. В исторической ретроспективе представляется целесообразным выделить следующие фазы скорректированной периодизации мировых войн. Первая – это вступительная, периферийная с преимущественно косвенным или ограничено прямым участием великих держав в региональных конфликтах и войнах, в ходе которых происходило формирование военно-политических блоков (коалиций).

Вторая – это военно-кризисная фаза с глобализацией военных действий после распространения их на Европу с политическим подведением предварительных итогов военного противостояния.

Наконец, третья, инерционная стадия кризиса с диверсификацией средств реализации целей, не достигнутых военным путем. Она связывается с обострением противоборства бывших союзников на перифериях,

которое дополняется экономическим, идеологическим и информационным противостоянием. Сама дипломатия выступает здесь как продолжение войны. Этот процесс, как правило, завершается закатом империй, распадом прежних и созданием новых блоков (коалиций).

В геополитическом плане незавершенная мировая война становится не столько «продолжением политики иными средствами», сколько одним из проявлений межцивилизационного столкновения с переносом его центра тяжести на сферу экономики, культуры, идеологии. Как правило, такие столкновения продолжаются десятилетиями, а в более ранние периоды – даже столетиями.

Такое трехфазовое военное и другое противостояние сопровождается последовательным переносом его центра тяжести с афро-азиатской периферии на европейский континент, а затем – возвращение его военных очагов «на круги своя» – снова на периферию. Этим, в частности, и обусловлено сохранение послевоенного конфликта на Ближнем Востоке, периодически приобретающего при перерастании в кризисы международный характер. Это отражало не только межблоковое, но и межнациональное противостояние. Затянувшийся и растянувшийся на всю вторую половину века ближневосточный конфликт породил многие локальные войны. Они происходили на фоне новой фазы мирового межблокового столкновения. В свою очередь, это сопровождалось острыми кризисами на социально-классовом, межнациональном и конфессиональном уровнях. Подлинная цена побед и поражений на всех его фазах складывалась не только из потерь, но и из всех его других последствий – экологических, экономических, гуманитарных. Совокупная разрушительная сила «малых» войн, многочисленные жертвы и другие издержки «холодной войны» в целом сопоставимы с масштабами потерь и разрушений Второй мировой войны, если ее ограничивать только второй фазой (1939-1945 гг.).

Активизация политического ислама на третьей фазе Второй мировой войны обусловлена стремлением освободившихся стран и народов стать самостоятельными субъектами мировой политики, приобщиться тем самым к подведению гецивилизационных итогов Второй мировой войны и определить свое место в новом миропорядке.

Теория синергетики и практика «универсального эволюционизма»

Уже в начале XIX века генерал К.Клаузевиц рассматривал войну не только как «продолжение политики», на чем обычно делается акцент до сих пор, но и как составляющую цивилизационной спирали истории. Говоря современным языком, Клаузевиц усматривал в войне синергетическое сопряжение трех главных сил («тенденций») – политических, физических и духовных. При этом он придавал особенно большое значение тому, что ныне называется «информационно-психологической подготовкой» войны. Она предстает как совокупность многих элементов с проявлением «непредсказуемых страстей, вероятностей и случайностей». Поэтому созда-

вая теорию войн, писал Клаузевиц, следует сохранять «равновесие между всеми тремя тенденциями» [4]. В современных условиях число упоминаемых Клаузевицем «точек притяжения», в которых сходятся, расходятся и сопрягаются различные векторы сил, неизмеримо выросло. Еще труднее поддаются оценке и измерению сами тенденции и силы, особенно информационные и техногенные, которые сопрягаются не только в войне и политике, но и в процессах экономической глобализации.

В многочисленных трудах, посвященных Первой и Второй мировым войнам, на базе новых архивных материалов проанализированы почти все аспекты этих войн как в мировой политике и экономике, так и в военной стратегии. Однако до последнего времени вне поля зрения все еще почему-то остаются предпосылки и последствия этих войн в сфере межкультурных отношений. Очевидно, это происходит потому, что они относятся не столько к политическим, экономическим или военным наукам, сколько к социоестественной истории. Они проявляются с гораздо большей задержкой, чем все другие последствия войн. Цивилизационные процессы поддаются анализу, тем более прогнозированию, лишь в значительных временных ретро- и перспективных периодах – от четверти века и больше. Такой минимальный срок обычно и используется методологией синергетики применительно к «альтернативной истории» и в прогнозах на будущее [6]. Использование метода синергетики при анализе глобальных и региональных кризисов в межкультурных отношениях представляется особенно актуальным. Он поможет, на наш взгляд, избежать, елико возможно, в оценках событий в прошлом и прогнозировании их на будущее идеологизированной эмоциональной окраски и политической ангажированности.

Возрожденное физикой синергетическое мировоззрение все продуктивнее ныне используется в общественных науках, утверждая себя и в социосинергетике.

В переводе с греческого «синергус» означает «самоэнергетика» или «совместно действующая энергия». Близким к нему по смыслу синонимом является емкое старое русское слово – сопряжение. Глубокий смысл его в свое время раскрыл Л.Толстой в романе «Война и мир». В 1977 г. бельгийскому ученому русского происхождения Илье Пригожину за применение метода синергетики в исследованиях саморегулирующихся систем была присуждена Нобелевская премия. Ученые, выделяя теперь из нее особое направление – социосинергетику, приходят к заключению, что это дает ключ к новому осмысливанию и моделированию межкультурных отношений. Они развиваются чаще не в столкновении, а в сопряжении различных этносов и цивилизаций. Синергетика служит ориентиром в поисках давно известного на Востоке «Срединного пути» в саморегулирующемся хаосе нелинейного мира. Равнодействующая различных векторов сил (аттрактор) определяется в нем не столько в точках бифуркации войн и революций, сколько в их сопряжении в ходе называемого академиком Н.Н.Моисеевым «универсального эволюционного процесса и самоорганизации» [7].

Синергетика не исключает, а скорее подтверждает основополагающий закон диалектики о единстве и борьбе (в столкновении и сопряжении) противоположностей. При этом противоположности не уничтожают, а дополняют друг друга. Они взаимодействуют, как китайские «инь и ян», хаос и порядок, тьма и свет, чувства и мысли, безмолвие и звук. Синергетика отражает эволюцию развития и изменения «русского космизма» – Вселенной и всего живого на Земле, в том числе цивилизаций и социумов. Формирование «порядка из хаоса» сопровождается постоянным нелинейным движением от реальности низшего порядка через состояние нового сменяющегося хаоса к внешнему порядку. Это происходит одновременно по дополняющим друг друга законам диалектики (от Единого ко Многому). История человечества предстает, с одной стороны, как история общечеловеческой цивилизации, прошедшей в XX столетии через две мировые войны, с другой – как история многих цивилизаций разных народов. Диалектика Единого и Многого отражается в событиях прошлого и будущего. Прошлое уже раскрылось многими смыслами. Будущее до поры до времени имеет пока только один общий смысл. Он определяется цикличностью развития. При этом не исключается и многовариантность его сценариев.

Синергетика позволяет подходить с единых позиций к решению многих проблем. Это – взаимосвязь эволюционных процессов и преодоление их кризисов. Выработка и поиски моделей устойчивого мира как самоорганизации хаоса. Выход на обоснованные социально-экономические и культурно-исторические прогнозы. Все эти и другие составляющие могут сопрягаться в синергетической парадигме социоестественной истории применительно и к Ближнему Востоку.

Такая парадигма дает ключ к сопряжению так называемой «памяти о будущем». Она находит проявление в определенной цикличности кризисов и других повторяемых событий в триаде «Природа – Человек – Цивилизация». Именно разрыв взаимосвязи прошлого и будущего в сфере межцивилизационных и межсоциумных отношений чаще всего мешает «самоорганизации хаоса». Возможности такой самоорганизации неоднократно упускались в XX веке, особенно в периоды «холодной войны» и постколониальной трансформации на Ближнем Востоке, в Северной Африке, в Центральной и Южной Азии. Цивилизационная неупорядоченность с преувеличенной ролью «исламского фактора» давала и дает о себе знать в войнах с применением обычного оружия, и в возрастающей угрозе ракетно-ядерной конфронтации на глобальном и региональном уровнях. Хотя ближневосточные страны находились в стороне от главных театров военных действий двух мировых войн, после их окончания так называемый «меняющийся Средний Восток» в расширенных после распада СССР границах между Средиземноморьем и Каспием превратился в арену наиболее ожесточенных битв и столкновений. Это происходит в моменты как эволюционных, так и революционных кризисов. Игнорирование при этом социоестественных процессов мешает «самоорганизации» хаоса в периодически возникающих здесь кризисах.

Жизненность получивших наибольшее распространение в этом столетии идеологий в значительной степени проверялась в различных странах способностью политических сил, взявших их на вооружение, сохранять естественную связь с «Природой – Человеком -Обществом», укореняться в конкретной цивилизационной этноконфессиональной среде. Память об упущенных здесь возможностях в прошлом и их правильное осознание в настоящем, наверное, лучше всего может гарантировать от повторения ошибок в будущем. Оно не должно и не может быть простым повторением «незаконченного прошлого».

Крушение колониальных империй и ряда федеральных государств привело к мельчанию и увеличению числа национально-этнических образований. За 30 – 50 лет число суверенных государств возросло в мире более чем в три раза. В момент создания ООН их было меньше 60, теперь их около 200. Из них, по крайней мере, около 60 родились после распада колоний. Приблизительно столько же осталось еще этносов, добывающихся признания за ними права на самоопределение и вступление в ООН как субъектов международных отношений. В их числе не только маленькая Чечня, но и Курдистан, Бедуджистан и Пуштунистан с многомиллионным населением.

Как и большие войны, так и национально-этнические столкновения, завязываемые в сложные и конфликтные узлы, стимулируют бесконтрольную гонку вооружения и цепную реакцию социоэтнических «взрывов» на фоне надвигающейся угрозы экологической катастрофы. Все это создает устойчивое неравновесие «цивилизационного кризиса», в который, как считает академик Н.Моисеев, уже вступило человечество.

Гражданские войны, этнические и конфессиональные конфликты происходят как внутри однородных цивилизаций, так и между государствами или группами, принадлежащими к различным цивилизационным или субцивилизационным мирам. Первые из них имеют меньший «потенциал распространения вовне». Столкновения же на так называемых «разломах» цивилизаций, подобные арабо-израильским войнам, или силовым «бурям» вокруг Залива и Каспия, вызывают плохо контролируемые деструктивные процессы, направленные и вовнутрь, и вовне. Опыт и уроки событий конца нынешнего столетия показывают, что наибольшим кризисным потенциалом обладают конфликты не столько на «разломах» и стыках цивилизаций, сколько на разломах, совпадающих с границами бывших многонациональных империй. Это, пожалуй, наиболее заметное проявление постколониальной трансформации.

Возникший после раздела Палестины на Ближнем Востоке очаг напряженности породил самый затяжной региональный конфликт века. В научной литературе его обычно называют арабо-израильским или ближневосточным конфликтом, продолжающимся уже более 50 лет. Некоторые исследователи называют этот конфликт и «столетней», и «восьмидесятилетней войной». Но чаще его связывают с началом открытой военной конфронтации между арабами и евреями и с массовым изгнанием пале-

стинцев после раздела Палестины. Этот неоспоримый исторический факт признается теперь и «новыми историками» Израиля в подготовленной ими книге-досье «Подлинный грех Израиля», вышедшей недавно в Париже [8].

В общей череде периодически возникающих кризисов, эпицентры которых перемещались сначала с Палестины в зону Суэцкого канала, а затем – из Ливана в зону Персидского залива, Октябрьская война 1973 года и ливанский кризис 80-х годов занимают, пожалуй, особое место. Они как бы обозначили переходный этап перерастания арабо-израильского в более широкомасштабный ближневосточный конфликт.

Октябрьская война 1973 года, разразившаяся более четверти века назад, была не только историческим перевалом пятидесятилетнего арабо-израильского противостояния. Она, можно сказать, стала и его кульминацией. После этой войны конфликт получил новые измерения. В преддверии и в ходе войны впервые эффективно было задействовано арабское «нефтяное оружие». После нее более активную роль стали играть цивилизационные и религиозные факторы. Этноконфессиональный аспект палестинской проблемы после Октября 1973 г. в определенной степени спроецировался на весь ближневосточный конфликт. Он все больше стал обретать социоцивилизационную и этнорелигиозную окраску. В Египте Октябрьская война была провозглашена как мусульманский джихад, получив название войны «священного месяца Рамадана». В Израиле ее назвали войной иудейского «Судного дня». Она стала одновременно прелюдией нового этапа регионально-международного кризиса. По своим военным итогам и еще более противоречивым политическим, экономическим и цивилизационным последствиям этот кризис занимает особое место в ряду всех арабо-израильских войн.

С одной стороны, война разморозила ситуацию «ни мира, ни войны» на Ближнем Востоке, дав импульс мирному процессу политического урегулирования. С другой стороны, Октябрьская война, направив этот же конфликт в побочные русла этноконфессиональных, междоусобных и межнациональных столкновений, открыла целую полосу еще более длительных кризисов в Ливане, в зоне Персидского залива. Будь то война в Заливе или кризис в Ливане, или сопровождающая их «палестинская интифада» – все это было следствие снова зашедшего в тупик после Октябрьской войны 1973 г. ближневосточного урегулирования.

Противоречивость итогов и последствий Октябрьской войны на глобальном уровне была обусловлена тем, что США, как признал позднее в своих мемуарах Г.Киссинджер, стремились максимально использовать предвоенный период и саму Октябрьскую войну, а также наступившее после нее перемирие и весь переговорный процесс не только для ликвидации советского влияния на Ближнем Востоке, но и для свержения режимов в Сирии и Ираке. «Мы, в США, не хотели платить за советско-американскую разрядку монетами, взятыми из американского геополитического позитива, на Ближнем Востоке». Из этого многозначительного откровения Г.Киссинджера советский посол того времени в Вашингтоне

А.Добрынин пришел в своих воспоминаниях к более верному заключению. «Разрядка, – отмечал он, – выдержала испытание ближневосточным кризисом 1973 г., но она тогда дала свои первые трещины» [10].

Октябрьская война не привела к победе ни Израиль, ни арабские страны. Скорее она подтвердила поражение силовой политики обеих сторон. В мире ислама война была воспринята как «качественный перелом в борьбе с вековым врагом». Мусульмане во всем мире впервые ощутили некие реальные плоды проявленной ими солидарности с «арабскими братьями по вере». Последующую затем победу «исламской революции» под руководством Хомейни в Иране они рассматривали тоже как докатившееся до Ирана «эхо» октябрьских событий 1973 года. Октябрьскую войну называют и «войной сюрпризов», и «войной загадок». Среди них неразгаданной до конца можно считать тайну о степени ее «внезапности» для Израиля и США. Невьясненной остается реальность угроз Израиля применить в этой войне ядерное оружие, которым он к тому времени, скорее всего, не обладал. До конца не ясна и та роль, которая отводилась Вашингтоном шаху Ирана в ближневосточных делах, если бы Октябрьская война и ее последствия полностью развивались по американскому сценарию.

На состоявшихся в 1998 г. многочисленных научных конференциях и симпозиумах по итогам Октябрьской войны обсуждались едва ли не все аспекты ее последствий и в военной стратегии, и в мировой экономике, и в межарабских отношениях, и во внутренней и внешней политике Израиля, и в деле разрядки на мировой арене для перспектив ближневосточного урегулирования. По понятным причинам до последнего времени вне поля зрения исследователей остаются последствия этой войны в сфере межкультурных и межэтнических отношений.

Прошедшая четверть века позволяет в исторической ретроспективе сделать хотя бы предварительные оценки таких последствий. На исходе нынешнего столетия это представляется тем более актуальным, что в грядущем веке прогнозируются чуть ли не глобальные, по выражению С.Хантингтона, «столкновения цивилизаций» с последующим «абсолютным хаосом» [11].

Вывод в том, что Октябрьская война 1973 г. была «первой войной вничью», в которой не было победителей и побежденных, не совсем точен. Она выявила поражение политики силы вообще в геокультурной сфере. В долгосрочном плане проявилась опасная для Израиля и США тенденция к консолидации сил и мобилизации природных ресурсов арабо-мусульманского мира. Помимо возможностей использования «нефтяного оружия» и приобщения мусульман к ядерному клубу, в их пользу заработали такие природно-естественные факторы, как постоянно прогрессирующий рост народонаселения и обладание несравненно большими, чем у Израиля, природными, особенно нефтяными и водными ресурсами. Все это подытоживает веру ислама в свою силу и даже, как считает Хантингтон, в превосходство и богоизбранность мусульман [12].

Арабский мир, имея общую территорию в 12,3 млн. кв. км, почти удваивает численность своего населения через каждые 20 лет. Что же касается в целом мира ислама (с общей его площадью более 30 млн. кв. км), то население его некоторых стран увеличилось более чем в три раза [13]. При этом более половины населения составляют дети и молодежь в возрасте менее 20 лет. Всего в 54 странах, причисляемых к миру ислама, проживает 1,2 млрд. людей, из них в арабском мире на начало 80-х годов насчитывалось около 250 миллионов человек. Мусульманские государства обладают колоссальными природными богатствами. Только в арабском мире добывается 62,4% нефти и 21% газа. Но эти богатства распределены крайне неравномерно: некоторые страны лишены вообще или добывают ничтожно малое количество нефти, не удовлетворяющее даже их внутренние потребности. К примеру, Иордания в 1991 году добыла меньше 1 тысячи тонн, в то время как Саудовская Аравия – более 400 тысяч тонн. Отсюда и огромный разрыв между непомерным богатством одних и прогрессирующей бедностью других. Это, в свою очередь, придает возникающим здесь межнациональным конфликтам не столько этнонациональную, сколько социальную окраску. Это нашло свое отражение, по убеждению М.Хейкала, и в ирано-иракской войне, и кувейтском кризисе. Кризис в Заливе, как и Октябрьская война, разразился в переходный период постиндустриальной и информационной эпохи, сами военные операции поэтому стали как бы развитием информационной войны, все еще продолжающейся как на глобальном, так и региональном уровнях. Это же одновременно выводит происходящие события за рамки «обычной» войны. Происходит столкновение не цивилизаций, а различных видов и информатики, и продукции. Однако это не всегда сопровождается обеспечением постоянных потоков объективной информации и поддержанием надежной обратной связи. Это и приводит к поражению в таких «информационных войнах» [13]. Россия не смогла выйти победителем в «холодной войне» в глобальном масштабе, США не сумели довести до победного конца ни «Бюрю в пустыне», ни последовавшие за ней другие операции, включая «Гром в пустыне» на региональном уровне. Однако выявившиеся тенденции и сам механизм глобализации подобных локальных кризисов свидетельствуют о постепенном их перерастании в своеобразные субмировые войны или, по выражению Хантингтона, в квазивойну между цивилизациями [14].

Результатом подобных комплексных информационных войн с использованием силы становится, по замечанию наиболее авторитетного их исследователя С.П.Расторгуева, иррациональное поведение поверженных систем, проявляющееся в хаосе, бесцельной смуте и – особо подчеркивает он, – в «терроризме на различных уровнях и разном проявлении». Таким образом, понятие «информационной войны» выходит за рамки и традиционной классической, и «кибернетической войны». Она является, делает он вывод, понятием «более широким и подразумевает целенаправленные информационные воздействия информационных систем друг

на друга с целью получения выигрыша в материальной сфере. Кстати, при этом следует, очевидно, уточнить, что не столько применительно к вопросам на международном уровне, сколько в материально-духовной сфере, если иметь в виду, что «под термином цивилизация понимается мыслимая как реальность совокупность живых существ со своей материальной и духовной культурой...». «Современная информационная война – это война цивилизаций», – заключает С.Расторгуев [15].

В этом противостоянии совершенствование оружия приводит к тому, что каждая следующая война включает в свою орбиту все больше и больше людей. В результате от войн страдают не те, кто принимает участие непосредственно в боях, а наиболее незащищенная и далекая от военных действий часть населения. Новое оружие изменило не только саму природу войны, но и роль войн в эволюции человечества. Война перестала быть его механизмом применительно к отдельным системам и социумам, а стала механизмом воздействия на них, «механизмом эволюции цивилизаций». Она ведется уже не между отдельными государствами, а между современными цивилизациями. В подобных войнах трудно подсчитывать как человеческие жертвы, так и материальные издержки. Все это наглядно прослеживается в эволюции кризиса в Заливе на фоне затянувшегося ближневосточного урегулирования после Октябрьской войны.

Конфликтный узел в Заливе все туже стал затягиваться после распада Британской империи и ухода оттуда Англии. (Аналогия подобной постимперской трансформации и перерастания конфликтов в кризисы стала проецироваться в последующем и на другой богатый нефтью район вокруг Каспия после распада СССР и начавшегося ухода оттуда России.) Взаимные территориальные претензии предъявляют друг к другу почти все образовавшиеся там ныне «субъекты» и независимые государства. На их границах, которые в старые времена сознательно не демаркировались, насчитывалось в зоне Залива около 50 спорных районов. Почти столько же и на постсоветском пространстве. Скрытая конфронтация, пограничные столкновения и войны отражают не только борьбу за нефть, но и исторически сложившуюся напряженность в межэтнических и межрелигиозных отношениях. В частности, между суннитским большинством арабского мира и шиитами Ирака, между курдами, арабами, турками и персами. Узел еще туже стал затягиваться после падения шахского режима в Иране и последовавшего за этим кризиса в ирано-американских отношениях. Разразившаяся вскоре после этого ирано-иракская война приняла затяжной характер. В условиях «холодной войны» на пожаре старались погреть руки и великие, и многие «малые» державы. Около 100 стран*, в том числе СССР и США, снабжали оружием обе воюющие стороны. Уже тогда геополитическая особенность района Залива проявилась в быстром перерастании локального конфликта в региональный кризис с глобальным резо-

* Military balance 1989. – London, 1989.

нансом. От «минной» и «танкерной войны» в Заливе пострадало более 3000 судов. Под предлогом защиты судоходства туда было стянуто свыше 60 иностранных военных кораблей. Самая продолжительная в этом регионе война побила тогда многие рекорды. В ней было убито и ранено около 2 млн. человек, выведена из строя треть предприятий обеих сторон. Она обошлась, по одним оценкам, в 300, по другим, в 500 млн. долларов США. Но она так и не погасила инерцию гонки вооружения в этом регионе, придав новый импульс старым конфликтам [16].

Развернувшийся вскоре после этого кувейтский кризис и последовавшая за ним «Буря в пустыне» получили еще больший глобальный резонанс. Предшествовавшая «буре» операция многонациональных сил «Щит в пустыне» сопровождалась самой массивной переброской «сил быстрого развертывания» США и многонациональных сил, в которых участвовали около 30 стран. «Буря в пустыне» быстро переросла в информационно-силовую «субмировую войну». С подобным видом глобального конфликта человечество столкнулось впервые. По своим «убойно-разрушительным показателям» эта операция своими масштабами превзошла все предыдущие войны не только на Ближнем Востоке.

За два месяца войны в Заливе и в последовавших за ней карательных и «наказательных» операциях с обеих сторон убитых, погибших и раненых солдат и мирных жителей оказалось во много крат больше, чем во всех арабо-израильских войнах. Общие морские потери Ирака, по заключению независимой международной комиссии, оцениваются в 250 тысяч человек, из которых большую часть составило мирное население. Потери иракской армии составили 100 тысяч, из них не более 20 тысяч погибли в боях на суше, остальные – от бомб и ракет, обрушившихся с воздуха [17]. Это был первый широкомасштабный военно-политический кризис после «холодной войны». Хотя в нем и не нашло отражение противоборство между прежними мировыми блоками, он вылился в такую коалиционную войну, которая имела как для России, так и для США более значительные геополитические прямые и косвенные последствия, чем все предыдущие региональные войны.

Значительно иссякшие за время кризиса в Заливе авуары арабских нефтедобывающих стран только в зарубежных банках вне мусульманского мира все же не исчезли. Они достигли в 1993 г. 670 миллиардов долларов по расчетам западных финансистов, работая, в основном, на западную экономику. На каждый 1 доллар, вложенный в арабских странах, приходится не менее 60 долларов инвестиций вне их границ. Это значит, что арабские инвестиции в собственных странах не превышают 12 миллиардов долларов, в то время как только нефтедобывающие арабские страны Залива оперируют более 300 миллиардами долларов на финансовых рынках Запада и приблизительно на такую же сумму владеют недвижимостью тоже в основном за пределами мусульманского мира [18].

Огромные, можно сказать, рекордные суммы направляются ими на приобретение оружия и на покрытие других военных расходов. Капиталы

используются уже не столько для противостояния с Израилем, сколько в других локальных и региональных войнах между самими мусульманскими и арабскими странами. Но и после приостановки (но все еще не окончания) этих, возможно, самых дорогостоящих войн XX века спираль гонки вооружения в этом регионе продолжает по-прежнему раскручиваться. Страны Залива и после 1999 года остаются рекордсменами по закупке вооружения и другим военным расходам. На эти цели ими истрачено более 50 млрд. долларов, из них 35 млрд. – по контрактам на закупку оружия только с США. До 2000 года арабскими странами Залива, входящими в Совет сотрудничества, планируется еще израсходовать не менее 10 млрд. долларов, а Ираном – более 5 млрд. долларов. Эти суммы направляются на пополнение их оружейного арсенала, а также на увеличение численности вооруженных сил арабских стран Залива (исключая Ирак) со 165 тысяч до 250 тысяч человек, а Ирана – до 500 тысяч в рядах регулярной армии и до 700 тысяч в иррегулярных войсках. Не собирается отставать от военных планов своих соседей и Ирак, хотя он понес самые большие потери в обеих войнах, продолжавшихся для него с небольшими перерывами почти 20 лет. Это срок тоже вполне достаточный для подведения не только военно-экономических, но и геочивилизационных последствий этих войн для некогда процветающих стран. Целостность, безопасность и суверенитет Ирака, подвергающегося, по существу, до сих пор экономической и военной блокаде, все еще находятся под серьезной угрозой.

Между тем войны в Заливе привели к огромным прямым и косвенным потерям не только их прямых участников (Ирана, Ирака, Кувейта). Издержки всех других ближневосточных стран составили не менее 670 млрд. долларов [19].

«Большой» или Новый Ближний Восток. Примитивные общества, которых А.Тойнби насчитал за человеческую историю не менее шестисот, породили в своем эволюционном развитии к концу XX века, по разным оценкам, от 6 до 12 современных цивилизаций. (Такой разрыв обусловлен разными классификациями «великих цивилизаций».) На исходе второго тысячелетия только одна из них, называемая Западом, сумела, став на рельсы технического перепроизводства, с убыстряющейся скоростью обгоняя Восток (вернее, Востоко-Юг), претендовать на роль некой «неоимперии» в наступающей информационной эре, называемой «Постмодерном» [20]. Но человечество так и осталось неприкаянным, не обретя мира в водовороте братоубийственных войн.

Уходящий век сумел вобрать в себя едва ли не все формационные эпохи, которые он теперь завершает. Он максимально спрессовал время. В Европе ход истории был настолько убыстрен, что она сумела кое-где ускоренным темпом, миновав феодализм, не только шагнуть в капитализм, но и долго не задерживаясь в неразвитом капитализме, заглянуть в так называемый «развитой социализм».

Затянувшиеся на многие годы и десятилетия «постколониальные войны» и постимперская трансформация сумели вобрать в себя не только

несколько формационных, но и цивилизационных циклов. Процессы становления новых государственных образований при преодолении «постколониальных транзитов» сопровождаются здесь рождением не только новых государственных и этнических образований, но и возрождением так называемых «прерванных» субцивилизаций. И здесь феномен Израиля может оказаться не исключением. Вслед за ним может появиться, например, Курдистан. Отсюда проистекает высокая степень кризогенности Ближнего Востока. На самый продолжительный конфликт века вокруг Палестины продолжают наслаиваться новые конфликтные узлы.

Недавно рисовавшиеся в воображении сценарии ожидаемых столкновений на разломах цивилизаций быстро приобращают черты реальных угроз. Толчки ощущаются вдоль всех южных границ России. Вокруг бывших эпицентров непотушенных до конца пожаров появляются все новые и новые очаги напряженности и на Ближнем Востоке. Социальная природа таких тектонических сдвигов имеет глубокие исторические и этнорелигиозные корни. Взаимопроникновение, взаимодействие, взаимовлияние, как и столкновения разных векторов сил, происходят в синергетическом сопряжении этносов, наций и цивилизаций. Любые взрывы, будь то на межцивилизационных или на постимперских развалах в современных условиях вызывают цепную реакцию. Она может стать и ядерной.

Появление на постсоветском пространстве новых независимых государств, автономий, как и новых государственных образований на Ближнем Востоке, может усугубить трудности преодоления межцивилизационного, в том числе этнорелигиозного «сопряжения» на их внутренних и внешних рубежах. В границах Российской Федерации уже появляются свои этнорелигиозные автономии, «исламские республики», «независимые территории ваххабитов». После выхода к границам СНГ вооруженных исламистских формирований «талибов», за спиной которых стоит Пакистан с его «исламской ядерной бомбой», бывший «мусульманский Север» становится особенно уязвимым исламским «южным подбрюшьем» России. Наибольшую опасность представляет не столько сам факт «возрождения» ислама и даже не проявление религиозного фундаментализма, сколько сопровождающие их конфликты и войны, все труднее поддающиеся контролю на региональном и международном уровнях.

Происходит неравномерное отождествление исламского фундаментализма и экстремизма, в которых все чаще усматривается некая «исламская угроза». Но ислам, как и всякая другая религия, является лишь одной из моделей, или одним из информационных векторов организации того или другого социума. Рассматривая ислам как один из элементов не только виртуальной, но и действительной реальности в системе межцивилизационных отношений, нельзя не видеть, что никакая религия не может сама по себе быть причиной вооруженных конфликтов и войн. Они чаще всего имеют, как это показано выше, социально-экономическую, особенно – нефтяную подоплеку. Это подтверждается, в частности, сделанными В.Вигандом расчетами, которые показывают, что в мусульманском мире

степень глобализации (наверное, не только в экономике) снижается на протяжении последних 15 лет [20].

При анализе разразившихся острых кризисов в Персидском заливе и вокруг Каспия, роли в них нефти и военной стратегии многие исследователи (к примеру, египетский историк Хасанейн Хейкал и французский генерал Пьер М.Галуа, или американские политологи Дж.Кэмп и Р.Харкави) отводят им гораздо большую роль, чем «исламскому фактору», или вообще этноконфессиональным противоречиям [21]. Главную опасность расширения «меняющегося» Ближнего Востока в границах чуть ли не всего мусульманского мира американские авторы капитального труда «Стратегическая география и меняющийся Средний Восток» усматривают не в самом исламском факторе, а в других серьезных потенциальных угрозах, возникающих на путях транспортировки нефти и газа на мировые рынки из Персидского залива и Каспия через наиболее нестабильные в современном мире районы Кавказа, Курдистана и Афганистана [21]. С ними отчасти соглашается и В.Виганд, указывающий на совершенно разные функции религии и экономики. «Исламская составляющая» как по количественным показателям, так и по духовному воздействию в сравнении с другими цивилизациями, совершенно справедливо отмечает авторитетный российский африканист «не дает основания считать, что исламский мир может иметь свой особый региональный экономический базис. Попытки найти в шариате какие-то черты, допускающие создание собственной экономической системы, также бесполезны, как было суждено советскому социализму создать свой экономический базис [23].

Рождение ряда новых государств, сопровождаемое распадом прежних империй, появлением новых федеральных и автономных образований, порушило существовавшую здесь веками прежнюю модель «сопряжения» различных этносов. В результате создалось перенапряжение в их цивилизационных и социальных отношениях. Порожденный этим хаос после Первой и Второй мировых войн в их расширенных временных рамках приводит к дезорганизации всей системы международных отношений в обширном регионе на длительное время.

Причины и сущность этого хаоса предстают, на первый взгляд, в виде столкновения противоположных геополитических интересов и идеологий. Но выход из него видится не столько в глобализации этих столкновений, сколько в синергетическом сопряжении дополняющих и воздействующих друг на друга разных видов естественно-природной и социокультурной энергетики. В такой пространственно-временной взаимосвязи и формируется, по теории синергетики, особый вид информационной энергетики, называемой «памятью о будущем». Она проявляется в определенной цикличности повторяемых событий в сопряжении всех компонентов синергетической триады «Природа – Человек – Общество (Цивилизация)». Разрыв взаимосвязи прошлого и будущего в сфере межкультурных отношений чаще всего мешает «самоорганизации хаоса». Игнорирование социоестественных процессов в сфере межкультурных и религиоз-

но-этнических отношений мешало и мешает урегулированию периодически возникающих здесь кризисов и конфликтов.

Выведенный 20 лет спустя после Октябрьской войны в процессе арабо-израильских мирных переговоров принцип «мир в обмен на территории» – это и есть связующее звено, которое призвано осуществлять сопряжение между политикой и синергетической триадой социоестественной истории «Природа – Человек – Общество».

С надеждой отзываясь о перспективах перестройки международных отношений, один из архитекторов «ближневосточной перестройки» Шимон Перес в беседе с Михаилом Горбачевым незадолго до ухода обоих с занимаемых ими высоких постов представил свое видение «нового Ближнего Востока», в корне отличающегося от «Меняющегося Ближнего Среднего Востока» в американской стратегической парадигме. Строительство нового Ближнего Востока, по его убеждению, должно включать в себя и разоружение, и водную проблему, которая в будущем веке может сказаться острее, чем территориальная, и реконструкцию, и кооперацию экономики. «Мы не хотим замыкаться на прошлом, – заявил он. – Израиль не может быть Островом Изобилия в море надежды. Поэтому надо сотрудничать с арабами, начав с территориального компромисса, чтобы строить теперь Новый Ближний Восток [22].

В Москве всегда проявляли заинтересованность в установлении арабо-израильского мира. «Мы не только были заинтересованы, но и работали в этом направлении, не забывая о своих многогранных интересах на Ближнем Востоке», – вспоминает бывший глава МИД и премьер-министр Евгений Примаков. Но формула, выработанная в Мадриде, не работает до сегодняшнего дня, а процесс политического урегулирования поэтому дает сбой. Здесь, по его убеждению, несомненно «сказывается менталитет вовлеченных в кровавый конфликт сторон, сложившийся на протяжении целого века». Но кроме того, удлинняет путь к компромиссу новая тактика США, стремящихся подтянуть к миру с Израилем одну арабскую страну за другой и отдельно палестинцев. Это, по убеждению Примакова, приводит к появлению «ближневосточного мифа», будто США способны в одиночку без координации действий с Россией и европейскими странами привести дело к ближневосточному урегулированию [24].

Если в видении из-за океана Ближний Восток изменяется только в координатах стратегической географии, то для России он представляется сейчас особенно близким и в геополитическом, и в геоцивилизационном измерениях.

Прекращение глобального противостояния двух мировых систем, одной из арен которого был во второй половине XX века Ближний Восток, пошатнуло прежнюю систему политического и военного баланса. Но это вовсе не означает возложение только на США монопольной ответственности за решение любых региональных конфликтов, тем более межцивилизационных. Здесь, говорили участники ежегодной конференции российских арабистов и востоковедов по проблемам Ближнего Востока, требует-

сы поиск «золотой середины» [25]. Очевидно, она может быть найдена на пути *сопряжения* всех «остаточных элементов неурегулированности», будь то на постколониальном Новом Ближнем Востоке или на постсоветском пространстве Новой России с ее «ближним» и соседним зарубежьем.

Вместо заключения

В начале века Иван Бунин, совершив путешествие «в Иудею и Палестину», сравнивал «святую землю», покрытую маками цвета крови и камнями цвета этой многострадальной земли, с огромным полем битвы. Оно рисовалось в его воображении полем, на которое «обрушился сперва кровавый, а потом каменный ливень». Тогда ему казалось, что «в мире нет страны с более сложным и кровавым прошлым». Вскоре после этого он убедился, что на свете есть еще одна страна не только с таким прошлым, но и с не менее страшным будущим. К такому выводу Бунина подвели пережитые им «окаянные дни» в своем Отечестве. За окаянными днями должны были следовать годы покаяния за все совершенные грехи, которые через века и тысячелетия идут от Каина. Россия сама наложила на себя «каинову печать». Сама распяла себя на Голгофе кровавых войн и братоубийственных революций. Они унесли, по разным оценкам, за этот «окаянный век» от 60 до 80 миллионов жизней россиян. Не будь этого, численность населения в границах бывшей Российской империи, как считают демографы, могла бы приблизиться к миллиардной отметке.

На «святых землях» Израиля в нынешней Палестинской Автономии человеческая база, по выражению русского философа Ивана Солоневича, оказалась тоже «исчерпана войнами, разжижена и истощена миграциями и эмиграциями» [26]. Не будь этого – и геноцида, и массового исхода людей, – население «святой земли» по своей численности тоже было бы на порядок больше. Да и сама земля не была бы столь опустынена и обезвожена. За это столетие ее чаще поливали «кровавые и каменные ливни», чем благодатные дожди. Из-за войн и разумный раздел имеющихся вод тоже представлялся невозможным.

На пути отправленных друг за другом из Мадрида и Осло «ближневосточного и палестинского экспрессов» оказалось немало завалов. Но процесс не остановился. Даже в условиях непрекращающихся войн, силовых «бурь», разгула терроризма, палестинской «интифады» («революции камней»), затяжных кризисов в Ливане и вокруг Ирака оба, не столь уж скорые, «экспресса» двигались к намеченной цели.

Нерешенных проблем на «библейских землях», как и в российских «родных палестинах», остается пока больше, чем решенных. Может быть, их решение связано не столько с ликвидацией последствий войн и кризисов, сколько с преодолением «инерции воинственности». Она дает о себе знать в отношениях между мирами, поскольку нет больше блоков между государствами, социумами, этносами, конфессиями. Все войны и битвы велись и ведутся ради победы, включая и бездумное «покорение человеком природы». Но окончательная победа – это, по выражению А.Тойнби,

«пагубная иллюзия». Это касается любых войн и империй, которые не могут избавиться от воинственности. «Можно простоять с мечами в руках, – писал А.Тойнби, – тридцать, сто, двести лет, но рано или поздно Время сделает свое дело. Оно работает против строителей империй. Они не способны стать незыблемыми краеугольными камнями. Они обречены на расшатывание и выпадение, как зубы дракона» [3].

Сказанное воспринимается и как урок прошлого, и как назидание на будущее: мир без войн дороже любых завоеваний. Поэтому за него тоже, как и на войне, нередко жертвуют жизнью. Израильский премьер Ицхак Рабин после того, как вместе с палестинским лидером Ясиром Арафатом получил Нобелевскую премию за мир, был вскоре убит иудейским экстремистом. Его постигла та же судьба, что и египетского президента Анвара Садата, убитого мусульманскими фанатиками за проявленную им инициативу начать продвижение к миру на Ближнем Востоке.

Приостановленные с приходом к власти в Израиле правительства Натаньяху шаги к миру, похоже, могут снова возобновиться после состоявшейся в Вашингтоне встречи нового израильского премьера Эхуда Барака и сирийского министра иностранных дел Фаруха Шараа. В связи с этим высказывают предположения, что США, уплатив за мир с Египтом и Иорданией за последние 20 лет около 60 млрд. долл., придется, наверное, снова «инвестировать в мир» на палестинском, сирийском и ливанском направлениях не меньшую сумму.

У обедневшей за это столетие России нет таких возможностей, чтобы соревноваться с Вашингтоном в «долларовом миротворчестве». Но у нее есть другие рычаги и возможности. Новый «прорыв» к миру на Ближнем Востоке подготовила не только Мадлен Олбрайт, встречаясь с сирийским президентом в Дамаске. Этому предшествовали встречи и переговоры арабских и израильских лидеров в Москве – и Х.Асада, и Я.Арафата, и Э.Барака, и Д.Леви. Раньше в годы «холодной войны» Вашингтон и Москва не жалели усилий, чтобы переиграть друг друга на «горячих» перифериях, особенно на ближневосточной «арене контригры». Россия после окончания холодной войны, по существу, самоустранилась от участия в строительстве мира на Ближнем Востоке. Почувствовав себя единственной сверхдержавой, США, напротив, побили все рекорды в расходах на проведение там силового миротворчества. Они в несколько раз превысили американскую «плату за мир». Из-за такого перекоса мир на Ближнем Востоке и остается неустойчивым. Возвращение туда России придаст процессу ближневосточного урегулирования более необратимый и устойчивый характер.

1. *Абу Мазен*. Путь в Осло. – М., 1996. – С. 9.
2. *Чижевский А.Л.* Космический пульс жизни. – М., 1995. – С. 289-290.
3. *Тойнби, А.Дж.* Постигание истории. – М., 1991. – С. 181, 293.
4. *Хрестоматия по истории цивилизаций.* – М., 1997.
5. *Дьяконов И.* Пути истории. – М., 1997. – С. 341-355.

6. *Капица С., Курдюмов С., Малиновский Г.* Синергетика и прогнозы будущего. – М., 1997.
7. *Моисеев Н.Н.* Быть или не быть... человечеству? – М., 1999. – С. 110-114.
8. *Моисеев Н.Н.* С мыслями о будущем России. – М., 1997. – С. 140.
9. *Vidal, Dominique* Le peche originel d'Israel/ Paris, 1998.
10. *Добрынин.* Строго доверительно. – М., 1997. – С. 223.
11. *Huntington, S.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. – N.Y. 1996. – С. 28.
12. *Abdelhadi, B.* Le monde islamique et le projet du nouvel ordre mondial. – P. 1995. – С. 61-70.
13. Cit.op. – с. 109-120.
14. Cit. op. – с. 256.
15. *Рассторгуев С.П.* Информационная война. М., 1999. С. 152-156.
16. *Defence Nationale*, 1993, Decembre, с. 113-123.
17. *Chapour Haghinat* Histoire de la Crise du Golfe.
18. *Медведко Л.* «Седьмая» ближневосточная война. – М., 1993. – С. 29-38.
19. *Неклесса А.* Конец цивилизации или Зигзаг истории. // Знамя. – 1999, – № 1. – С. 165.
20. *Восток.* – 1999. – № 2. – С. 61-63.
21. Там же, с. 64.
22. *Брутенц К.Н.* Тридцать лет на Старой Площади. – М., 1998. – С. 391.
23. Актуальные проблемы Ближнего Востока: Материалы конференции. / Москва. 30.01.98. – М., 1998. – С. 7.
24. *Примаков Е.* Годы в большой политике. – М. 1999. – С. 367-368.
25. Материалы ежегодной конференции арабистов 2-3 декабря 1999 г. Москва.
26. Сравнительное изучение цивилизаций. – М. 1997. – С. 301.

А.М.Хазанов,
доктор исторических наук, академик РАН, ИВ РАН

ПОЛИТИКА РОССИИ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

История присутствия России на Ближнем Востоке восходит еще ко временам Киевской Руси, которая наладила торговый обмен с Византией по известному пути «из варяг в греки». Географическое положение заставляло Киевскую Русь вести активную политику в регионе, обороняя ее южные рубежи и торговые пути, что, в свою очередь, давало возможность и побуждало к новым территориальным приобретениям.

Позднее Ближний Восток становится ареной соперничества между Россией и европейскими державами, когда в основном спор ведется за проливы Босфор и Дарданеллы, открывающие путь в Средиземное море. Здесь же необходимо вспомнить и о русском присутствии в Палестине: контроль над святыми местами также способствовал укреплению духовного влияния России в этом регионе.

Новый этап в истории Ближнего Востока совпал с началом первой мировой войны. Эта война и Октябрьская революция оказали значительное влияние на судьбы народов Ближнего и Среднего Востока. Революция в России стимулировала развитие освободительного движения в арабском мире. В 20-е годы в Марокко была создана Республика Риф, которая героически сражалась с численно превосходившими ее силы испанскими войсками. В Алжире усилилось забастовочное движение. В марте 1919 г. в Египте вспыхнуло восстание, которое явилось первой в арабском мире антиколониальной освободительной революцией.

Советское государство с самого начала выступало на стороне сил национального освобождения. Оно открыто выступило в защиту патриотов Египта и Республики Риф. Важную помощь молодое Советское государство оказало народу Турции, вступившему на путь антиимпериалистической борьбы. Оно ликвидировало неравноправные договоры и отказалось от всяких претензий, имевшихся у бывшего царского правительства к Турции. Турция и Иран были традиционными объектами российской имперской экспансии. Советский Союз продолжал уделять этим странам большое внимание. Сталин добивался от Турции разрешения на размещение на ее территории советских военно-морских баз, и советские территориальные претензии к Анкаре делали отношения между двумя странами в высшей степени напряженными вплоть до 1953 г. СССР пытался продлить советскую военную оккупацию северной части Ирана сверх срока, установленного на Тегеранской конференции «Большой тройки» в 1943 г., а

также оторвать от Ирана часть его территории, чтобы создать там просоветские «государства – сателлиты».

После краха британских и французских позиций на Ближнем Востоке, который наступил гораздо раньше, чем ожидали в Москве, СССР попытался выработать политику, более приспособленную к этому району, которая сулила в итоге неприятности и осложнения для Запада и открывала бы новые возможности для Советского Союза. В 1943 г. СССР поддержал создание государства Израиль и был первой страной, признавшей его де-юре. Москва исходила из того, что этот новый элемент ближневосточной системы международных отношений создаст непреодолимые трудности для взаимопонимания между арабским миром и Западом.

Хотя в 1952 г. Сталин без каких-либо веских причин разорвал дипломатические отношения с Израилем, они были быстро восстановлены его преемниками, которые также стремились улучшить и советско-турецкие отношения.

Надежды Сталина укрепить и расширить влияние Советского Союза в этом регионе, вытеснив оттуда другие великие державы, не оправдались. Москве не суждено было единолично заполнить вакуум, образовавшийся после постепенного ухода Великобритании и Франции с ближневосточной сцены. Резко активизировали свою политику в регионе США. Не случайно, что именно США и СССР были повивальными бабками Израиля: с его помощью они намеревались укрепить свое влияние на Ближнем Востоке. Когда же Израиль твердо взял курс на сотрудничество с США, Советскому Союзу ничего не оставалось, как искать союзников по другую сторону фронта.

До 1956 г. Ближний Восток занимал скромное место на шкале советских внешнеполитических приоритетов. Но в период Суэцкого кризиса он снова оказался в фокусе внимания Москвы. Начало активному советскому вовлечению в дела Ближнего Востока положил Хрущев, согласившись снабдить оружием Египет. Так возникла дружба между Хрущевым и Насером. С обострением «холодной войны» Ближний Восток превратился во второй после Германии ее полигон. Несколько десятилетий отношения в этом регионе, где арабо-израильский конфликт стал наиболее затяжной и трудноразрешимой проблемой, если не определялись, то в значительной степени корректировались уровнем противоборства двух сверхдержав.

С окончанием «холодной войны» и нормализацией американо-советских отношений произошло неизбежное – кардинальное изменение позиций Советского Союза на Ближнем Востоке. А после падения коммунистической системы и распада СССР в этом регионе возникла новая расстановка региональных и внерегиональных сил.

Каковы же те главные изменения, которые оказывают влияние на позиции и политику России на Ближнем Востоке?

Во-первых, произошло значительное ослабление влияния России на страны арабского мира. Процессы разоружения, поворот к конверсии, ограничение деятельности советского военно-промышленного комплекса – все это привело к тому, что практически исчез один из основных факторов, укреплявших позиции СССР на Ближнем Востоке, – военная поддержка арабских

стран советской стороной, заключающаяся в поставках в регион оружия, посылке военных экспертов, косвенном участии в вооруженных конфликтах.

Во-вторых, параллельно с этим шел активный процесс нормализации отношений России с Израилем – вплоть до восстановления в октябре 1991 г. в полном объеме дипломатических отношений, прерванных в 1967 г. Разрыв отношений был, по нашему мнению, серьезной ошибкой советского руководства, т.к. этой акцией был нанесен малочувствительный укол Израилю и весьма, заметный ущерб интересам СССР, который лишился на многие годы доступа к одной из сторон ближневосточного конфликта. Кроме того, эта акция и антиизраильский курс СССР ощутимо резонировали внутри Советского Союза, став одной из причин массовой эмиграции евреев и сделав арабо-израильскую проблему в какой-то степени «внутренней проблемой» СССР. В разрыве дипотношений с Израилем ярко проявился характерный для советской дипломатии тех времен идеологизированный и догматизированный подход к международным отношениям.

В то же время и в свою очередь происходило усиление американского влияния в регионе, которое ныне стало неоспоримо доминирующим. Из всех внешних сил США играют теперь центральную роль в решении ближневосточных вопросов, что было наглядно продемонстрировано в ходе войны в Персидском заливе и созыве мирной конференции по Ближнему Востоку в Мадриде, когда в основном благодаря усилиям госсекретаря Джеймса Бейкера впервые с момента провозглашения государства Израиль удалось усадить за один стол переговоров все стороны, вовлеченные в арабо-израильский конфликт. Необходимо подчеркнуть, что идея созыва такой конференции была выдвинута российской дипломатией.

После операции «Буря в пустыне» были приняты резолюции ООН № 661 и 687 в отношении Ирака. Для контроля за соблюдением всех пунктов резолюций ООН был учрежден Комитет по санкциям, состоящий из представителей 15 непостоянных членов СБ. В него вошел также и СССР, а потом Россия как его правопреемница. 2 октября 1992 г. была принята развернутая резолюция (778), в которой детально излагались условия, при соблюдении которых Ираку могла быть предоставлена возможность продать некоторое количество сырой нефти и нефтепродуктов.

Одновременно США способствовали беспрецедентному размаху антииракской пропаганды в мире. В большинстве случаев эта пропаганда была сфокусирована прежде всего на личности С. Хусейна, который изображался неким кровожадным монстром. Эта «саддамофобия» захлестнула и российские СМИ, которые в непозволительно грубой форме критиковали не только Саддама, но и отдельных российских политических деятелей, которые посещали Ирак и встречались с иракским лидером. В российских СМИ не стеснялись публиковать самые немислимые выдумки о деятельности президента Ирака и фактах его биографии.

Россия имеет собственные геополитические интересы в этом регионе и обнаружила решимость проводить политику возвращения на Ближний Восток, а также строить свои отношения без идеологических наслоений в

соответствии с реалиями современного мира. Исходя из этого, Россия добивается отмены нефтяного эмбарго, наложенного ООН на Ирак почти десятилетие назад. В начале октября 1993 года министр топлива и энергетики Виктор Калюжный посетил Багдад и передал Саддаму Хусейну личное послание президента Ельцина, в котором он высказывается за отмену эмбарго. По словам Калюжного, в результате действия эмбарго Россия уже потеряла 5 млрд. долл.

После возвращения в Москву из Багдада, где он имел двухчасовую беседу с С.Хусейном, Калюжный заявил: «У меня сложилось впечатление, что Ирак – это уже совсем не та страна, какой она была в начале 90-х годов». В переданном Калюжным С. Хусейну послании Ельцин заверяет, что Кремль будет продолжать борьбу за отмену санкций, и выражает надежду, что возглавляемая Калюжным российская делегация «даст энергичный импульс укреплению нашего сотрудничества в различных областях, включая стратегические проекты по нефти и газу»¹.

Спустя почти десятилетие после наложения ООН нефтяного эмбарго на Ирак, ведущие представители российской политической и деловой элиты все громче и настойчивее требуют его отмены, а некоторые даже призывают правительство РФ к одностороннему нарушению эмбарго.

Недавним решением С. Хусейна отношения Ирака с Россией переведены в ранг стратегических. Участникам зачетного соглашения Ирака с Россией предложено реализовать часть 5-миллиардных (в долл. США) 6-месячных квот СБ ООН на закупку иракской нефти по формуле «нефть в обмен на продовольствие и медикаменты». Данные контракты – весомая часть обещаний Багдада российскому руководству погашать свою задолженность России в первоочередном порядке. Напомним, что пакет иракских заказов нашей стране уже составил более 20 млрд. долл., а наиболее масштабные капиталовложения нефтяных гигантов («Лукойл» «Зарубежнефть», «Машиноимпорт») должны быть сделаны в Ираке в разработку месторождения «Западная Курна» в течение 25 лет с планируемой прибылью в 120 млрд. долл.²

Ныне, по выражению Бжезинского, возник новый мировой беспорядок, Ближний и Средний Восток стал районом, где каждое государство может безнаказанно добиваться изменения статус-кво, создавая угрозу кризиса. Этот регион ныне играет ту же самую роль, какую играли Балканы в мировой политике накануне Первой мировой войны. Это место сегодня занимает «восточный вопрос» в международной политике.

Но Ближний и Средний Восток 2000 года уже совсем не тот, каким он был в период «холодной войны». Многие аналитики теперь признают, что связи между бывшими советскими республиками Закавказья и Центральной Азии с классическим Ближним и Средним Востоком трансформировали понятие «Ближний и Средний Восток». Сегодня государства этого региона – Израиль, Турция, Иран и другие – проводят активную политику в Центральной Азии и Закавказье, стирая прежние разделительные линии между ними.

В связи с образовавшимся вакуумом силы в Центральной Азии и Закавказье туда устремились Турция, Иран, Пакистан и западные страны во главе с США. Пользуясь распадом СССР, ослаблением России, Анкара, Тегеран и Исламабад начали наращивать свои вооруженные силы и строить планы создания на юге бывшего СССР «общего тюркского рынка», «общего исламского рынка» и т.д., что в первую очередь направлено против интересов России и имеет конечной целью вытеснение её из этих регионов сначала экономически, а потом и в военно-политическом плане. Не случайно Иран увеличил численность армии до 1,5 млн. человек³. Уместно задать вопрос: «Против кого готовится эта военная мощь?» В любом случае Россия всегда будет защищать свои интересы в этом важном для неё регионе.

Выступая в конце 1996 г. на конференции «Развитие стратегического партнерства и военно-политической интеграции государств-участников СНГ», тогдашний министр обороны РФ Игорь Родионов отметил потенциальную угрозу, вызванную резким наращиванием наступательного потенциала ряда азиатских стран, в том числе Турции, Ирана и Пакистана, которые, как известно, составляют ядро Организации экономического сотрудничества (ОЭС), куда вошли все республики Центральной Азии и Закавказья⁴.

Вследствие этого перед Россией на Ближнем Востоке открылись многочисленные возможности, но также и сложности, связанные с политикой западных держав в этом регионе и с внутрироссийскими проблемами. Региональная политика России представляет собой ответ на эту комбинацию осложнений и возможностей. Москва всеми силами стремится расширить свою роль в регионе. На некоторых направлениях ей удалось добиться определенных успехов. Е.М.Примаков, будучи министром иностранных дел, одержал заметную дипломатическую победу в отношении Ирака, не столько благодаря силе и международному весу России, сколько благодаря некомпетентности и неумелости США. Фиаско США в кризисе, связанном с инспекциями ООН, имевшими своей задачей проверку возможностей Ирака производить оружие массового уничтожения в 1997-1998 годах, настолько подняло роль Москвы, что она стала потенциально равной роли Вашингтона на Ближнем Востоке. В результате режим санкций оказался под сильным прессингом и даже может быть отменен в 2000 году, несмотря на утверждения ЦРУ, что Ирак может восстановить производство оружия массового уничтожения в регионе в течение 1-3 лет⁵.

Но хотя Россия, безусловно, добилась значительных временных успехов в 1997-1998 гг., ей не удалось приобрести устойчивые долговременные стратегические преимущества.

Региональная политика России составляет часть её поисков более значительной роли в мире и более высокого международного статуса. Е.М. Примаков неоднократно заявлял, что Россия должна играть глобальную роль и проводить глобальную политику. Президент РФ Б.Н.Ельцин утверждал в 1996 г., что Россия должна проводить глобальную многовек-

торную внешнюю политику и добиваться такой ситуации, при которой её слово будет решающим в мировых делах, и ни одно крупное решение в международной политике не будет приниматься без России. Примаков заявил, что возвращение России роли выдающейся глобальной державы – это «естественное желание в многополярном мире»⁶.

В то же время Россия столкнулась с целым рядом серьезнейших глобальных и региональных вызовов и угроз.

Жертвой натовских авиаударов стала, в сущности, не только Югославия, но и вообще все послевоенное устройство в Европе и вся система международных отношений в целом. Фундаментальные и однозначно негативные последствия агрессии НАТО на Балканах связаны прежде всего с разрушением мирового порядка, основанного на примате Устава ООН. Действия стран-членов НАТО, которые, по сути дела, почувствовали себя свободными от обязательства выполнить его главные постулаты, неизбежно поведут к трагическим последствиям во всем мире. Пример НАТО, заменившего Устав ООН законом джунглей, наверняка окажется очень заразительным для тех сил, которые выступают за несоблюдение режима нераспространения ядерного оружия. В ответ на нелегитимные действия НАТО и провозглашение своего права «наказывать» любую страну по собственному усмотрению эти силы утверждают, что только обладание ядерным, химическим или бактериологическим оружием может стать реальным фактором сдерживания потенциального агрессора. Теперь перестали работать действовавшие ранее «регуляторы» мирового порядка. Кардинально изменились правила игры. Многие региональные «центры силы», вдохновленные примером НАТО, склонны прибегать к силовым методам для удовлетворения своих гегемонистских амбиций. Дуга региональных конфликтов растянулась от Югославии до Таджикистана.

Вызывающие и бесцеремонные действия США и НАТО, направленные на установление американской мировой гегемонии, поставили Россию перед лицом вызовов и угроз в Европе, в СНГ и на Ближнем и Среднем Востоке. Мы имеем все основания рассматривать ситуацию именно в таком ракурсе. По словам американского исследователя Стефена Блэнка, «проблема Примакова и его коллег состоит в том, что они, очевидно, рассматривают мир исключительно в категориях «игры с нулевой суммой», часто с открытой угрозой силы»⁷.

Москву беспокоят не только вышеупомянутые проблемы. Она опасается, что Россия может быть исключена из процесса решения европейских и ближневосточных проблем, когда НАТО придвинется еще ближе к её границам. России может быть отведена экономическая роль поставщика сырья, она может быть лишена возможности участвовать в современной технологической и постиндустриальной революции. Это обречет её на положение перманентно отстающей державы.

Россия столкнулась также с угрозами, исходящими от различных форм мусульманского самоутверждения (национальных или религиозных,

которые часто ассоциируются с такими явлениями, как ваххабизм, пан-тюркизм, панисламизм и т.д.)

Как показал кризис в Афганистане, вызванный победами талибов, Россия ощутила реальные угрозы, связанные с распространением исламского экстремизма на территорию Центральной Азии, с появлением проблемы беженцев, с вовлечением российских войск в акции сдерживания этих угроз, исходящих из Афганистана. Более того, в самой России, в частности, в Чечне существует очаг исламского экстремизма и международного терроризма, получающий помощь и поддержку из мусульманских государств Ближнего и Среднего Востока и таящий потенциальную угрозу дезинтеграции России. Большая опасность таится в возможности того, что внешние спонсоры такие, как Турция, Иран, Афганистан и Пакистан, могут активно поощрять и поддерживать экстремистские мусульманские силы в России⁸.

В этом свете представляется ошибочным и недалёковидным решение российского руководства снабжать Иран обычными вооружениями, оружием двойного назначения и военными технологиями.

С начала 90-х годов Иран развернул активную деятельность по созданию своей атомной бомбы, стараясь при этом сохранять секретность. Успешно решаются проблемы с кадрами, которые готовились не только на Западе, но и в КНР и СССР. После распада СССР Иран развернул большую активность в Киргизии, Таджикистане, Казахстане, чтобы переманить оттуда специалистов-атомщиков, обещая им высокую зарплату и хорошие бытовые условия. Кроме того, по сообщениям западной прессы, были предприняты многочисленные попытки нелегального вывоза из этих республик и из самой России некоторых секретных компонентов, необходимых для производства атомной бомбы и создания ракет-носителей среднего и дальнего радиуса действия. В первую очередь, таких ракет-носителей ядерного оружия, которые способны достичь Израиля, ибо Иран не признает его как государство и выступает за его полное уничтожение. Поскольку западные страны прекратили помощь Ирану, он стал делать ставку на СССР, с которым в 1989 г. подписал соглашение о совместном сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии. В 1993 г. тогдашний министр иностранных дел РФ А.Козырев подписал договор о помощи Ирану в завершении сооружения АЭС в Бушехре. Это вызвало бурю возмущения на Западе, в частности, в США, которые считают, что таким образом Россия оказывает Ирану помощь в создании атомной бомбы, способной представлять опасность для всего мира, а также для самой России.

И здесь американцам трудно что-либо возразить. Ведь Россия до сих пор считается в ИРИ «врагом номер два», «малым Сатаной». После распада СССР Иран на новый волне исламского возрождения развернул активные действия по восстановлению «великой персидской империи» «от моря до моря», и Тегеран не скрывает, что, пользуясь слабостью России, он хотел бы вернуть себе все земли и территории, которые Россия когда-то отвоевала у Ирана, начиная с походов Петра I⁹.

Военная помощь Ирану ставит Россию перед перспективой комбинации внутренней угрозы со стороны исламского экстремизма и внешней угрозы от мусульманского фундаменталистского режима Тегерана. Весьма вероятно эскалация от сдвигов, вызванных какой-либо формой мусульманского самоутверждения, религиозного или национального, к поддержке обычными вооружениями из-за границы мятежных экстремистов. Уровень угрозы может нарастать ещё больше. Если не воспрепятствовать оказанию такой поддержки извне экстремистским силам на юге России, в их руках может оказаться оружие массового уничтожения¹⁰.

Следующий анализ показывает широкий спектр региональных угроз для России: «Геополитически, черная дыра Центральной Азии составляет теперь продолжение или часть нового Ближнего и Среднего Востока. Геокультурно, несколько других регионов имеет систему межгосударственных границ такой прозрачности, что общая, не соблюдающая границ религиозная, этническая, лингвистическая и коллективная память может действовать либо индивидуально, либо сообща как дестабилизирующий или интегрирующий фактор. От Казахстана до Таджикистана (или от Таджикистана до Судана) динамика антиколониального чувства (старого или нового), экономическая отсталость, замедленное развитие, религиозное возрождение, расползание оружия, искусственные границы и этнотерриториальные конфликты – характерные черты ситуации»¹¹.

Е.М. Примаков неоднократно подчеркивал, что для России и для Ближнего Востока существенно важно, чтобы США не играли роль единственного регионального гегемона. Россия должна иметь равное с США присутствие на Ближнем Востоке. Стремление России усилить свою роль в этом регионе активно поддерживается многими лидерами ближневосточных стран. Президент Египта Х.Мубарак и Я.Арафат публично призывали Москву вернуть себе активную роль на Ближнем Востоке. Сирия объявила в марте 1998 г., что хотя прежде она не прилагала значительных усилий для укрепления связей с Россией, теперь делает это на самом высоком уровне. Ирак и Иран также приветствуют возрастающее присутствие России в регионе¹².

После назначения Примакова министром иностранных дел ближневосточная политика РФ резко активизировалась. Когда разразился новый ливанский кризис, Примаков попытался взять на себя роль посредника между Израилем, ливанскими боевиками и Сирией. Он предложил свои услуги, основанные на его контактах с Сирией, Ираном и этими боевиками и в то же время возложил вину за этот кризис на правительство Переса в Иерусалиме. Однако США и Израиль отвергли предложения Примакова и его миссия закончилась неудачей. Но он умело использовал её для того, чтобы начать укреплять отношения РФ с Францией, а также с арабским миром, чтобы достичь своих более широких целей. В Москве с удовлетворением было встречено известие о том, что на выборах в Израиле Б.Нетаньяху одержал победу над Ш.Пересом.

С одной стороны, Россия чувствовала, что правительство Переса относилось к ней достаточно тепло, а с другой стороны, в Москве не без оснований считали, что Нетаньяху затормозит мадридский мирный процесс, до такой точки, когда возникнут серьезные трения между Израилем и арабами и между Вашингтоном и арабами, а это замедление мирного процесса откроет перед Москвой многочисленные возможности для улучшения её позиций в регионе. Бывший российский посол в Израиле Александр Бовин заметил, что Примаков не был дружественно настроен к Израилю.

Великие державы на Ближнем Востоке часто не в состоянии контролировать своих партнеров и вместо этого вынуждены принимать их правила игры, даже если те проводят опасную или даже пагубную политику. Запад категорически отказывается рассматривать Россию как ценного участника или равного игрока в ближневосточном мирном процессе. Но Россия имеет свои геополитические интересы в регионе, поэтому требование России предоставить ей равное место за столом переговоров основывается не на политике вечного отрицания американских инициатив и израильской политики. США отказывают России в ее законном праве. Однако такая позиция содержит опасность увековечить высокую степень региональной напряженности, которая уже существует. Этому содействуют также поставки оружия той или другой стороне конфликта. Правда, позиция России пользуется поддержкой Сирии, Ирака и, вероятно, Я.Арафата. Они опасаются, что без участия Москвы они лишатся надежного источника противодействия нажиму Вашингтона и Иерусалима, и хотят принудить Израиль вернуться к соглашению в Осло или, вероятно, к ситуации 1967 г.

В то же время политика России на Ближнем Востоке вызывает раздражение Запада и Израиля. В этом смысле ситуация напоминает ту, которая была во времена «холодной войны». Особенно резкой критике Запада подвергаются два аспекта политики России: её обвиняют в том, что она поддерживает Ирак и борется против режима санкций, и в том, что она является ядерным спонсором Ирана. И то и другое, по мнению западных критиков, резко сокращает возможности для мира на Ближнем и Среднем Востоке.

Сильным ударом по позициям России является подписание соглашений между Азербайджаном, Турцией и Туркменией о строительстве нефте- и газопроводов. Нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан может пропускать 35 млн. т. нефти в год, хотя годовая добыча в Азербайджане составляет 14 млн. Сопrotивление реализации проекта со стороны России обусловлено страхом получить сильных конкурентов на европейском рынке. Россия имела значительные прибыли благодаря транзиту азербайджанской нефти при минимальных инвестициях. Строительство газопровода из Туркмении в Турцию грозит нам потерей части турецкого рынка. В любом случае России придется потесниться на европейском рынке газа.

Большое значение имеет чеченский фактор. Труба проходит через Чечню. Засилье экстремистов в Чечне было сильным «раздражителем» и служило препятствием для строительства нефтепровода.

Именно в силу всех этих причин так важно сейчас для России суметь сохранить и упрочить её традиционные связи с арабскими странами и мусульманским миром вообще, лишая тем самым экстремистов в Чечне и их сторонников возможности получать с Востока какую-либо помощь для осуществления своих далеко идущих планов и устраняя в то же время угрозу формирования на южных рубежах России мощного враждебного блока.

Хочется надеяться, что в интересах всех сторон российской дипломатии удастся сохранить баланс, равномерно развивая отношения с двумя полярными ближневосточными силами – арабским миром и Израилем. В деле разрешения арабо-израильского конфликта Россия располагает значительным потенциалом: являясь совместно с США сопредседателем мирной конференции, она могла бы внести свой вклад, активно участвуя в многосторонних переговорах, на которых обсуждаются вопросы разоружения, безопасности, экологии в регионе. Тогда оправдалось бы определение А.Козыревым позиции России на Ближнем Востоке в роли «честного брокера».

В любом случае стратегические задачи страны, её геополитическое положение дают основания с уверенностью утверждать, что Ближний и Средний Восток находятся и будут находиться в сфере её первостепенных интересов.

История более чем 10-векового российского присутствия в жизни региона не завершится в 20 веке. Исторические связи России с его странами сохранятся, и обновленная Россия будет и в 21 веке вести свою политику на благо своих народов и всех народов земли.

¹ The Moscow Times, 06.10.1999.

² Труд, 16.11.1999.

³ Россия. Ближнее и Дальнее зарубежье Азии. – М., 1997. – С. 27.

⁴ Там же, с. 26.

⁵ *Donnelly, A.* CIA: Iraq could restart doomsdaylines overnight – Defense news, Sept., 8, 1998. – С. 1.

⁶ Дипломатический Вестник. – 1996. – № 7.

⁷ Mediterranean Security into the coming millenium. Yd. St. Blank, Carlisle, 1999. – С. 451.

⁸ Defense and Foreign Affairs strategic Policy. June, 1998. – С. 10.

⁹ *Хазанов А., Ушаков В.* Сотрудничая с Ираном, Россия рискует прежде всего собственной безопасностью // Сегодня, 31.03.1995.

¹⁰ Defense and foreign affairs Strategic Policy, June 1998. – С. 10.

¹¹ *Mesbahi, Mohiaddin* ed. Central Asia and the Caucasus after the Soviet Union; Domestic and international Dynamics, Cainsville, 1994. – С. 2.

¹² ИТАР ТАСС, 9 октября 1998 г.; Независимая газета, 23.09.1997

Е.Д.Пырлин,
доктор исторических наук,
профессор, член-корреспондент РАН

**ПРОБЛЕМА БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ
В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ
(Воспоминания и мысли участника переговорного процесса
по ближневосточному урегулированию)**

Ситуация на Ближнем Востоке на протяжении последних пятидесяти лет чем-то напоминает движение маятника. Его колебания в ту или иную сторону вызывались не только изменениями во внутривосточной обстановке в ведущих странах региона. Опосредованное, но существенное воздействие на ближневосточную ситуацию оказали конкретные внешнеполитические акции Советского Союза (России) и Соединенных Штатов.

При анализе проблемы ближневосточного урегулирования в контексте наших отношений с США сразу же возникает вопрос: когда и в силу каких причин появлялись условия для конструктивного сотрудничества Москвы и Вашингтона в целях разрешения кризиса в этом регионе? Возможно ли такое сотрудничество в настоящее время и может ли оно помочь в поисках решения конфликтной ситуации на Ближнем Востоке в будущем?

До распада Советского Союза такое сотрудничество или, как минимум, параллельные действия наших стран на Ближнем Востоке, несмотря на их жесткое противоборство в годы «холодной войны», время от времени имели место, хотя и были весьма редкими. Интересно рассмотреть – не только в исторической ретроспективе, но и с позиций сегодняшнего дня, что лежало в основе действий руководства наших стран, направленных на сближение или даже согласование позиций по различным аспектам – нередко ключевым – положения на Ближнем Востоке, на разрешение кризисных ситуаций в этом регионе, зачастую создававших угрозу всеобщему миру, в негативном плане воздействовавших на мировую политическую атмосферу и вынуждавших Москву и Вашингтон подчас действовать «на грани фола».

Наша страна, равно как и Соединенные Штаты, обычно исходили из необходимости признания прав двух основных этнических общностей, проживавших в Палестине – евреев и арабов, – на создание ими собственных независимых государств.

В резко осложнившейся после «шестидневной войны» 1967 г. обстановке на Ближнем Востоке, когда под израильский военный и администра-

тивный контроль попали многие исконно арабские территории, также предпринимались попытки наших стран выработать совместный подход к решению всего комплекса ближневосточного урегулирования. Серьезным осложняющим моментом в тот период был категорический отказ арабских стран от признания в какой-либо форме Государства Израиль; по сути дела этот отказ явился причиной безрезультатности V специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, созванной по нашему предложению для рассмотрения ситуации, возникшей на Ближнем Востоке в результате «шестидневной войны».

После единодушного одобрения Советом безопасности резолюции 242 от 22 ноября 1967 г. состоялось несколько раундов советско-американских переговоров, на которых рассматривались пути возможного выполнения этой резолюции.

Переговоры проходили в достаточно сложной для обеих стран обстановке. Для США она была сложной потому, что главной внешнеполитической заботой Вашингтона оставался вьетнамский конфликт, а для нас потому, что в конце 60-х – начале 70-х годов постоянно росла напряженность в советско-китайских отношениях, подчас принимавшая крайне опасные формы.

Советская позиция в тот период определялась «египтоцентризмом» нашего ближневосточного курса, который далеко не всегда был логичным (например, в вопросах признания Израиля – «незаконного сионистского образования», по официальной арабской терминологии, проведения прямых арабо-израильских переговоров и т.п.) Со временем «египтоцентризм» нашей политики на Ближнем востоке (замечу попутно, что в применении к нашей стране правильнее говорить о «политике на Ближнем востоке», чем о «ближневосточной политике», поскольку, таковой по существу, никогда не было) сменился «сириецентризмом», а затем, когда российскую дипломатию возглавил Козырев, – и «американоцентризм».

В ходе советско-американских консультаций представители США уже тогда выдвинули довольно развернутое предложение по решению проблемы палестинских беженцев. В «13 пунктах США» говорилось, в частности, что для справедливого разрешения проблемы беженцев «необходимо определить и согласиться на процедуры и условия, при которых происходили бы репатриация и расселение (беженцев), а также на общее число лиц, подлежащих репатриации». Выдвигая такое предложение, представители США преследовали две цели – заранее снять остроту выходившей на передний план палестинской проблемы и откровенно затянуть решение вопроса о беженцах, что полностью отвечало бы интересам Израиля. Его позиция была четко сформулирована А.Эбаном: «Суверенное право решать Израилю, в какой мере он должен содействовать разрешению проблемы беженцев».

Позиция нашей страны в этом вопросе определялась известным положением резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 194/III от 11 декабря 1948 г., в которой говорилось: «беженцам, желающим вернуться к своим очагам и мирной жизни со своими соседями, такая возможность должна

быть предоставлена в кратчайший срок, с уплатой компенсации за имущество тех, кто предпочтет не возвращаться, и за пропажу и ущерб имущества, каковые должны быть компенсированы соответствующими правительствами или властями, согласно принципам международного права»⁵.

У меня, как у непосредственного участника указанных советско-американских консультаций, уже тогда сложилось впечатление об их оторванности от жизни, об их некоем излишнем «академизме». В тот период продолжалась египетско-израильская «война на истощение», ежедневно велись длительные артиллерийские дуэли, заметно активизировалась вооруженная и политическая борьба палестинцев за свои погранные права, усиливались израильские «акты возмездия», что ежедневно приводило к человеческим жертвам и разрушению материальных ценностей. Но все это было как бы фоном, невидимым подтекстом вполне дружественных бесед неких сытых, хорошо выглядевших «Авгуров», которых отделяли от места событий, о которых они вели свои неторопливые беседы, тысячи и тысячи километров.

Американская сторона в ходе указанных консультаций возражала против создания демилитаризованных зон по обе стороны арабо-израильских границ, аргументируя свои соображения недостаточной для организации таких зон глубиной израильской территории. Действительно, в районе так называемая Латрунского выступа от иордано-израильской границы до израильского побережья Средиземного моря – всего 12 миль.

Явно по согласованию с израильской стороной американцы предлагали включить еще один пункт в совместный рабочий документ: «Окончательная договоренность будет предусматривать, что реальное нарушение этой договоренности одной стороной дает право другой стороне использовать это нарушение в качестве основания для прекращения выполнения этой договоренности в целом или в отдельной ее части до тех пор, пока нарушение не будет исправлено».

Американцы в ходе двусторонних консультаций всячески вели дело к выработке сокращенного документа, откровенно пытаясь переложить разработку некоторых его положений на стороны конфликта, подведя их к пониманию важности и необходимости непосредственных, прямых переговоров между ними. Нормальная логика говорила, безусловно, в пользу прямых переговоров. Но слишком свежими и болезненными были для арабов воспоминания о недавнем военном поражении в «шестидневной войне», слишком велика была степень упоминавшегося выше «египтоцентризма» в нашем подходе ко всем аспектам урегулирования, чтобы можно было легко поломать устоявшийся и, скажем откровенно, мешавший делу стереотип о нежелательности прямых арабо-израильских переговоров; руководством к действию для нас служила в этом вопросе четкая формулировка, высказанная (естественно, после согласования с Москвой) послом А.Ф.Добрыниным: «Относительно формы обмена мнениями между арабскими странами и Израилем Советское правительство исходит из того, что точки зрения сторон должны доводиться до взаимного сведения

через посла Ярринга. Постановка же вопроса о прямых переговорах может лишь осложнить достижение урегулирования»⁶.

Конфиденциальные советско-американские переговоры весной, летом и осенью 1969 г. попеременно в Москве и Вашингтоне оказали определенное воздействие на американскую сторону, активность которой в деле поисков сбалансированного ближневосточного урегулирования в дальнейшем на некоторое время заметно усилилась. Конечно, вряд ли есть смысл переоценивать значение этих переговоров в плане подталкивания Вашингтона на некие новые инициативы – побудительных мотивов здесь вполне хватало. Несмотря на безрезультатность, эти переговоры, несомненно, сыграли позитивную роль, они убедили американских представителей в высокой степени советско-египетского согласия по ключевым аспектам ближневосточного урегулирования. Кто бы мог тогда подумать, что меньше чем через год не станет Насера, начнется период явного охлаждения советско-египетских отношений, а США в конечном итоге станут практически единственными посредниками в отношениях между Египтом и Израилем.

В декабре 1969 г., все еще находясь под влиянием только что закончившихся советско-американских конфиденциальных переговоров, США выступили с так называемым планом Роджерса, названным по имени тогдашнего государственного секретаря. Выступая 9 декабря 1969 г. в вашигтонском отеле «Шератон-парк», Роджерс изложил некоторые соображения республиканской администрации по вопросам ближневосточного урегулирования⁷. Констатируя, что «призывать к выводу израильских войск, как предусмотрено в резолюции 242 (Совета Безопасности), без достижения соглашения о мире означало бы быть на стороне арабов, а призывать арабов к миру без вывода израильских войск означало бы быть на стороне Израиля», государственный секретарь ратовал за взвешенный, сбалансированный подход. С этой целью он попытался сформулировать некоторые общие принципы ближневосточного урегулирования. В вопросе установления мира между сторонами Роджерс справедливо указывал, что «мирное соглашение между сторонами должно основываться на ясно и открыто провозглашенных ими намерениях и готовности внести существенные перемены в позиции и условия, характерные сегодня для Ближнего Востока». Отметив, что «США – не сторонник экспансионизма, он подчеркнул: «Хотя признанные политические границы должны быть установлены и согласованы между сторонами, всякие изменения в ранее существовавших линиях не должны отражать результаты захвата и должны ограничиваться несущественными изменениями, требуемыми интересами взаимной безопасности». Характеризуя общую обстановку на Ближнем Востоке, Роджерс заявил, что США «готовы действовать вместе с другими в этом районе и во всем мире, пока и если другие действительно стремятся к той цели, к какой стремимся мы: к справедливому и прочному миру».

Прежде чем принять решение о согласии с планом Роджерса, покойный Насер проконсультировался с советским руководством. Если бы в

Москве считали, что все, исходящее от Соединенных Штатов – зло, то у нашей страны в тот период было достаточно возможностей и надежных способов, чтобы сорвать принятие Египтом этого американского плана. Но Москва подчеркнуто не пошла по такому примитивно-конфронтационному пути; мы всегда исходили из того, что любые шаги, направленные на уменьшение опасной напряженности на Ближнем Востоке, как-то приближающие достижение ближневосточного урегулирования на сбалансированной основе, не должны отвергаться «с порога», откуда бы они не исходили.

Кратковременное сближение позиций Советского Союза и США, имевшее место на базе одобрения обеими странами резолюции 242, сменилось длительным периодом откровенного дипломатического маневрирования, во время которого Москва и Вашингтон внимательно следили за «ходами» друг друга и проявляли откровенную «ревность», если кто-то из них получал хоть малейшую возможность «переиграть» партнера. Позиции двух стран опять существенно разошлись. Более того, советско-американские переговоры на высшем уровне в мае 1972 г. и в июне 1973 г. показали, что положение на Ближнем Востоке не являлось приоритетным направлением во внешней политике США, что негативное воздействие израильской оккупации арабских территорий на внутривосточное положение в ряде арабских стран расценивалось американской стороной как реальная возможность оказания давления на эти страны в желательном для Запада направлении.

В период, последовавший сразу же за окончанием Октябрьской войны («войны Судного дня»), по инициативе СССР и США и в результате переговоров в Москве государственного секретаря Киссинджера с советскими руководителями было принято еще несколько важных резолюций по Ближнему Востоку, в том числе резолюция Совета Безопасности 338. Одним из ее пунктов был призыв к незамедлительному созыву международной конференции по Ближнему Востоку. В ходе визита Киссинджера в Москву была достигнута и договоренность о «соответствующей эгиде», под которой должно было проходить ближневосточное урегулирование и, в частности, МКБВ, которая вскоре собралась в Женеве. Смысл «соответствующей эгиды», т.е. в данном случае советско-американского сопредседательства на МКБВ, заключался в том, что СССР и США взяли на себя обязательство и проявили готовность влиять на развитие ближневосточной ситуации и на ход женевской конференции совместными и параллельными усилиями с тем, чтобы стороны в конфликте смогли достигнуть разумного, сбалансированного, взаимоприемлемого решения всего комплекса вопросов ближневосточного урегулирования.

Сближение позиций Советского Союза и США в ходе Октябрьской войны и на ее завершающей стадии было недолгим, уже в январе 1974 г. были сделаны первые шаги киссинджеровской «дипломатии шаг за шагом», что было расценено Москвой как откровенная попытка исключить Советский Союз из числа участников ближневосточного урегулирования. Такие попытки предпринимались всегда, но они усилились в последний

год пребывания Никсона на посту президента, хотя именно Никсон говорил в сентябре 1970 г. в своей речи на юбилейной, XXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН: «Существенно важно, чтобы мы и Советский Союз объединили наши усилия для того, чтобы избежать войны на Ближнем Востоке и чтобы установить атмосферу, в которой государства ближнего Востока смогли бы научиться жить вместе и давать жить другим»⁸.

Как готовность американской стороны к совместным с Советским Союзом поискам выхода из кризисной ситуации в указанном регионе могло быть расценено совместное советско-американское заявление по Ближнему Востоку, инициированное американцами 1-го октября 1977 г. по результатам переговоров в Вашингтоне Громько с президентом Картером и государственным секретарем Вэнсом. Но администрация Картера предпочла отступить перед израильским давлением и официально дезавуировать содержание указанного документа через четыре дня после его появления.

Многие эксперты по Ближнему Востоку отмечали, что, начиная с весны 1977 г., в американской позиции по вопросам ближневосточного урегулирования появились два новых момента, которые свидетельствовали о медленном «дрейфе» в сторону сближения с советской позицией: стремление к возобновлению Женевской конференции и постепенная подготовка американского общественного мнения к согласию с тем, что Организация освобождения Палестины является вполне подходящим партнером на возможных переговорах о создании «отечества» для палестинцев, что палестинская проблема должна быть «решающим элементом» на любых переговорах по ближневосточному урегулированию. Правда, «холодным душем» для американской стороны явился официальный комментарий результатов переговоров Вэнса и главы израильского правительства Бегина в августе 1977 г., с которым выступил советник главы израильского кабинета по вопросам информации Кац. Он открыто заявил, что «если американская сторона будет настаивать на участии ООН в Женевской конференции, то никакой Женевской конференции просто не будет»⁹.

Именно после августовского (1977 г.) визита Вэнса в Израиль у президента Картера возникла мысль подготовить совместное заявление, в целом приемлемое для советской стороны и не расходящееся с «новыми идеями» американской администрации в вопросах урегулирования, которые, однако, не воспринимались, по свидетельству израильской прессы, двумя третями израильского общества. Картер счел подготовку совместного советско-американского заявления по Ближнему Востоку своевременным шагом и оправданным риском, но он явно недооценил масштабы израильского влияния на официальную ближневосточную политику Вашингтона, что в конечном итоге оказалось решающим фактором для судьбы совместного заявления. После того, как этот документ «приказал долго жить», в советско-американских усилиях по достижению ближневосточного урегулирования долгое время не было никакого проблеска хотя бы потому, что самих усилий (совместных) в этом вопросе предпринято не было, советско-американские контакты, в том числе и на высоком уровне, по

вопросам положения на Ближнем Востоке не принесли сколько-нибудь весомых результатов.

Завершение «холодной войны», процесс улучшения советско-американских отношений давали основание надеяться на прогресс в деле урегулирования конфликтной ближневосточной ситуации, на успешность поисков компромиссной и сбалансированной основы такого урегулирования. Внешне могло создаться впечатление, что и американская сторона преследует те же цели. Однако содержание переговоров Горбачева и Дж.Буша на Мальте и ряд других советско-американских, а позднее и российско-американских встреч и переговоров аналогичного характера показали, что американская сторона готова к согласованию позиций двух стран, в том числе и по вопросам ближневосточного урегулирования, исключительно на американских условиях и под американскую диктовку. США считали и считают, что ими одержана полная победа в «холодной войне», и этого, по их мнению, достаточно для того, чтобы Россия «спрятала подальше» свои амбиции и перестала претендовать на проведение на Ближнем Востоке самостоятельной политики.

Как по команде, авторитетные американские СМИ стали в благожелательном тоне комментировать те внешнеполитические действия, предпринимавшиеся нашей страной в последние месяцы существования СССР, равно как и последующие акции России как правопреемницы СССР, которые отвечали интересам США; равным образом нарочито замалчивались, искажались и показывались в ложном свете те действия России, которые «не одобрялись» Вашингтоном. Американская сторона открыто стремилась представить дело так, что Советский Союз (Россия) проявляет полную солидарность с США в отношении их действий в кувейтском кризисе, в их стремлении «примерно наказать» Ирак. Об этом, в частности, публично заявил Дж.Буш после его хельсинкской встречи с Горбачевым.

В западной печати широко комментировалось сделанное Бушем в ходе бесед с Горбачевым в Хельсинки предложение стать полноправным членом некоего «долгосрочного стратегического союза», целью которого было бы «удержание» Ирака и других «потенциально воинственных» стран ближневосточного региона от «необдуманных и опрометчивых» акций. Согласие руководства нашей страны с идеей такого альянса и на вступление в него предусматривало бы направление наших «символических» воинских подразделений на Ближний Восток; этот шаг, равно как и отзыв военных специалистов из Ирака и согласие с американскими силовыми действиями против него могли быть соответствующим образом «оплачены» широкой экономической помощью западных государств. К счастью, у Горбачева хватило здравого смысла, чтобы отказаться от столь «лестного» предложения.

Американские политические наблюдатели быстро заметили смену ближневосточных ориентиров политики нашего государства. В частности, было высоко оценено в США активно развивавшееся сближение России с

Израилем, тот факт, что Россия «отошла от своей прежней роли поддержки неконструктивной ООП, вступила в широкие отношения с Израилем, активно противостоит Ираку, способствует сдержанности Сирии и предоставила Израилю такое богатство, которое ему не дала вся огромная американская помощь – еврейскую эмиграцию. Американцы и израильтяне были бы сумасшедшими, если бы не использовали открывающиеся в связи с этим широкие возможности»¹⁰.

Звучит парадоксально, но эта смена ориентиров была или излишне спокойна встречена российским общественным мнением, или просто не замечена им. Внешне все как будто обстояло по-прежнему, российское руководство вроде бы придерживалось прежних «формул» ближневосточного урегулирования. Казалось, что советско-американская «соответствующая эгида» продолжала действовать. Так, в совместном американо-советском приглашении на мирную конференцию в Мадриде, направленном сторонам в конфликте 18 октября 1991 г., говорилось, что СССР и США «готовы сотрудничать со сторонами с тем, чтобы добиться справедливого, длительного и всестороннего мирного соглашения через прямые переговоры по двум трекам (направлениям) – между Израилем и арабскими государствами и между Израилем и палестинцами – на основании резолюций 242 и 338 Совета безопасности ООН»¹¹. В приглашении говорилось, что двусторонние прямые переговоры начнутся через четыре дня после торжественного открытия конференции, которое было назначено (и состоялось) 30 октября 1991 г. В приглашении было оговорено, что «конференция не будет иметь силы, чтобы навязывать сторонам решения или вотивовать решения, уже достигнутые сторонами»; этот пункт приглашения молчаливо соглашался с перспективой достижения закулисных, «подковерных» сделок. В приглашении также подчеркивалось, что СССР и США «верят, что существует историческая возможность продвижения к подлинному миру во всем (ближневосточном) регионе».

В тот же день, 18 октября 1991 г., американская сторона направила специальные «письма о заверениях» палестинскому и израильскому руководству. В письме палестинцам содержались многословные заверения в понимании Соединенными Штатами насущной необходимости решения палестинской проблемы, говорилось, что сооружение израильских поселений на территориях, оккупированных Израилем в 1967 г., является препятствием на пути к ближневосточному урегулированию, провозглашалась готовность американской стороны «упорно работать» совместно с палестинцами «с целью достижений прогресса в деле утверждения мира на Ближнем Востоке»¹².

В письме, направленном руководству Израиля, подтверждалась «приверженность Соединенных Штатов отношениям дружбы и сотрудничества с Израилем, говорилось, что США готовы сыграть на арабо-израильских переговорах роль «честного брокера»¹³. Характерно, что в письме, направленном израильской стороне, обходился молчанием вопрос о судьбе восточного Иерусалима, а в письме палестинцам прямо

говорилось, что США «не признают израильской аннексии восточного Иерусалима или расширения его муниципальных границ».

Если в «письме о заверениях», направленном палестинцам, несколько раз упоминался Советский Союз, что могло создать впечатление о согласованности текста письма с Москвой, то в письме израильскому руководству Советский Союз не упоминался вообще.

Содержание указанных писем явилось наглядным подтверждением намерений американской стороны выступать в качестве единоличного посредника в арабо-израильском урегулировании, что, по мнению американского руководства, было обеспечено военным успехом США в войне с Ираком победным завершением пресловутой «Бури в пустыне».

Конечно, созыв мадридской конференции явился успехом прежде всего американской дипломатии. В ходе многочисленных и многоуровневых переговоров, которые предшествовали ее созыву, все заметнее проявлялась одна характерная тенденция: официальные представители нашей страны как бы априорно отбрасывали многолетние последовательные усилия советской дипломатии, стремившейся к возобновлению МКБВ, ими по сути дела не востребовался наработанный годами позитивный потенциал наших предложений по ближневосточному урегулированию. Вместо согласования позиций нашей страны с позицией США, что, естественно, должно было предусматривать определенные взаимные уступки, представители нашего государства предпочли «подстраивание» к американской позиции, даже «встраивание» в нее, «растворение» в ней. Это было заметно уже в ходе контактов, предшествовавших принятию известной резолюции 678 Совета Безопасности, которая открыла «зеленую улицу» американским военно-силовым действиям против Ирака; например, на встрече в Урумчи Шеварднадзе откровенно «выкручивал руки» своему китайскому коллеге, убеждая его согласиться с американской позицией, сводившейся к необходимости широкомасштабной военной акции против Ирака в качестве наказания за его действия по отношению к Кувейту. Этим действиям аннексионистского характера, захвату Кувейта и его оккупации иракскими войсками, конечно, нет оправдания, но трудно отделаться от мысли, что США искали (и наконец-то нашли) желанный предлог для развязывания войны против Ирака, заранее создав у иракского руководства иллюзию о возможной безнаказанности агрессии против Кувейта.

В ходе уже первых заседаний ближневосточной конференции в Мадриде стали заметны определенные осложнения в российско-палестинских отношениях. Дело в том, что даже созыв конференции проходил полностью по американскому сценарию, официальные представители Организации освобождения Палестины были отстранены от участия в конференции, в состав объединенной иорданско-палестинской делегации были включены палестинцы, представлявшие только оккупированные территории (за исключением восточного Иерусалима), но не палестинскую диаспору. Палестинцы были вынуждены принять эти откровенно дискриминационные условия, когда убедились, что российская сторона готова согласиться с

любимыми американскими предложениями по «формату» конференции и не настаивает на принятии выдвинутых ранее российских же предложений о необходимости самостоятельного участия палестинской делегации в работе МКБВ. По сути дела, палестинцам было отказано в статусе, которым пользовались другие участники конференции. Самым обидным для палестинцев, по их откровенному признанию, было то, что такой поворот событий стал возможным из-за послушного следования России, в недавнем прошлом их достаточно надежного друга и защитника, за всеми антиарабскими и антипалестинскими зигзагами и пируэтами американской ближневосточной политики.

Подтвердилась американская уверенность, что Россия, где в геометрической прогрессии нарастают внутривнутриполитические и внутризкономические трудности, всегда будет готова «подстроиться» к новым американским инициативам в деле ближневосточного урегулирования, если такие инициативы появятся.

Летом 1999 г. российская сторона упустила удобный момент для своего «возвращения» на Ближний Восток и не использовала заинтересованность Сирии и Израиля в организации встречи руководителей этих стран на высшем уровне при российском посредничестве. В Москве на редкость пассивно и индифферентно отнеслись к такой возможности, в то время как перспективы встречи Асада и Рабина серьезно обеспокоили американскую администрацию, которая заметно опасалась утраты своего контроля над событиями на сирийско-израильском «треке» ближневосточного урегулирования. Конечно, можно предположить, что пассивность российской стороны объяснялась утратой интереса к вопросам ближневосточного урегулирования, но нельзя отделаться от мысли, что такая пассивность была весьма продуманной акцией, поскольку снимала обеспокоенность Вашингтона, а подыгрывание американской стороне практически во всех международных вопросах, бездумное и зачастую противоречившее национальным интересам России следование американским «добрым советам» и «искренним рекомендациям» в международных делах красной нитью проходили через всю бесславную деятельность их «дорогого друга Андрея» – российского министра иностранных дел Козырева.

В последние годы существования Советского Союза американская сторона игнорировала «советский фактор» как второстепенный и мало значащий компонент ближневосточной ситуации. Так, в Вашингтоне посчитали, что возможные внешнеполитические осложнения в результате проведения военной акции против Ирака не смогут перевесить военных и политических выгод. Белый дом, несомненно, учитывал в своих действиях колебания, непоследовательность и противоречивость позиции Москвы в отношении к развертывавшемуся кризису вокруг Кувейта и ту излишне суетливую поспешность, с которой Горбачев и Шеварднадзе согласились с американскими действиями, видимо, не отдавая себе отчета в последствиях такого поведения. Все это не могло не отразиться на наших отношениях с арабским миром, ускорив их эрозию.

Но эти события уже стали достоянием истории, хотя и недавней. Удивляет другое. Российская общественность, как известно, почти единодушно осудила действия США в отношении Ирака, приведшие к гибели многих тысяч ни в чем неповинных мирных граждан, почти полному разрушению экономической инфраструктуры страны, значительным убыткам, породившим возникновение серьезных экономических трудностей. Официальных правительственных заявлений с осуждением злополучной «Бури в пустыне» почти не было, а те, которые все же имели место, звучали весьма вяло и аморфно. Но во всяком случае российское руководство постаралось дистанцироваться от действий США, видимо, понимая, что «превышение своих полномочий», на которое пошли американские вооруженные силы в ходе антииракской операции (этим эвфемизмом, впервые употребленным американской прессой, а затем растиражированным российской рептильной прессой, прикрывались противозаконные действия американских вооруженных сил в ходе «Бури в пустыне»), откровенно шокировали отечественную общественность и отнюдь не способствовали благожелательному отношению к разрекламированному «партнерству во имя мира».

И вдруг, в середине ноября 1999 г., в «Нью-Йорк Таймс» появляется статья главы российского правительства В.Путина, одного из кандидатов на президентский пост, в которой, видимо, для придания большей убедительности словам автора, действия российской армии в Чечне по подавлению бандитов и террористов сравниваются с действиями американской армии в ходе «Бури в пустыне», при этом из смысла статьи становится ясно, что автор одобряет – пусть и задним числом – эти противоправные действия. Такое сравнение оскорбительно не только для иракского руководства, которое ставится на одну доску с незаконными бандитскими формированиями и международными террористами, действующими в Чечне под знаменем воинствующего ислама. Это сравнение оскорбительно для солдат и офицеров российской армии, которые рискуют жизнями и жертвуют собой во имя сохранения единства и территориальной целостности России, а не вторгаются в независимое государство. Поражает, мягко говоря, незнание и непонимание подлинного существа американской «Бури в пустыне», продемонстрированное главой российского правительства и теми «экспертами», кто помогал готовить эту статью. Это непонимание, видимо, отражает известный тезис Козырева о необходимости выработки единого с США подхода к локальным конфликтам средней и малой интенсивности. Очевидно, однако, что такой «единый подход» на практике может означать только одно – все то же злополучное «растворение» позиции Москвы в позиции Вашингтона, который в своем отношении к подобным конфликтам преследует свои собственные гегемонистские цели, весьма далекие от национальных интересов России.

Невольно напрашивается вопрос: что является определяющим фактором в российско-американских отношениях применительно к обстановке в ближневосточном регионе и проблеме ближневосточного урегулирования – соперничество или сотрудничество, конфронтационное мышление в

духе «холодной войны» или политика взаимных уступок, обоюдное стремление к поискам решения сложных и деликатных проблем на конструктивной основе?

Остается фактом, что когда существовал Советский Союз, условия конструктивного советско-американского сотрудничества в деле поиска взаимоприемлемых путей достижения справедливого и прочного арабо-израильского урегулирования были иными, чем сейчас. Когда авторы и исполнители американской ближневосточной политики видели, что политический курс Вашингтона вступает в опасное для США противоречие с реалиями ближневосточного региона, что грозило утратой или ослаблением американских позиций; когда даже самые надежные американские союзники на Ближнем Востоке негативно воспринимали «дружеские советы» из-за океана; когда в ближневосточной политике США проявлялись открытые слабости, – тогда в Вашингтоне прибегали к «патентованному средству», вспоминали, что сделав (по преимуществу, на словах) некоторые шаги навстречу нашей позиции, можно создать впечатление о сближении позиций наших стран, о стремлении Москвы и Вашингтона действовать совместно в направлении конструктивного и основанного на принципе «справедливости для всех» ближневосточного урегулирования. Такая закономерность наблюдалась на протяжении последних двадцати пяти лет существования Советского Союза, т.е. в тот период, когда сформировалось само понятие «ближневосточное урегулирование» в его нынешнем понимании: за резолюцию 242 Совета Безопасности американский представитель проголосовал, убедившись в повышенной «обтекаемости» ее формулировок; договоренность о совместных с СССР действиях после Октябрьской войны 1973 г. была достигнута тогда, когда итоги в значительной мере поколебали миф о военной неуязвимости Израиля, когда в арабских столицах появилась уверенность, что совместными усилиями можно и должно противостоять американско-израильскому курсу, и были сделаны практические шаги, вначале может быть робкие и недостаточно последовательные, в этом направлении. Подготовка американской стороной проекта совместного советско-американского заявления от 1-го октября 1977 г. и инициатива США с публикацией этого заявления были вызваны откровенным стремлением Вашингтона снять с США обвинения в извечно негативном подходе к поискам решения палестинской проблемы – важнейшего аспекта ближневосточного урегулирования.ё

Последние десять-пятнадцать лет наблюдается все большее сближение позиций России и США в вопросах оценки ближневосточной ситуации, в вопросах ближневосточного урегулирования. Однако обольщаться этим фактом не стоило бы. Такое сближение может свидетельствовать о прогрессирующем ослаблении позиций России в ближневосточном регионе, о ее вынужденном «подстраивании» к позиции США, о молчаливом согласии российского руководства с постепенным вытеснением России с Ближнего Востока, где роль нашей страны всегда была традиционно сильной и прочной.

Складываемся впечатление, что на Ближнем Востоке Россия играет по «вашингтонским правилам». Но не секрет, что эти «правила» являются лишь частью долгосрочной стратегии США, направленной на тотальное «выдавливание» нашей страны из бывшего «третьего мира», на наглядное демонстрацию перед всеми внешнеполитического бессилия России.

Когда наше внешнеполитическое ведомство возглавляли не столько случайные, сколько некомпетентные люди – Шеварднадзе, Панкин и Козырев (когда первым // заместителем министра иностранных дел долгое время был (Шелов-Ковердяев), многие друзья России откровенно переживали, глядя как позиция России на Ближнем Востоке «растворяется» в политическом курсе США, которые всегда имели точно определенные цели, руководствовались пониманием своих национальных интересов и использовали проверенный внешнеполитический «инструментарий», неоднократно испытанный на практике.

Сейчас с таким ненормальным положением вроде бы покончено, и можно надеяться, что отныне российско-американское сотрудничество в ближневосточных делах будет строиться на основе полного равенства и уважения мнения друг друга, что советско-американская «соответствующая эгида» в вопросах ближневосточного урегулирования перестанет быть пустым звуком и не будет служить ширмой для «подковерных» маневров. От этого только выиграет весь ближневосточный регион, долгие десятилетия мечтающий о прочном, длительном и справедливом мире.

¹ См. СССР и ближневосточное урегулирование, 1967-1988: Документы и материалы / Министерство иностранных дел СССР. – М.: Политиздат, 1989. – С. 87-91.

² «13 пунктов США» и сопутствующие материалы цит. по соответствующим документам Архива внешней политики СССР за 1969 г., а также некоторым материалам из личного архива автора статьи.

³ The Jerusalem Post, December 10, 1967.

⁴ Keesing's Contemporary Archives, 1948-1950, volume 7, p. 9743.

⁵ Более подробно по этому вопросу см.: Великий Октябрь и актуальные проблемы арабского мира. – М., 1979. – С. 92.

⁶ См. примечание 2.

⁷ The Department of State Bulletin, volume LXII, № 1593, January 5, 1970, p. 8, 9.

⁸ Документ ООН № A/PV. 1882, p.29.

⁹ The Jerusalem Post, August 25, 1977.

¹⁰ The New York Times, September 9, 1993.

¹¹ Madrid Peace Process, Documentary Record, London, 1994, p. 9-11.

¹² Ibidem, p. 5-6.

¹³ Ibidem, p. 7-8.

¹⁴ Спецбюллетень посольства Палестины в Москве. – 1992. – № 2. – С. 4.

¹⁵ Спецбюллетень посольства Палестины в Москве. – 1992. – № 3. – С. 2.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ М.Р.Арунова	3
ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ СИТУАЦИИ В АФГАНИСТАНЕ И ПОЗИЦИЯ ООН В ДЕЛЕ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА А.Г.Зуев	11
СИТУАЦИЯ В АФГАНИСТАНЕ: ВЫЗОВЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ У.З.Шарипов	23
ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ 90-х ГОДОВ И ПОЛИТИКА США Е.С.Мелкумян	34
РОЛЬ СОВЕТА СОТРУДНИЧЕСТВА АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ А.И.Яковлев	51
ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР В ПОЛИТИКЕ САУДИДОВ В 90-е ГОДЫ XX в. И.И.Иванова	67
ТУРЕЦКО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ И.И.Иванова	72
ТУРЕЦКО-ИЗРАИЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ Н.Г.Киреев	80
РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ – УГРОЗА ВНУТРЕННЕЙ СТАБИЛЬНОСТИ ТУРЦИИ Н.Ю.Ульченко	92
РОЛЬ ЭКСПОРТА И ИМПОРТА ЭНЕРГОСЫРЬЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ И ТУРЦИИ В.М.Ахмедов	107
СИРИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ А.З.Егорин	120
БЛИЖНИЙ ВОСТОК: ГОНКА ВООРУЖЕНИЙ... «ВО ИМЯ МИРА» Ю.Н.Рахманинов	130
ДОСТИЖЕНИЯ И ПРЕПЯТСТВИЯ НА ПУТИ БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВА В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ Р.Г.Ланда	138
АЛЖИР И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ Л.И.Медведко	153
РОССИЯ И БЛИЖНИЙ ВОСТОК: СТО ЛЕТ В СОПРЯЖЕНИИ ВОЙНЫ И МИРА А.М.Хазанов	163
ПОЛИТИКА РОССИИ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ Е.Д.Пырлин	184
ПРОБЛЕМА БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ	194